

ДРЕВНИЙ ТАШКЕНТ

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ДРЕВНИЙ ТАШКЕНТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР
ТАШКЕНТ • 1973

Ответственный редактор
кандидат исторических наук *И. АХРАРОВ*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Историко-археологическое изучение Ташкента	8
Глава II. Ташкент в древности и в средние века	18
Глава III. Раннесредневековые памятники на территории Ташкента	109
Заключение	141

Древний Ташкент. Отв. ред. канд. истор.
наук *И. Ахраров*. Т., «Фан», 1973.

144 с. с ил. (АН УзССР. Ин-т археологии).

9(C52) + 902.6

ДРЕВНИЙ ТАШКЕНТ

Редактор *А. Неволина*
Художник *В. Тий*
Технический редактор *А. Шепельков*
Корректор *А. Айрапетова*

Р08241. Сдано в набор 19/II-73 г. Подписано к печати 19/III-73 г. Формат 70×90^{1/16}. Бум. тип. №1 -4,5
бум.—10,53 печ. л. Уч.- изд. л. 9,3. Изд. № 324. Тираж 1500. Цена 93 к.

Типография Изд-ва «Фан» УзССР. Ташкент, ул. Черданцева, 21. Заказ 50.
Адрес Изд-ва: Ташкент, ул. Гоголя, 70.

Д $\frac{0162-024}{355(06)-73}$ 78-73

ВВЕДЕНИЕ

Социалистический Ташкент — столица Узбекской ССР, город мира и дружбы—является крупным индустриальным и культурным центром Средней Азии. Это—город вузов и театров, город памятников архитектуры и революционного прошлого. Здесь проводятся международные конгрессы, научные симпозиумы, фестивали искусства и литературы.

Ташкент—один из крупнейших городов Средней Азии, который наряду с такими городами, как Бухара, Мерв, Самарканд, был очагом цивилизации, политическим и культурным центром богатой области Мавераннахра—Шаша.

Пострадавший во время землетрясения 1966 года, город усилиями всех братских республик был превращен в одну огромную строительную площадку. Небывалые масштабы строительства, связанного с ликвидацией последствий землетрясения, повлекли за собой большие объемы земляных работ (котлованы для жилых и общественных зданий, траншеи для всякого рода городских коммуникаций), что вызвало необходимость широкого археологического надзора.

Институт археологии АН УзССР, пользуясь беспрецедентными в истории советского градостроительства благоустроительными работами, проводит широкие археологические исследования территории города как на застраиваемых участках, так и в районах, особо интересных в археологическом отношении. В отделе средневековой археологии был создан специальный Ташкентский археологический отряд для историко-топографического исследования города¹.

---

¹ Состав отряда: научный руководитель — акад. АН УзССР Я. Г. Гулямов, начальник отряда — канд ист. наук В. А. Булатова, археологи—Д. П. Вархотова (до 1970 г.), Л. Л. Ртвеладзе, М. И. Филанович, Л. Г. Брусенко, Д. Г. Зильпер. Привлекались для работы в отряде в сезоны 1967—1971 гг. археологи Э. Ртвеладзе, В. Я. Бутанаев, Ш. Пидаев, Б. Кочнев, а также студенты кафедры археологии ТашГУ.

Цель проводимых в черте города археологических работ—определение времени сложения и развития древнейшего городского образования в части долины Чирчика, изучение всех объектов материальной культуры древности, попадающих в границы «Большого Ташкента».

В 1922 г., определяя ближайшие задачи изучения Туркестана, В. В. Бартольд писал: «Вообще по современному состоянию среднеазиатской археологии во многих случаях придется довольствоваться установлением охраны существующих памятников и возможно тщательного наблюдения за археологическими находками...

Даже из городов края мы только о Мерве, Бухаре и Самарканде располагаем такими подробными сведениями, что по ним можно было бы составить историю этих городов: написать историю какого-нибудь города, не исключая и Ташкента, было бы невозможно за отсутствием материала в источниках»².

С тех пор, как были написаны эти строки, в практику советских археологов вошло комплексное изучение городов. Так были изучены Термез, Шахрисабз, Несеф, города Илака, Пенджикент, Шахристан, города Хорезма, Туркмении, Ферганы. Уже 10 лет работает экспедиция по исследованию Самарканда, началось изучение Бухары. Стало аксиомой положение о том, что изучение вопросов образования и развития городов в древности и средние века невозможно провести только по письменным источникам, не привлекая сами города в их материальном облике³.

Археологические исследования позволили выявить ряд общих закономерностей в развитии и сложении средневековых городов Средней Азии. Широкие возможности для изучения этого вопроса открываются и при раскопках в Ташкенте. Город расположен в долине Чирчика на слегка всхолмленной наклонной равнине, расчлененной неглубокими балками и оврагами. Орошение города осуществляется системой ирригационных каналов, питаемых р. Чирчик. Самые крупные из них Салар, Каракамыш с притоками, Чаули и Бурджар, Нижнее Бозсу. Долинно-балочная сеть, расчленяющая Ташкентскую лессовую равнину, оформилась в голодностепское время⁴. Антропогенное освоение и изменение территории Ташкентского оазиса было неодновременным и неравномерным. Однако можно с полной уверенностью говорить, что это район древней земледельческой культуры,

² В. В. Бартольд. Ближайшие задачи изучения Туркестана, «Наука и просвещение», 1922, № 2, стр. 9.

³ А. Ю. Якубовский. Феодалное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XI вв., МИУТТ, ч. I, Л., 1933, стр. 4 и сл.

⁴ Геоморфологическая характеристика дана в отчете К. Ланге «О геоморфологической съемке Ташкентского сейсмического района», Ташкент, 1967, рукопись архива треста «Ташкентгеология».

свидетельством чего являются и древняя ирригационная сеть, и мощные, нажитые человеком напластования с остатками материальной культуры, находимые на всей территории современного города.

Эпоха доирригационного освоения красноречиво иллюстрируется коллекцией палеолитических орудий из каракамышского местонахождения⁵ и стоянкой мезолитического времени в урочище Кушилиш в западной части современного Ташкента. На северо-западной (урочище Аччикуль) и северо-восточной (урочище Янарык) окраинах обнаружены следы поселений эпохи бронзы⁶. Среди памятников долин арыков Салар и Карасу расположены и отчасти сохранились: ранне-средневековое городище Бугли-тепе, Ногай-курган, Кугаит-тепе (I—XII вв.), на правом берегу Карасу погребальные комплексы Алтын-тепе и Чильдухтаран-тепе, где были найдены отдельные предметы эпохи бронзы. При сносе Чильдухтаран-тепе в 1968 г. были обнаружены три погребения в грунтовых ямах с инвентарем, состоящим из керамики, бус и бронзовых украшений⁷.

На правом берегу Салара находится городище Минг-Урюк (IV—XII вв.). Несколько северо-западнее, на правом берегу арыка Ак-тепе расположено одноименное городище, датируемое V—VII вв. Западная часть современного города отделена от восточной арыком Анхор и расположена в зоне арыков Каракамыш и Нижнее Бозсу. Ирригационная сеть представлена системой оросителей: Калькауз, Кукча, Анхор, Шахар, Танышахар и сбросов: Лабзак, Чорсу, Чукурсай, Жангоб и др. В этой части тоже много тепе и курганов—остатков древних поселений.

По предварительным данным, освоение холмистой западной части стало возможным после естественного упорядочения водной системы Каракамыш—Бозсу, т. е. хронологически несколько позже восточной. Хронологическая последовательность ирригационного и культурного освоения бассейнов Салара и Каракамыша важна для определения изначального центра жизни в оазисе Шаша. Этот сложный вопрос имеет много аспектов и может быть решен совместными усилиями археологов, этнографов, лингвистов, геоморфологов, гидрогеологов и др.

Особенно большие возможности открываются в исследовании периода раннего средневековья. Искусственно ограниченная чертой «Большого Ташкента», часть цивилизованного оазиса долины р. Чирчик потенциально объединяет все характерные элементы исторической топографии, присущие этому периоду. Здесь не только такое крупное город-

⁵ Н. Х. Ташкенбаев. О морфологических признаках каракамышского палеолитического материала, ИМКУ, Ташкент, 1969, вып. 8, стр. 11.

⁶ Там же, стр. 10.

⁷ Расчистку погребений вела Л. Л. Ртвеладзе. Погребения датированы А. А. Аскаровым эпохой поздней бронзы.

ское образование, как Минг-Урюк или Ханабад (Нуджкет арабских географов X в.), но и многочисленные сельские поселения, усадьбы, замки, храмы, сторожевые башни, наусы и могильники без надземных построек. Планомерное изучение этих памятников, отражающих социально-экономические отношения и религиозные представления раннефеодального общества Шаша, позволит проследить зарождение раннефеодального города, его взаимоотношения с сельской округой, классовые и семейные отношения населения, лучше осмыслить культурное взаимовлияние кочевников и оседлых земледельцев Шаша.

Древнейшее упоминание о городе в долине Чирчика под названием Юни содержится в китайских хрониках старшего дома Хань и относится ко II — началу I в. до н. э. М. Е. Массон допускает, что Юни располагался на территории Ташкента, поскольку город Ши-ше (Ташкент), согласно сведениям из истории династии Тан (VII—X вв.), возник позднее на его месте⁸.

Остатки обживания времени существования города Юни следует искать, исходя из археологических наблюдений, на землях, орошаемых Саларом и его отводами. Географическое название Чач зафиксировано в надписи сасанидского царя Шапура I на «Каабе Зороастра» (262 г.)⁹.

Дальнейшие сведения о центральном городе долины Чирчика относятся к V в. н. э. Он выступает в китайских хрониках как Чже-Ше, с которым Китай поддерживал связь. По китайским источникам, владение Чже-Ше подчинялось тюркскому каганату, а затем, в конце VI в. н. э., входило в Западнотюркский каганат¹⁰. Арабоязычные авторы, пишущие о завоевании Средней Азии арабами, именуют это владение Шашем¹¹.

Бинкет как столица Шаша упоминается в источниках с X в. Как отмечает Ибн Хаукаль, в Хорасане, и Мавераннахре нет страны, подобной Шашу по многочисленности соборных мечетей, по обширности и обилию построек вплоть до силы и храбрости жителей. Город был важным пунктом на торговых путях из Передней Азии в Китай, что обеспечило его быстрый рост и расцвет ремесел¹². Макдиси сообщает что из Шаша вывозили седла, колчаны, луки, палатки, плащи; ножницы, иголки, молитвенные коврики, наплечники,

---

⁸ М. Е. Массон. Прошлое Ташкента, Известия АН УзССР, Ташкент, 1954, № 2, стр. 107 (схемы).

⁹ В. Г. Луконин. Кушано-сасанидские монеты, ЭВ, 1967, XVIII, стр. 16.

¹⁰ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, М.—Л., 1950, стр. 313.

¹¹ М. Е. Массон. Прошлое Ташкента, стр. 109.

¹² Абу-л-Касым ибн Хаукаль. Пути и страны, Труды САГУ, Ташкент, 1957, стр. 22—23; В. В. Бартольд. Сочинения, т. I, М., ИВЛ, 1963, стр. 226—228.

хлебное зерно, хлопчатобумажные ткани. Славу Шашу принесла его посуда¹³.

Бинкет имел некоторое значение и как центр духовной культуры. Например, Субхи упоминает, что богослов Абу Хатым из Самарканда (ум. в 965 г.) прослушал около тысячи учителей от Ташкента до Самарканда¹⁴. Возможно, что в его значении духовного центра сыграла роль личность Абу Бакра Мухаммада Каффала-Шаши (ум. в 976—977 гг.) — распространителя шафиитства в Шаше¹⁵.

Название Ташкент впервые встречается у Беруни и Махмуда Кашгарского¹⁶. На монетах название «Ташкент» появляется лишь в монгольское время¹⁷. В политических событиях XIV—XV вв. Ташкент упоминается то как место третейского суда Чагатайских царевичей, то как ставка войск Тимура, то как владение, за которое дерутся монгольские, узбекские и казахские правители¹⁸.

Археологические работы Ташкентского отряда 1967—1971 гг. велись главным образом на территории средневекового Бинкета (арк, шахристан, рабады). Остальные части города исследовались в связи со строительными и земляными работами (частичные раскопки, шурфы, зачистки котлованов и траншей). Исследовались также Минг-Урюк как древнейшее городское образование, Ак-тепе Чиланзарское и Ханабад.

*

* * *

В написании монографии приняли участие сотрудники Ташкентского археологического отряда.

Введение и глава I написаны канд. ист. наук В. А. Булатовой; глава II — Д. Г. Зильпер; ~~глава III~~ — В. А. Булатовой, М. И. Филанович, Л. Л. Ртвеладзе, Л. Г. Брусенко и Г. Дадабаевым; глава IV — М. И. Филанович; заключение — В. А. Булатовой и М. И. Филанович.

Авторский коллектив приносит глубокую благодарность за консультации Я. Г. Гулямову, М. Е. Массону, Г. А. Пугаченковой, В. Я. Зезенковой, Г. Н. Пшенину.

¹³ В. В. Бартольд. Сочинения, т. I, стр. 295.

¹⁴ А. Мец. Мусульманский Ренессанс, М., 1966, стр. 160.

¹⁵ В. В. Бартольд. Сочинения, т. II, ч. I, М., 1963, стр. 237.

¹⁶ Бируни. Индия, т. II, Ташкент, 1960, стр. 271, текст и прим. 10; Махмуд Кашгарский. Девону Луготи турк, Ташкент, 1960, т. I. Попытки толкования делаются и теперь. Например, М. Кадырова расшифровывает «Ташкент» как внешний город (ташкари, ташкент) по отношению к оазису (газ. «Строитель Ташкента», 11 августа 1967 г.).

¹⁷ В. В. Бартольд. Сочинения, т. II, ч. I, стр. 83—84.

¹⁸ Там же, стр. 84—89.

Глава I

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ТАШКЕНТА

Начало изучению истории Ташкента положили во второй половине XIX в. русские востоковеды и образованные представители коренного населения города, занимавшиеся коллекционированием древностей.

С 1895 г., после открытия в Ташкенте Туркестанского кружка любителей археологии, процесс накопления фактов по истории края стал более систематическим и вошел в научное русло¹. Члены кружка осуществляли сбор материалов, обследования памятников, раскопки, переводы и сбор письменных источников. Так, Н. С. Лыкошин сделал сводку некоторых археологических исследований в Средней Азии, упомянув о находке кремневого ножа на Никифоровских землях². В историко-археологическом очерке Ташкентского района Е. Т. Смирнов описал городища Минг-Урюк, Ханабад, Югон, Той-Тюбе, Ногай-курган и др.³ Несколько позже В. Л. Вяткин опубликовал очерк «К исторической географии Ташкентского района»⁴. В. П. Наливкин в числе прочих дал детальное описание холма Ак-тепе в северо-восточной части Ташкента на берегу одноименного канала⁵. В тот же период некоторые дополнительные сведения были собраны о поселении Ханабад⁶. В поле

---

¹ Б. В. Лунин. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане, Ташкент, 1957, стр. 42—57.

² Н. С. Лыкошин. Очерки археологических изысканий в Туркестанском крае до учреждения Туркестанского кружка любителей археологии, ПТКЛА, I, 1896, стр. 42.

³ Е. Т. Смирнов. Древности в окрестностях города Ташкента, ПТКЛА, I, 1896, стр. 5—9.

⁴ См.: ПТКЛА, V, 1899—1900.

⁵ См.: Б. В. Лунин. Указ. соч., стр. 106, прим. 53.

⁶ Д. С. Граменицкий. Заметки о древних урочищах Туркестанского края, ТВ, 1879, № 12; ПТКЛА, I, 1896, стр. 15 (сообщение топографа М. С. Косценича о Ханабад-тепе).

зрения исследователей попала и ирригация—основа жизни в Средней Азии. Например, Е. Т. Смирнов проанализировал названия каналов.

В Ташкенте и его окрестностях участники кружка обнаружили осуарии. Первые отдельные находки в пределах города отмечаются 1871 годом; позднее, в 1886 г., близ Ниязбаша и на Никифоровских землях в Ташкенте был обнаружен целый некрополь овальной формы⁷. В эти же годы исследовались и архитектурные памятники города. Архитектор Н. Щербина-Крамаренко сделал зарисовки и фото с медресе Кукельдаш, Барак-хан, мавзолеев Каффаль-Шаши, Зайнаддина Бобо, Юнус-хана⁸.

Научные публикации участников кружка—В. Л. Вяткина, А. Диваева, А. Добросмыслова, Н. Г. Маллицкого, Н. Маева, Е. Т. Смирнова, А. Шишова и др.⁹—до сих пор не утратили ценности, ибо отразили состояние памятников на том отрезке времени и дали первые этнографические, топонимические, историко-топографические и археологические сведения.

Обширный фактический материал по истории Средней Азии, в том числе Ташкента, ввел на основе письменных источников В. В. Бартольд. Его работы «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», «К истории орошения Туркестана», статьи в «Энциклопедии ислама» являются основополагающими при изучении топографии Шаша-Илака и Бинкета. Уже тогда он четко определил, что Бинкет X в. находился на месте Ташкента и являлся главным городом области, равной которой, по свидетельству Ибн Хаукаля, не было ни в Хорасане, ни в Мавераннахре¹⁰.

Новый этап исследования города, как и всей Средней Азии, связан с деятельностью созданного при Советской власти Туркомстариса—

---

⁷ В. В. Бартольд. К вопросу об осуариях Туркестанского края, ИРКИСВА, СПб., 1908, № 8, стр. 50; Е. Т. Смирнов. Указ. соч., стр. 9; Он же. Археологическая находка близ Ташкента, ТВ, 1886, № 17; Н. С. Лыкошин. Указ. соч., стр. 40—41; Б. В. Лунин. Указ. соч., стр. 191.

⁸ Н. Щербина-Крамаренко. По мусульманским памятникам, СКСО, вып. IV, Самарканд, 1896.

⁹ В. Л. Вяткин. Указ. соч.; А. Диваев. Промыслы и занятия туземцев азиатского города Ташкента, ТВ, 1901, 33; А. И. Добросмыслов. Ташкент в прошлом и настоящем, Ташкент, 1911; Н. Г. Маллицкий. Несколько страниц из истории Ташкента за последнее столетие, ПТКЛА, год 4, Ташкент, 1898, стр. 158—177; Он же. К истории Ташкента под кокандским владычеством, ПТКЛА, год 4, Ташкент, 1900, стр. 126—137; Он же. Ташкент (Исторический очерк), Известия Ташкентской гор. думы, 1915, № 1; Н. А. Маев. Азиатский Ташкент, Ежегодник материалов для статистики Туркестанского края, вып. I, СПб., 1872, стр. 7—12; Е. Т. Смирнов. Указ. соч.; А. Шишов. Исторический очерк Ташкента, Сборник материалов по статистике Сырдарьинской области, т. XI, Ташкент, 1904.

¹⁰ В. В. Бартольд. Сочинения, т. I, М., 1963, стр. 226—228; т. III, 1965, стр. 218—220.

Средазкомстариса — Узкомстариса (последовательно менявшиеся названия одного учреждения, существовавшего с 1920 по 1928 г.). В этот период основным направлением была охрана памятников материальной культуры, в том числе архитектуры¹¹. Широкие задачи, поставленные в программной статье Д. И. Нечкина (председателя Средазкомстариса) и касающиеся археологического изучения древней ирригации и археологических раскопок, не были осуществлены в полной мере, но это был несомненный прогресс в деле научного исследования¹². А. А. Семенов произвел фотофиксацию и обследование памятников старины, взятых затем на учет. Несколько позже, учитывая реставрационные работы, писал о них И. И. Умняков¹³.

Исторической топографией и историей Ташкента занимался Н. Г. Маллицкий, а с 1925 г. и В. А. Шишкин¹⁴.

Детальное археолого-топографическое исследование города проводил М. Е. Массон. С 1924 г. он начал систематические наблюдения за новостройками и городскими земляными работами, осуществлял разведки и раскопки в городе и окрестностях, регистрировал нумизматические и археологические поступления на антикварном рынке¹⁵. Наблюдения М. Е. Массона над исторической топографией города в сочетании с данными источников и картографическим материалом позволили сделать ряд обобщений, важные выводы к схеме города X в., наложенной на современный план Ташкента¹⁶.

---

¹¹ М. Е. Массон. Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении, Труды САГУ, вып. LXXXI, Ташкент, 1956, стр. 16.

¹² Д. И. Нечкин. Задачи и ближайшие цели Комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы в Средней Азии, Известия Средазкомстариса, вып. I, Ташкент, 1926, стр. 12 и сл.; М. Е. Массон. Краткий очерк... стр. 24.

¹³ И. И. Умняков. Охрана памятников старины и искусства в советском законодательстве Средней Азии, Известия Средазкомстариса, вып. I, 1926, стр. 43—49; Он же. Архитектурные памятники Средней Азии (1920—1928 гг.), Ташкент, 1929, стр. 26; А. А. Семенов. Материальные памятники иранской культуры в Средней Азии, Сталинабад, 1945, стр. 20.

¹⁴ Н. Г. Маллицкий. Ташкент, Известия Ташкентской гор. думы, 1915, № I; Он же. Ташкентские махалля и мауза, В сб. «В. В. Бартольд», Ташкент, 1927, стр. 105—121; В. А. Шишкин. О названиях ташкентских махалля, Бюлл. Ташкентского новгородского исполкома, 1925, № 4, 5; Он же. Дневники за 1925—1926 гг. (личный архив, тетр. № 9).

¹⁵ М. Е. Массон. Монетные находки в Средней Азии в 1917—1927 гг., Известия Средазкомстариса, вып. 3, Ташкент, 1928, стр. 280—293; Он же. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1930—1931 гг., Материалы Узкомстариса, вып. 5, Ташкент, 1933; Он же. Клад утвари фальшивомонетчика XIV в. под Ташкентом, Известия Узкомстариса, вып. 4, Ташкент, 1933.

¹⁶ М. Е. Массон и др. Историко-археологическое изучение мавзолея Юнусахана в Ташкенте, Труды САГУ, вып. 61, 1953, стр. 171—199; Он же. Ахангеран, Археолого-топографический очерк, Ташкент, 1953, стр. 41; Он же. Прошлое Ташкента, Известия АН УзССР, 1954, № 2.

В работу по исследованию археологических и архитектурных памятников города включился В. Д. Жуков. Под руководством М. Е. Массона, в содружестве с архитекторами Ш. Ратия и Л. Н. Ворониным велись раскопки медресе Барак-хана, обследование тепе Ташкента и его окрестностей, А. И. Тереножкиным и В. Л. Ворониной — раскопки Ак-тепе и наблюдения на Ташкентском канале, Т. Миргиязовым — обследования города и тепе, Д. Д. Букинич — наблюдения над ирригационной системой в городе, М. Е. Воронец — наблюдения на территории города и в окрестностях, Я. Г. Гулямовым — наблюдения в Ангрене и окрестностях¹⁷.

В военные и послевоенные годы работы по исторической топографии Ташкента и его районов вела под руководством М. Е. Массона кафедра археологии Средней Азии Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина. На кафедре читался курс исторической топографии Ташкента и Ташкентского района, велись рекогносцировочные работы на отдельных городищах и в самом городе. В этот период были обследованы территория за Кукчинскими воротами, район кладбища Ходжа ва Ходжа, район у ворот Лабзак, южный район города — Чиланзар (Тешиклик-тепе, Хас-тепе, урочище Науза, Козибад, Домбрабад и др.); в восточной части города — так называемые Никифоровские земли; за пределами города — Ханабад-тепе, Таукат-тепе, Ногай-курган, Кугаит-тепе, Ниязбек-кала; обследованы архитектурные памятники: мавзолей Юнус-хана со всем прилегающим комплексом (мавзолей Калдыргач-бия)¹⁸.

---

¹⁷ В. Д. Жуков. Предварительный отчет об археологическом наблюдении над земляными работами в медресе Барак-хана в 1935 г., Архив ГУ ОПМК, рук. № 15; Д. Д. Букинич. Новые данные для истории канала Боз-су, СОНАТ, 1937, № 6; Л. Н. Воронин и Ш. Е. Ратия. Медресе Барак-хана в Ташкенте, журн. «Архитектура СССР», 1936, № 1, стр. 67—72; А. И. Тереножкин. Памятники материальной культуры Ташкентского канала, Известия УзФАН СССР, 1940, № 6; Он же. Холм Ак-тепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.); В. Л. Воронина. Архитектура замка Ак-тепе близ Ташкента, по данным работ 1940 г. Обе статьи в ТИИА АН УзССР, т. 1, Ташкент, 1948, стр. 71—158.

¹⁸ Историческая топография Ташкента и историческая топография Ташкентского района. Курс лекций, читавшихся М. Е. Массоном на кафедре археологии Средней Азии ТашГУ с 1939 г.; В. М. Массон. Городище Ханабад, Сборник студенческих работ САГУ, вып. 3, Ташкент, 1951, стр. 73—87; М. Е. Массон и др. Историко-археологическое изучение мавзолея Юнус-хана в Ташкенте, стр. 171—199; З. Усманова. Материалы по средневековой керамике г. Ташкента, Сборник студенческих работ САГУ, вып. 10, 1955, стр. 60; И. Баишев, В. Массон. Археологические разведки в районе Ташкента, Труды САГУ, вып. XXI, 1956, стр. 133; С. Лунина, З. Усманова. Из археологических наблюдений на Кугаит-тепе близ Ташкента, Труды САГУ, вып. XXXI, Ташкент, 1956, стр. 146; Ю. Ф. Буряков. Городище Минг-Урюк в Ташкенте, Труды САГУ, вып. LXXXI, Ташкент, 1956; Ю. Ф. Буряков, Д. Г. Зильпер. Археологические наблюдения в 1957 году на городище Минг-Урюк в Ташкенте,

Помимо кафедры работы в городе велись Институтом истории и археологии АН УзССР, Главным управлением по охране памятников культуры при Министерстве культуры УзССР, Музеем истории УзССР. Эти учреждения изучали памятники архитектуры, отдельные тепе, осуществляли наблюдение за земляными и благоустроительными работами¹⁹.

В 1941 г. кафедра истории архитектуры СазПИ произвела обмеры и анализ мавзолея Каффаль-Шаши²⁰.

В 1951 и 1954 гг. в связи с реставрационными работами проводились археологические исследования мавзолея Зайнаддина Бобо, находящегося за воротами Кукчинской даха (вне города XIX в.)²¹. В 1951 г. велись наблюдения за разборкой медресе Ходжа-Ахрара, исследования медресе Кукельдаш²², в 1960 г. проводились наблюдения и археологические исследования на территории шахристана и арка Бинкета²³.

В Шейхантаурской даха довольно рано отмечаются археологические находки. Так, в 1896 г. на одном из участков был найден оссуарий²⁴.

В 30-е годы XX в. в районе Центрального телеграфа (ул. А. Навои) Я. Г. Гулямов обнаружил кладок саманидских монет. Тогда же

Труды ТашГУ, вып. 172, 1960, стр. 128—146; С. Лунина и З. Усманова. Керамика с поселения Ногай-курган близ Ташкента, там же; Ш. Ташходжаев. Средневековый керамический комплекс из шурфа у медресе Кукельдаш в Ташкенте, там же, стр. 190—196; Н. И. Крашениникова. К вопросу об изучении древних могильников Ташкентского оазиса, Труды ТашГУ, вып. 225, 1966, стр. 26—33.

¹⁹ В. А. Шишкин. Полевые исследования Узбекской археологической экспедиции в 1960 г., ИМКУ, вып. 3, Ташкент, 1962, стр. 14. О Минг-Урюке см.: ИМКУ, вып. 2, Ташкент, 1961, стр. 32; ИМКУ, вып. 3, стр. 13—14. О Ниязбек-кала см.: ИМКУ, вып. 2, стр. 33; Н. Б. Немцева. Отчеты и дневники, Архив ГУОПМК, 1952. В. И. Спришевский—археолог Музея истории народов Узбекистана—еще в 1947 г. производил раскопки на городище Тешик-купрюк; отчета не сохранилось, но есть фото и дневники. Археологический материал хранится в фондах Музея.

²⁰ Н. И. Френкель. Мавзолей Абу-Бекра Мухаммада Каффаль Шаши в Ташкенте. Материалы по истории архитектуры Узбекистана, М., 1950, стр. 73—83.

²¹ В. А. Левина. К истории мавзолея Зайнаддина Бобо, Архитектурные памятники Узбекистана, Ташкент, 1960, стр. 75—84.

²² К. С. Крюков и В. А. Левина. Архитектурное и археологическое исследование медресе Кукельдаш в Ташкенте. Отчеты и дневники в архиве ГУОПМК, 1954. См. также: ИМКУ, вып. 1, Ташкент, 1959, стр. 123.

²³ Археологами В. А. Булатовой и М. Т. Аминджановой заложено 15 шурфов и проанализирован разрез длиной 360 м по ул. Комсомольской от медресе Кукельдаш до Таштрама.

²⁴ Н. С. Лыкошин. Сообщение члена-секретаря правления кружка о случайных археологических находках, ПТКЛА, II, 1897, стр. 25 (Местоположение участка неясно. Возможно, что он находился за Анхором в восточной части города, которая принадлежала в свое время Шейхантаурской части).

этот район обследовал В. А. Шишкин²⁵. В 1968 г. на ул. Полиграфической на территории Института связи при рытье траншеи был обнаружен клад серебряных караханидских монет в поливном кувшинчике²⁶. Систематические обследования района проводились студентами и сотрудниками кафедры археологии ТашГУ²⁷. Историко-этнографическое обследование квартала Дегроз проводилось ИИА АН УзССР²⁸. В 1958 г. археолог Т. А. Агзамходжаев зарегистрировал на юго-западной окраине Ташкента (54-й разъезд) оссуарные захоронения, датируемые VI—VIII вв.²⁹

Территория, отождествленная М. Е. Массоном со средневековым шахристаном и арком, еще достаточно четко прослеживается в рельефе города.

Территория предполагаемого арка размещена М. Е. Массоном в треугольнике, ограниченном арыками Жангоб (Янгоб, Жангох) и Регистан (сейчас это территория северных трибун стадиона «Спартак», ресторана «Гулистан» и площади Калинина—Иски-Джува со сквером). Современный рельеф, хотя и очень искаженный, передает общий характер холма с крутым понижением в долину арыка Жангоб и плавным повышением к северу (Карасарайская улица, ныне ул. Хамзы). Значительное понижение рельефа отмечается и по улице Сагбан, которая от площади им. Калинина спускается к Октябрьскому рынку. В недавнем прошлом здесь вплотную к медресе Бекляр бека размещались ряды базаров и ремесленных кварталов Сибзарской части. От той поры сохранились названия Иски-Джува, Иски-базар, Иски-Мискарлик³⁰. В 1926 г. площадь арка обследовалась М. Е. Массоном, который присутствовал при разборке останков здания из кирпича-сырца большого размера в махалля Иски-Джува. Массон отождествил эту постройку с угловой башней арка X в.³¹ В 1927 г. при гидрогеологическом обследовании на площади были обнаружены подземные ходы 50—70 см в диаметре из жженого кирпича.

Проведенные в 1960 г. Институтом истории и археологии АН

---

²⁵ Устное сообщение Я. Г. Гулямова; В. А. Шишкин. Дневник за 1926 г., тетр. № 9 (личный архив).

²⁶ Хранится в фондах ИИА АН УзССР.

²⁷ Экспозиция и фонды кафедры археологии ТашГУ. В 1968 г. обследование кладбища Минор и Ганч-тепе проводила Л. Л. Букиннич (Ртвеладзе).

²⁸ К. Фазылова. Ташкентский квартал литейщиков (махалля Дегроз) в конце XIX—начале XX в., Сб. «Научные сообщения», кн. 4, ООИ АН УзССР, Ташкент, 1961, стр. 240—245. Шейхантаурский квартал детально обследовался этнографом М. Рузиевой.

²⁹ Т. Агзамходжаев. Оссуарные захоронения на окраине Ташкента, ИМКУ, вып. 4, Ташкент, 1963, стр. 84—86.

³⁰ Н. Г. Маллицкий. Ташкентские махалля и мауза, стр. 15.

³¹ М. Е. Массон. Прошлое Ташкента, стр. 110.

УзССР археологические работы показали, что площадь сквера, где находились мечеть Хатун и медресе Бекляр бека, интенсивно подвергалась перекопке, и материалы XIX—XX вв. встречаются на глубине 3 м. Только на северной окраине стадиона «Спартак» удалось проследить четкую стратиграфию—верхние горизонты дали насыщенный слой XIX—XX вв., под ним четко выраженный слой XV—XVI вв. и в плотном бедном остатками материальной культуры лессовом слое на глубине 2 м 70 см найден фрагмент X в. В 1968 г. Ю. Ф. Буряков при наблюдении над траншеей на кладбище Мафа зарегистрировал керамику XII в.³²

Холм шахристана площадью около 15 га возвышается над окружающей территорией на 8—9 м. С юга его ограничивает современная Комсомольская площадь (бывшая Шейхантаурская). Юго-западный угол занят зданиями медресе Кукельдаш (XVI в.), мечети Джами, медресе Ходжа Ахрара XV в. (частично разобрано в 1951 г. в связи с аварийным состоянием). Западный и южный склоны ограничены арыком Жангоб, восточный склон выходит на ул. Хамзы. Шахристан пересекается двумя главными улицами—одна из них Вилоят (бывш. Акмечетская)—и несколькими второстепенными. Улицы имеют крутое падение рельефа при выходе на склоне. Примечательно, что квартал с медресе Ходжа Ахрара за длительный период своего существования несколько раз менял название. Ныне—это Гульбазар, в начале XX в.—Махкама или Ишкабад, ранее же—Хаузи Сангин, т. е. «каменный водоем» (перс.). Название «Махкама» («канцелярия») связано с изменением судопроизводства при губернаторе Романовском, который хотел ограничить власть казы-каляна и ввел выборный состав казиев и советчиков³³.

Долина арыка Жангоб отделяла шахристан от торгово-ремесленных кварталов рабада, которые тоже сосредоточивались на холмах, расположенных севернее, западнее и южнее. Интересно, что такая планировочная структура города, очевидно, была типична для всего Хорасана и даже отмечена Насири Хисроу. Он пишет, что иранские города состояли из цитадели (кухендиза), официальной части города (мадина), имевшей обычно четверо ворот, и торгового квартала, где располагались базары. Каждая из трех частей была укреплена своей стеной.

Археологическому изучению шахристана положили начало наблюдения М. Е. Массона за земляными работами по ул. Вилоят в 1929 г. В том же году и позднее были зарегистрированы и определе-

³² Устное сообщение Ю. Ф. Бурякова.

³³ А. А. Семенов. Материальные памятники..., стр. 20; О Махкаме см.: В. В. Бартольд. Сочинения, т. II, стр. 353—355.

ны нумизматические находки с этой территории: 1) клад «черных» дирхемов Мусейяби X в. (в количестве 99 штук); 2) монета чекана илеков XII в. (в районе арыка Жангоб по ул. Сагбан); 3) на Сагбанской улице—китайская монета Цен-Луня (1736—1795) и кашинный сосуд; 4) медные монеты чекана Шейбанидов (на территории Таштрама); 5) «черный» дирхем Мусейяби IX—X вв., 6) монета XV—начала XVI в. (при разборке медресе Ходжа Ахрара в 1951 г.)³⁴.

В 1950 г. наблюдения за геологическими шурфами у медресе Кукельдаш вела археолог В. А. Левина (Булатова). Эти шурфы глубиной до 6 м, заложенные у восточного фасада, дали в верхних горизонтах обильный материал XIX—XX вв., а в нижних—XI—XII вв. В 1959 г., в связи с реставрацией медресе Кукельдаш, возле здания было заложено 20 шурфов различной глубины. Наблюдения вела В. А. Левина (Булатова). Стратиграфия наслоений была достаточно четкой и дала возможность на глубине 3,5—4 м проследить четкий слой X—XI вв., лежащий уже на плотном, свободном от остатков материальной культуры, лессе. Над ним очень перемешанный материал от XII до XX в. Глубина заложения фундаментов медресе была различной: восточные фундаменты имели глубину 2,20, а западные—5,95 м. Такая значительная разница объясняется тем, что медресе строилось на самом склоне холма и его западная стена опускалась на нижележащую территорию рабада.

В 1960 г. сотрудники Института истории и археологии АН УзССР, проводившие наблюдения за рытьем котлованов у южного фаса шахристана (ул. Комсомольская), установили следующее. Склон шахристана был прорезан двумя террасами по 20 м шириной на протяжении 360 м. Первая терраса сделана на уровне улицы в материковом слое, который перемежается оврагами, засыпанными в XV—XVIII вв. Материковый лесс прорезан в некоторых местах бадрабными дудками XV в. (3)* и XII в. (1). Вторая терраса выше первой, в ее обрезах прослеживается материал от XV до XX в. Слой гумусированный со множеством мусорных ям. Ямы XX в. прорезают толщу второй и первой террас вплоть до материка. Собранный на террасах археологический материал показал, что эта часть (от медресе Кукельдаш до Таштрама) была обжита слабо и то лишь с XV—XVI в. Слой XI—XII вв. может быть был снесен при перепланировках. Материала зафиксировано очень мало.

---

³⁴ М. Е. М а с с о н. К вопросу о «черных» дирхемах Мусейяби, ТИИА АН УзССР, вып. 7, Ташкент, 1955, стр. 179, 181; Он же. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1930 и 1931 гг., Материалы Узкомстариса, вып. 5, Ташкент, 1933, стр. 11, 17; Е. А. Д а в и д о в и ч. Неопубликованные монетные находки на территории Узбекистана, ТИИА АН УзССР, вып. 7, стр. 160.

Наблюдения и исследования в городе продолжались и далее.

С весны 1967 г. Ташкентский археологический отряд начал планомерные раскопки и наблюдения с широким охватом территории города, где изучались памятники всех категорий.

Одним из важных объектов исследования было признано городище Минг-Урюк (привокзальная часть города на правом берегу Салара), давно ставшее объектом наблюдений. В 1896 г. о нем упоминает Е. Т. Смирнов³⁵, затем описывает и даже датирует А. И. Добросмыслов³⁶. В 20-х годах XX в. его обследовал М. Е. Массон, который предположил, что городище было резиденцией тюркских правителей³⁷. В 1942 и 1951 гг. сбор материалов проводился Т. Миргиязовым и В. И. Спришевским (Музей истории Узбекистана).

В 1954 г. на городище впервые были проведены археологические наблюдения кафедрой археологии Средней Азии ТашГУ. Тогда археологу Ю. Ф. Бурякову удалось выделить два периода в жизни городища (VI—VIII вв. и XI—начало XIII в.) и предположить наличие рабовладельческой основы. Он подтверждает и выдвинутое М. Е. Массоном отождествление Минг-Урюка с Тарбендом³⁸.

Довольно регулярные работы велись в 1957—1959 гг. В 1957 г. на цитадели был заложен небольшой стратиграфический раскоп, давший возможность наметить стратиграфическую шкалу и сделать заключение, что первоначально на месте городища находилось принадлежавшее к каунчинской культуре поселение земледельцев, которое затем переросло в город³⁹. Раскопки, проведенные в 1958—1959 гг., позволили наметить контуры, фортификацию и внутреннюю застройку цитадели.

В конце 1959 г. на городище Минг-Урюк был заложен большой раскоп к западу от цитадели и выявлено, что под остатками наслоений XII—начала XIII в. находились слои V—VII вв. с монументальными сооружениями на платформе. По мнению О. В. Обельченко, поселение возникло в первых веках нашей эры⁴⁰. Эта часть городища была уничтожена фабрикой «Шарк», на территории которой находится останец, и потому материалы вскрытий конца 1959 г. приобретают

---

³⁵ Е. Т. Смирнов. Древности в окрестностях города Ташкента, стр. 5.

³⁶ А. И. Добросмыслов. Ташкент в прошлом и настоящем, стр. 67.

³⁷ М. Е. Массон. Ахангеран, стр. 11.

³⁸ Ю. Ф. Буряков. Городище Минг-Урюк в Ташкенте, стр. 126—132.

³⁹ Ю. Ф. Буряков, Д. Г. Зильпер. Археологические наблюдения в 1957 году на городище Минг-Урюк в Ташкенте, стр. 128—146.

⁴⁰ Отчет О. В. Обельченко в архиве ИА АН УзССР. См. также: В. А. Шишкин. Узбекская археологическая экспедиция АН УзССР (полевые работы 1956—1959 гг.), ИМКУ, вып. 2, стр. 32.

весьма важное значение, поскольку они заполняют лакуну между цитаделью и шахристаном⁴¹.

В результате проведенных на территории города и его окрестностей работ можно было отказаться от гипотез о местоположении рабовладельческого и раннесредневекового Ташкента в северо-западной части⁴², которая, как показал фактический материал, сложилась не ранее X в. М. Е. Массоном установлено, что Иски Ташкент является средневековым городом Шутуркент и никакого отношения к Ташкенту не имеет⁴³. Раскопки городища Минг-Урюк IV—XII вв. н. э., находки ранних материалов (I в. н. э.) в районе Алтын-тепе и Чильдух-тараң-тепе в какой-то мере определили очаг первичного заселения Ташкента⁴⁴.

Можно констатировать, что комплексные археологические работы по изучению исторической топографии Ташкента значительно расширили представления об истории сложения города. В итоге Ташкентский археологический отряд, приступая в 1967 г. к широкому специальному археологическому исследованию города, располагал историко-археологической схемой средневекового Бинкета—центра домонгольского Шаша. На этой схеме определены контуры его арка, шахристана и двух рабадов. Таким образом, местоположение средневекового Бинкета в современном Ташкенте выявилось достаточно четко. Целью работ Ташкентского археологического отряда явились уточнение и детализация границ его отдельных частей в различные периоды жизни, установление хронологической шкалы, определение изначальных очагов урбанизации на этой территории, побудительных причин дальнейшего развития городской жизни именно на территории Бинкета.

---

⁴¹ О. В. Обельченко передал в Ташкентский отряд все графические и вещественные материалы, связанные с раскопом 1959 г. За это ему и приносится глубокая благодарность.

⁴² А. А. Семенов. Материальные памятники..., стр. 20; В. М. Массон. Городище Ханабад, стр. 77—78; Ю. А. Соколов. Ташкент, ташкентцы и Россия, Ташкент, 1965, стр. 21.

⁴³ М. Е. Массон. Ахангеран, стр. 41; Он же. Прошлое Ташкента, стр. 106—107; К. С. Крюков и В. А. Левина. Указ. соч., стр. 14.

⁴⁴ М. Е. Массон. Ахангеран, стр. 41; Ю. Ф. Буряков, Д. Г. Зильпер. Археологические наблюдения в 1957 году..., стр. 128—146. М. Е. Массон отождествляет Минг-Урюк с Тарбендом, связывая его, таким образом, с Шашем, а с С. Г. Кляшторный идентифицирует Тарбенд с Оттаром, т. е. помещает его в Исфиджабе (С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники, М., 1967, стр. 157—161).

Глава II

ТАШКЕНТ В ДРЕВНОСТИ И В СРЕДНИЕ ВЕКА

МИНГ-УРЮК — ДРЕВНЕЙШЕЕ ГОРОДСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

В ходе работ 1968—1972 гг. уточнялся процесс становления и развития города, определялась его структура, выявлялись границы городской территории. Решение задач осложнялось тем, что к 1968 г. полностью исчезли остатки цитадели. От примыкавшей к ней наиболее высокой части городища, названной нами «замком», сохранился незначительный по размерам останец, а городскую территорию занимала современная застройка. Доступными оказались только те части городища, где землетрясение 1966 г. разрушило дома и жители были выселены.

Раскопки велись на останце замка, в центре шахристана и на прилегающих к нему землях (рис. 1)¹.

Замок

В замке на площади раскопа в 269 м² слои мощностью до 1 м представляют собой перемешанный насыпной грунт с включением мусора XX в. Ниже прослежены обрывки сырцовой кладки стен плохо сохранившихся помещений. С большим трудом оконтурились комнаты (рис. 2). Основные стены их сложены из сырцового кирпича, перегородки—из пахсы. Кирпич изготовлен из глины с примесью самана, его размеры 42×21×9 см.

В замке обнаружены следующие помещения. Помещение I расположено в западной стороне раскопа. Сохранились северная, южная и восточная стены. Помещение заполнено завалом лесса с углями и фрагментами глазурованной керамики XI—XII вв.

¹ Работы вели археологи Д. Г. Зильпер, Л. Г. Брусенко, Д. П. Вархотова (октябрь 1968 г.), лаборанты В. Я. Бутанаев, С. Чегодаев, О. Дильмухамедов.

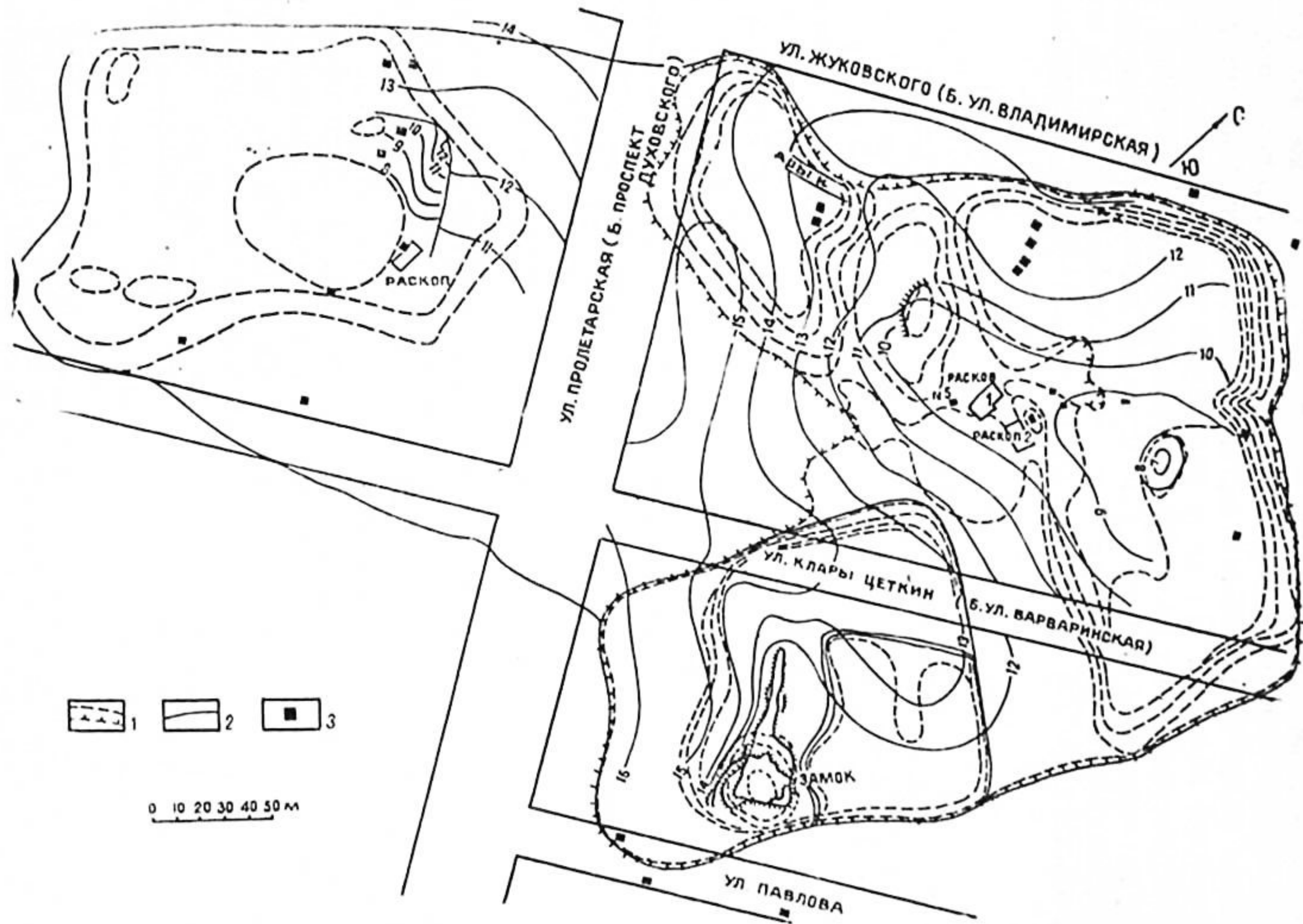

Рис. 1. Общий план городища Минг-Урюк:

1—линии съемки плана в XIX в.; 2—линии съемки плана в 1971 г.; 3—шурфы.

Севернее к этой комнате примыкает коридорообразное помещение 2 шириной 1,25 м. Ко второму помещению с северо-востока примыкает помещение 3. От него сохранились западная стена, сложенная из пахсы, и отрезок восточной. Поверхность стен сильно опалена пожаром. Сохранилась часть глинобитного пола, покрытого несколькими слоями глино-саманной обмазки. На полу расчищено сгоревшее деревянное перекрытие, состоящее из балок диаметром до 15 см. У западной стены с уровня пола вырыты две ямы для зерна. С южной стороны дверной проем соединял это помещение с помещением 4, западная и южная стены которого сложены из кирпича-сырца $42 \times 21 \times 10$ см. Сохранившаяся-

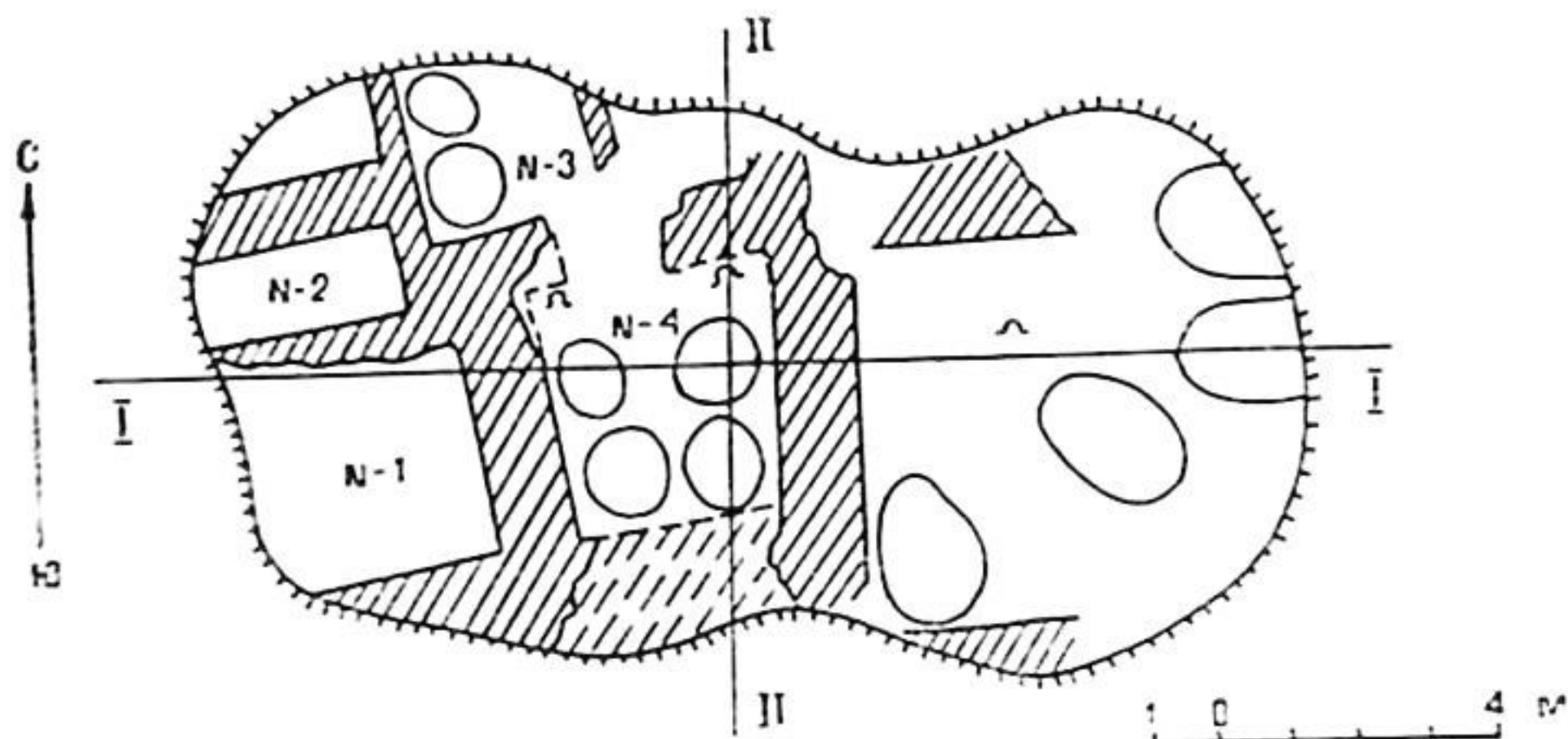

Рис. 2. План помещений верхнего слоя.

ся высота стен—50 см. Восточная стена, сложенная из блоков пахсы и кирпича $47-48 \times 23-24 \times 8-9$ см, относится к более раннему жилому комплексу VII—VIII вв. Приемы вторичного использования стен в пору средневековья известны во многих пунктах Средней Азии².

Помещение явно хозяйственного назначения. В северной части найдены очажки, сложенные из фрагментов сырцовых кирпичей. С уровня пола вырыты четыре ямы для хранения зерна. Стены ям обмазаны глиной, на дне сохранился толстый слой истлевшего зерна. При раскопках 1957 г. в слое XI—XII вв. была обнаружена такая же яма-хранилище³. Подобный способ хранения зерна применялся с глубокой древности до XIX в.

² Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района, Труды АН ТаджССР, Сталинабад, 1955, стр. 75; В. А. Нильсен. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (V—VIII вв.), Ташкент, 1966, стр. 229.

³ Ю. Ф. Буряков, Д. Г. Зильпер. Указ. соч., стр. 131.

Все описанные помещения находятся в западной части раскопа. В восточной части были расчищены останцы двух стен и четыре хозяйственные ямы. Вероятнее всего это двор описанного комплекса.

В ямах и заполнении помещений получен достаточно характерный комплекс керамики XI—XII вв., аналогичный тем материалам, которые были получены в предыдущие годы. Мингурюкская керамика XI—XII вв. имеет локальные признаки, отличающие ее от керамики центральных областей Мавераннахра, малое количество полихромных сосудов. Это — аскетичность декора, широкое применение техники сграфитто.

Под бытовыми и хозяйственными помещениями XI—XII вв. на глубине 2,5—4,8 м от реперной точки вскрыта часть крупного жилого комплекса — три полностью сохранившихся помещения и часть четвертого (рис. 3).

Помещение 1. Подпрямоугольное в плане, $9,8 \times 8,8$ м². Стены сложены комбинированной кладкой из пахсы, нарезанной блоками $50 \times 18—20$ см и кирпича-сырца $47—48 \times 23—24 \times 8—9$ см. Сохранившаяся высота стен 2,2—2,5 м, ширина 1,25—1,6 м. Южная стена — двойная; наружная ее часть шириной 90 см также сложена комбинированной кладкой, внутренняя шириною 70 см сложена из кирпича $50 \times 26 \times 10$ см. Вдоль стен глинобитные суфы высотой 20—25 см, шириной 90—95 см. В центре помещения еще две прямоугольные вытянутые с севера на юг суфы $2 \times 5,5$ м, высотой 20—25 см. Стены и суфы покрыты штукатуркой из глины с примесью самана. В восточной стене — ниша шириной 1,1 м, глубиной 1,5 м. Северная стена имеет ремонтную закладку, возможно, разрушенного

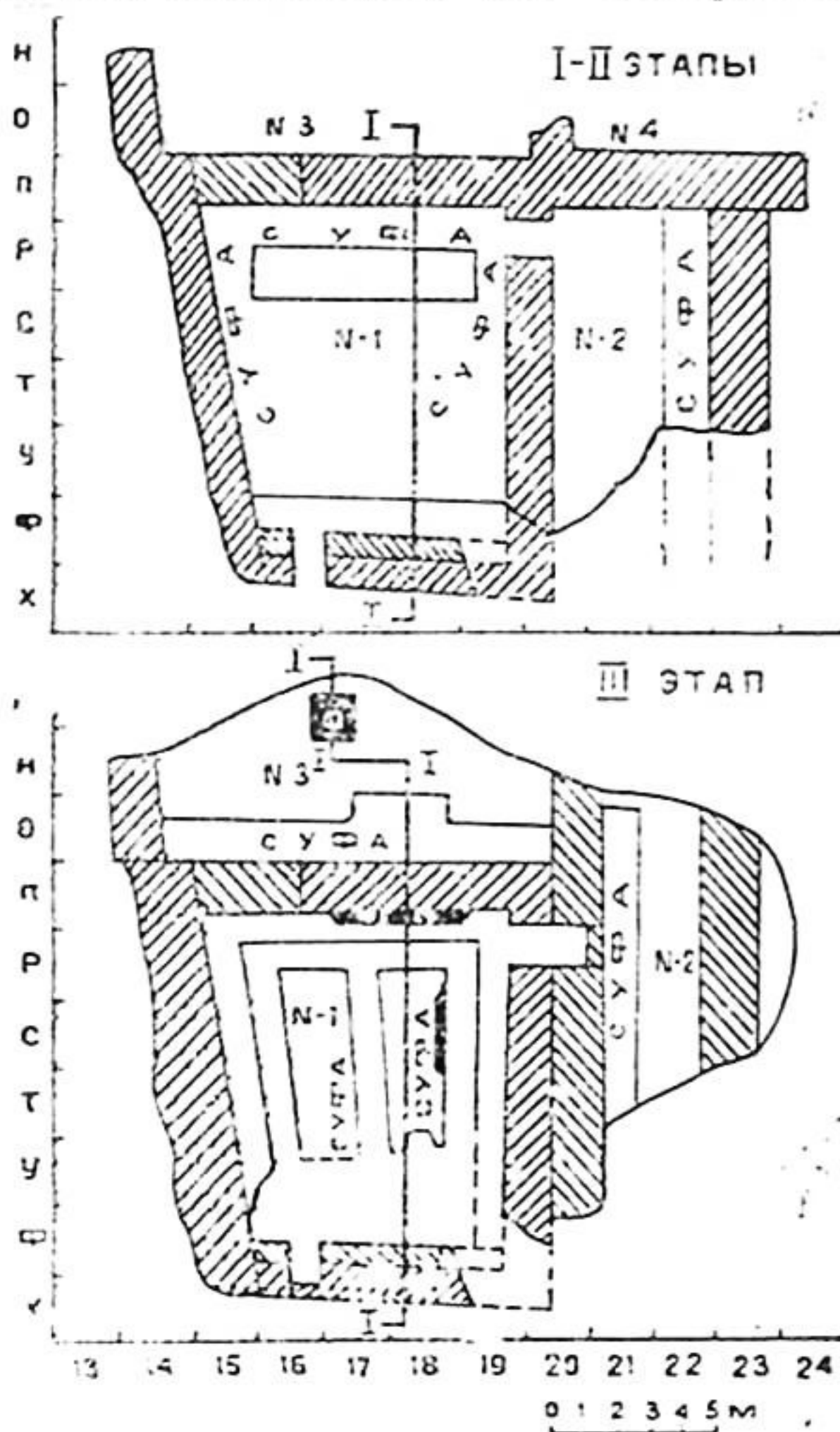

Рис. 3. План дворцовых помещений.

прохода из кирпича $47 \times 48 \times 23 - 24 \times 8 - 9$ см на глиняном растворе с примесью древесного угля. В растворе найден фрагмент тонкостенной лощеной кружки с прямой горловиной, шаровидным туловом и ручкой-петелькой в верхней части тулова. В южной стене также расчищена ниша шириной 1 м, перекрытая аркой, выложенной наклонными отрезками.

Кладки и штукатурка обгорели. Исключение составляет закладка северной стены, где обгорела только штукатурка, а кирпич сохранил свой первоначальный цвет. Это, вероятно, свидетельство двух пожаров — первого до закладки стены кирпичом, и второго, с которым связана уже гибель помещения.

На полу в юго-восточной части найдена тюрко-согдийская медная монета с квадратным отверстием. Монета сильно окислена и не читается. На полу и суфах лежали 25 хумов, раздавленных упавшими стенами и перекрытием. В одном из них находились обгоревшие зерна маша. Наряду с тонкостенными хумами встретились толстостенные с лощением, толщина их стенок достигает 10 см. В северо-восточном углу помещения на суфе лежал железный ромбический наконечник стрелы с черешком.

Суфы и пол перекрыты слоем лесса с углем и обгоревшими балками диаметром 20 см. Поверх этого слоя — завалы лесса с сырцом и кусками пахсы от разрушившихся стен. В южной части помещения слой заполнения мешанные. Почти на уровне пола найдена маленькая глазурованная тарелочка с гравированным орнаментом, явно из верхнего слоя.

Под полом обнажилась выкладка из кирпича-сырца $50 \times 26 \times 10$ см, представляющая собой большую суфу, которая с отступом 1 м от южной стены заполняет все помещение (высота ее 27—30 см). В северной части суфы прямоугольное углубление $1,5 \times 7$ м, покрытое обгоревшей толстой обмазкой. К суфе примыкает уровень второго пола. Ниже зарегистрирован третий уровень пола.

Расчищенные ниши первоначально были дверными проемами. В засыпке обоих проемов найдены тонкостенные чаши, светлоангобированные кувшины с пластинчатыми ручками, покрытые потеками коричнево-красного ангоба, разбитые хумы, трехногие круглые столики. Здесь же найден оригинальный сосуд с зооморфной ручкой, покрытой канеллюрами и поверх них плотным красным ангобом и лощением.

Характер перекрытия не совсем ясен. Отсутствие опор позволяет предположить перекрытие типа «рузан», которое до сих пор сохранилось в жилых домах и культовых постройках горного Таджикистана и широко бытует в сопредельных странах⁴.

⁴ Подробная сводка распространения перекрытия типа «рузан» приведена В. А. Шишкиным в кн. «Варахша», М., 1963, стр. 58—59.

Помещение 2—длинная узкая жилая комната, пристроенная к восточной стене помещения 1. Стены из кирпича $47-48 \times 23-24 \times 8-9$ см на глиняном растворе сохранились на высоту 1,55—1,9 м. Вдоль западной стены—суфа шириной 1,1 м, высотой 50 см. Суфа и стены покрыты штукатуркой из глины с саманом. На стенах штукатурка двойная, толщиной около 5 см. Первый ее слой покрывал кирпичную фактуру стены, на ней, еще по сырому, пальцами делались спиральные завитки, что способствовало лучшему схватыванию первого слоя со вторым (этот прием отмечен на Минг-Урюке О. В. Обельченко в 1959 г. и в древнем Пенджикенте). Поверх штукатурки на западной

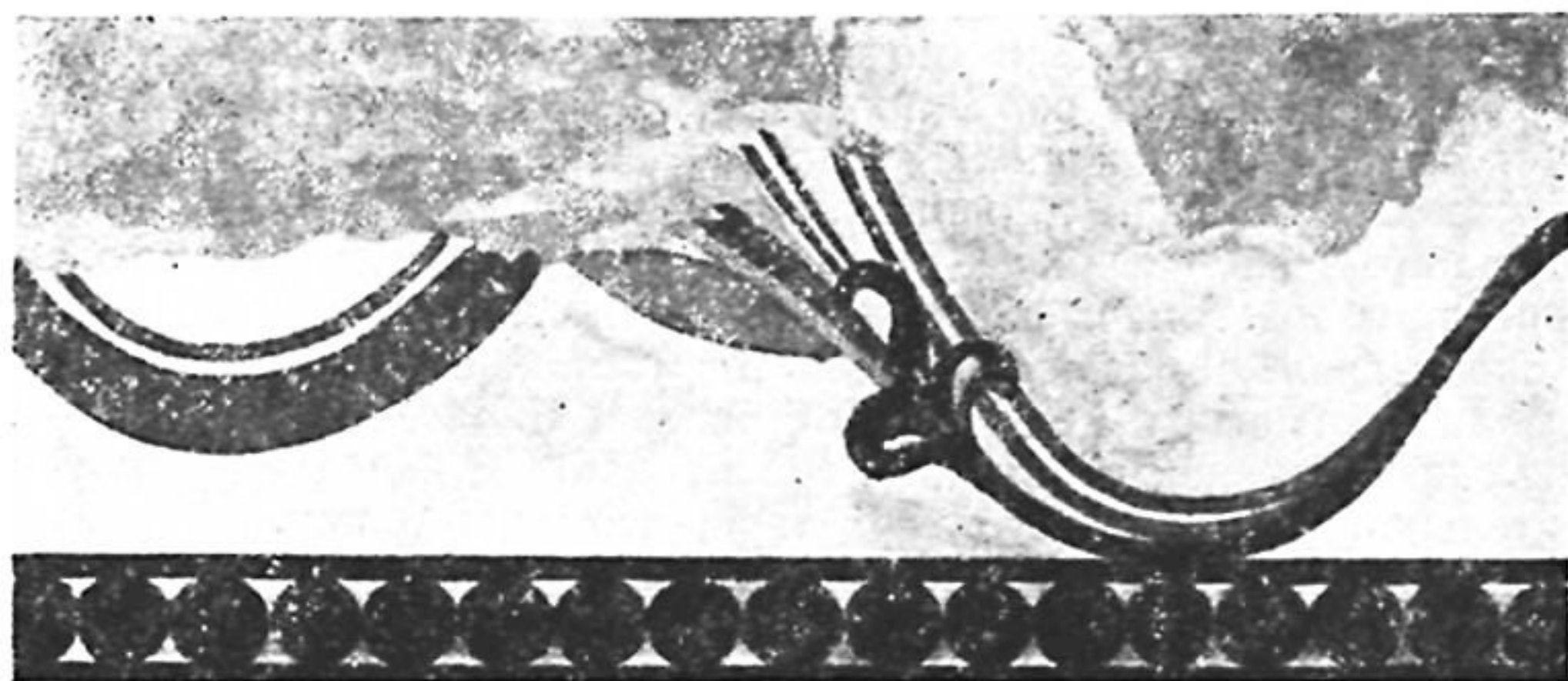

Рис. 4. Фрагмент живописи.

стене—живопись (рис. 4). Сохранился бордюр из перлов, выполненный черной и белой краской, а над ним свободно изгибающиеся красные растительные побеги, перехваченные «лентой». Отдельные пятна живописи просматривались почти на всем протяжении западной стены и незначительно—на восточной. Манера исполнения свободная, уверенная. Помещение погребло от пожара: на полу лежал слой (20—30 см) угля от перекрытия и опавшей штукатурки. В этом слое найдены фрагменты штукатурки с полихромной живописью. Перекрытие было плоским, балочным. Слой пожара перекрывается завалами разрушившихся стен. Находки скудные. При углублении, ниже пола, обнаружены новые стены, суфа и пол, т. е. первоначальная планировка помещения. Оно было подквадратным в плане ($4,95 \times 6$ м), с широкой суфой вдоль восточной стены. Дверной проем соединял помещения 1 и 2. Во втором помещении тоже четко выделяются три строительных этапа.

Помещение 3 — жилое, смежное, с помещением 1. Длина — 10,7 м. Сохранились южная стена (одновременно она же северная сте-

на помещения 1) и частично западная. Стены сложены комбинированной кладкой и оштукатурены глиной с саманом. Штукатурка покрывает и кирпичную закладку южной стены. Вдоль южной стены — суфа с квадратным выступом «сценой». Высота суфы 50 см, ширина 1,15 м, ширина со «сценой» — 2,15 м. Суфа выложена по краю пахсой, внутри забита слежавшейся землей, а сверху обмазана глиной с саманом. На уровне 4,3 м от репера — глиняная промазка пола. На расстоянии 1,4 м к северу от «сцены» было обнаружено, видимо, основание опоры 1,2 × 1,2 м из деревянных брусьев диаметром 10 см, уложенных по высоте в пять рядов с устройством гнезда в центре для опоры. Брусья наката, вероятно, скреплялись нагелями⁵. Видимо, плоское балочное перекрытие этого помещения поддерживала одна или две колонны. На полу найден железный половник с длинной изогнутой ручкой, толсто-стенная грушевидная кружка, чаша с перегибом стенки, фрагменты толстостенных горшков с ручками-петельками, двуручная тагора станковой работы. Пол перекрывал слой прокаленного лесса с угольками и сгоревшим деревом, с фрагментами цветной штукатурки. Разрозненный слой завала, обмазанный сероватой глиной с саманом, стал уровнем пола с отметкой 3,5—3,6 м от репера. В слое над полом — фрагменты глазурованной керамики с гравированным подглазурным узором растительно-геометрического характера, что свидетельствует о вторичном использовании этой части комплекса в XI—XII вв.

Здесь, так же как в помещении 2, стены и суфа были возведены в разное время. Суфа, построенная после ремонта южной стены, возведена на уровне пола. Под полом слой плотного чистого лесса, ниже в лессе фрагменты кирпича-сырца и керамики — половина лощеной кружечки, маленькая чаша с перегибом борта. Под этим слоем в восточной части помещения расчищена сложенная в перевязку с южной стеной платформа высотой 50 см, шириной 1,3 м. Платформа покрыта слоем обгоревшей штукатурки из глины с саманом. К ней примыкает плотно утрамбованный пол.

Крепление слоев пахсы балками ранее зафиксировано и на башне цитадели городища. Прием введения балок в стены описывают исследователи городища Кахкаха I в Уструшане, но там балки введены в стену не продольно, а поперечно⁶. В городских стенах Бухары, Хивы также наблюдаются балочные крепления пахсовых блоков.

К северу от помещения 2, имея общую с ним стену, существовало еще одно — помещение 4. Вероятно, существовали помещения и к

⁵ Брусчатые постаменты встречены в 1959 г. в раскопе О. В. Обельченко и в Пенджикенте (В. Л. Воронина. Архитектура древнего Пенджикента, МИА, 1964, № 124, стр. 85). Видимо, в Пенджикенте они имели то же устройство, что и наши.

⁶ Н. Н. Негматов, С. Г. Хмельницкий. Средневековый Шахристан, Душанбе, 1966, стр. 19.

югу от помещений 1 и 2, что подтверждает небольшая толщина (первоначальная) южной стены помещения 1. Она явно не соответствовала толщине наружной стены такого крупного комплекса.

В итоге вскрытия комплекса отмечены три строительных этапа.

Первый этап (рис. 3). Помещения 1 и 2 в плане подквадратные, соединены дверным проемом. Кроме него, в помещении 1 имелся дверной проем в южной стене и, возможно, третий дверной проем находился в северной стене, соединяя помещения 1 и 3. Дверные проемы перекрыты арочными сводами, выложенными наклонными отрезками. В помещениях 1 и 3 лежанок типа суфы нет. В помещении 2 широкая глинобитная суфа вытянута вдоль восточной стены.

В конце первого этапа комплекс переживает сильное потрясение: разрушены часть северной стены помещения 1, северная и восточная стены помещения 2. Вероятно, сильно пострадало помещение 4.

Второй этап. В помещении 1 закладывается разрушенная часть северной стены. Южная стена с внутренней стороны помещения укрепляется тонкой кирпичной стеной, которая в своей кладке повторяет форму существующего дверного проема. В метре от южной стены возводится большая суфа с углублением, возможно, использовавшаяся как сандал. В помещении 2 меняется планировка—из кирпича выкладываются новые восточная, западная и, вероятно, северная стены. Возведение новых стен в помещении 2 повлекло изменение планировки помещения 4, а возможно, и его уничтожение.

Третий этап начинается с того, что жилые помещения тщательно изолируются от хозяйственного. Для этого закладывают дверные проемы помещения 1 и превращают их в ниши. В помещении 1 поверх описанной большой суфы возводятся новые суфы вдоль стен и две прямоугольные—в центре. Это помещение используется как кладовая «хум-хона». В помещении 2 вдоль западной стены вытягивается суфа. Открывается проход в помещение 3. Стены украшает живопись. В помещении 3 вдоль южной стены выкладывается суфа с квадратным выступом «сценой», стена над суфой украшается живописью.

Вскрытый комплекс в том виде, в каком предстал перед нами, характерен для раннесредневекового монументального жилого строительства. Планировка помещений, одни из которых большие, подквадратные в плане, а другие—как, например, помещение 2—узкие, длинные со стенами, украшенными живописью, перекликается с планировкой жилых кварталов Пенджикента⁷. Достаточно широко в Средней

---

⁷ В. Л. Воронина. Архитектурные памятники древнего Пенджикента, МИА, 1953, № 37; Она же. Городище древнего Пенджикента как источник истории зодчества, «Архитектурное наследство», 1957, № 8; Она же. Архитектура древнего Пенджикента, МИА, 1964, № 124.

Азии VI—VIII вв. н. э. применялось строительство суф со «сценой». Примеры подобных решений мы находим не только в Пенджикенте, но и в Тохаристане VI—VII вв. (Балалык-тепе, Яхшибай-тепе)⁸.

Строительный материал—сырцовый кирпич стандарта 1:2 и пахса в сочетании с сырцовым кирпичом, плоские перекрытия, опирающиеся на деревянные колонны, или перекрытия типа «рузан» не противоречат единству принципов среднеазиатского зодчества раннего средневековья⁹.

Таким образом, с точки зрения архитектурно-планировочных приемов этот комплекс «замка» городища Минг-Урюк прочно становится в ряд памятников раннесредневековой монументальной жилой архитектуры Средней Азии. О социальном облике его насельников рассказывает характер постройки и богатое живописное убранство. Находка в Шаше настенной живописи сделана впервые. Была известна только цветная штукатурка в одном из помещений замка Ак-тепе¹⁰. Настенная живопись на Минг-Урюке позволяет ввести еще одно звено в цепь памятников среднеазиатской живописи поры раннего средневековья.

Находки в «замке» немногочисленны, но достаточно выразительны. Основное место принадлежит керамике, которая делалась на станке и от руки. Станковая керамика представлена кружками, мисками, двуручными горшками, кувшинами (рис. 5). Наиболее характерной формой комплекса являются тонкостенные и толстостенные кружки, выполненные на круге быстрого вращения. Кружки сделаны из хорошо промешанной глины кремового цвета. Их высота 9—10 см, диаметр устья 6,8—7,8 см, диаметр дна—5—5,7 см. Для всех кружек характерно наличие высокого прямого борта, слегка обращенного внутрь. У тонкостенных кружек округлое тулово отделено от борта рубчиком. Снаружи они залощены. В верхней части тулова—ручка-петелька (рис. 5, 1—4). Подобные кружки весьма характерны для раннесредневековой керамики. Мы встречаем их в материалах второй половины VII—первой половины VIII в. на Ак-тепе¹¹. Характерны они и для согдийских материалов, в частности Тали-Барзу V, Пенджикен-

---

⁸ Б. Я. Ставиский. Раскопки квартала жилищ в юго-восточной части Пенджикентского городища (объект VI) в 1951—1959 гг., МИА, 1964, № 124, стр. 165.

⁹ В. Л. Воронина. Изучение архитектуры древнего Пенджикента, МИА, 1950, № 15, стр. 192; В. А. Нильсен Указ. соч., стр. 242.

¹⁰ В. Л. Воронина. Архитектура замка Ак-тепе близ Ташкента по данным работ 1940 г., ТИИА АН УзССР, т. I, Ташкент, 1948, стр. 143.

¹¹ А. И. Тереножкин. Холм Ак-тепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.), ТИИА АН УзССР, т. I, Ташкент, 1948, стр. 114—115, рис. 16—17.

та второй половины VII—первой половины VIII в.¹², раннемусульманского Самарканда.

Выразительны высокогорлые кувшины округлой и яйцевидной формы с пластинчатой ручкой и сливом-вмятиной на противоположной стороне (рис. 5, 10—11). В материалах нашего городища они

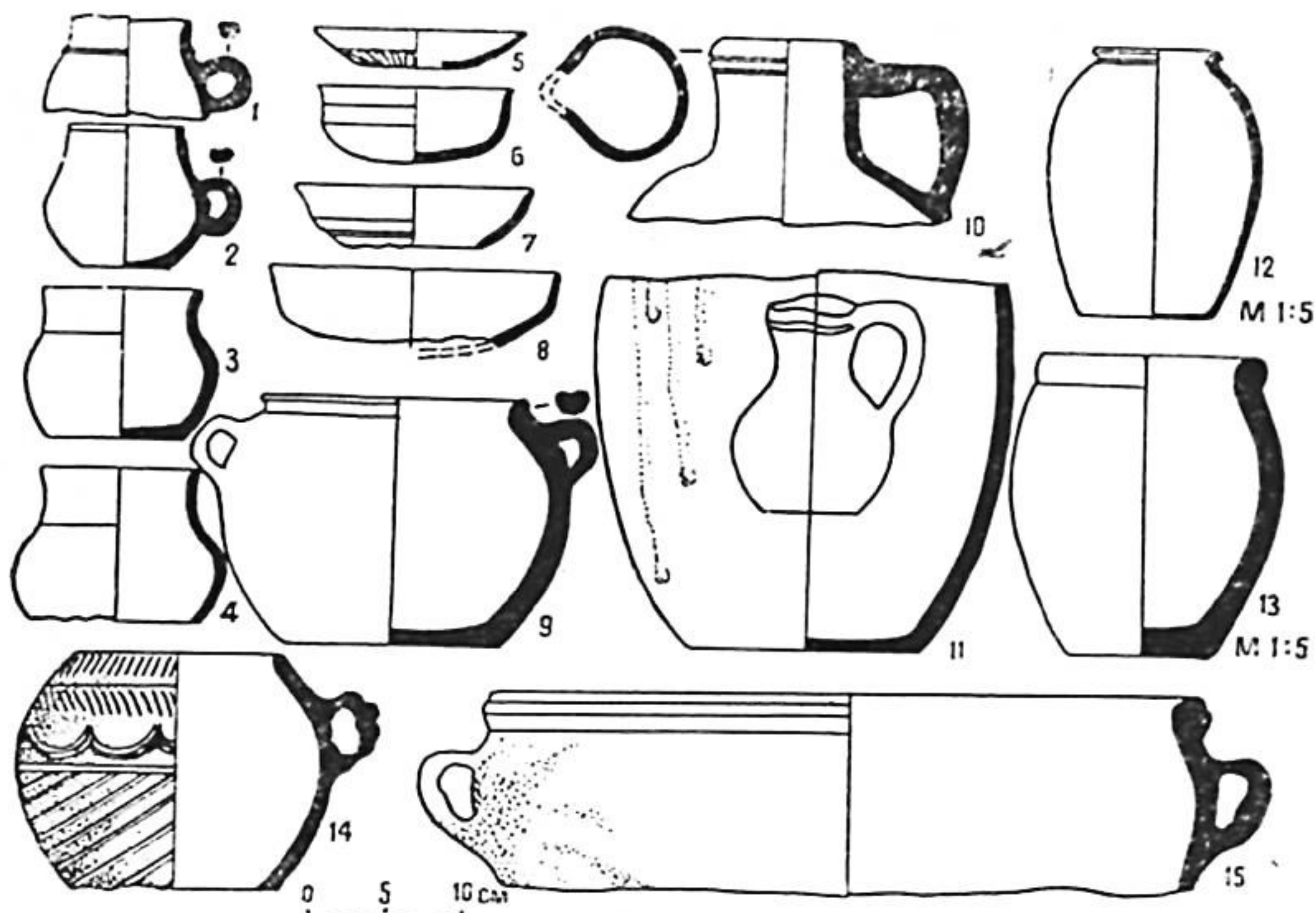

Рис. 5. Керамика из дворцовых помещений.

встречались неоднократно¹³. А. И. Тереножкин отмечает их на Ак-тепе¹⁴. Широко распространены они в Согде второй половины VII—первой половины VIII в. н. э.¹⁵ Частые в этом комплексе керамики плоскодонные, тонкостенные миски (рис. 5, 5—8) с перегибом борта

¹² Г. В. Григорьев. Городище Тали-Барзу, ТОВЭ, т. II, 1940, стр. 96; А. И. Тереножкин. Раскопки в кухендизе Пянджикента, МИА, 1950, № 15, стр. 91, 92 и габл. 41, 13; И. Б. Бентович. Керамика верхнего слоя Пянджикента (VII—VIII вв.), МИА, 1964, № 124, стр. 283, рис. 21, 2.

¹³ Еще в 1934 г. Т. Миргиязов нашел такой кувшин на Минг-Урюке. Встречались они и в раскопах предыдущих лет.

¹⁴ А. И. Тереножкин. Холм Ак-тепе..., стр. 114.

¹⁵ И. Б. Бентович. Керамика верхнего слоя..., стр. 270, рис. 6.

в верхней части отмечаются в Шаше, начиная с III—V вв. н. э.¹⁶ вплоть до VIII в. н. э.

Из единичных форм следует отметить тагору, горшки с шаровидным туловом, профилированным венчиком и двумя ручками (рис. 5, 9—15). Двуручные горшки в бассейне среднего течения Сырдарьи известны¹⁷, но они имеют более вытянутые пропорции тулова и сделаны от руки. Полных аналогий найденной формы пока нет.

Кроме станковой, в комплексе есть лепная керамика — хумы и котлы для варки пищи. Плоскодонные хумы (рис. 5, 12) с широкими или покатыми плечиками, профилированным или подпрямоугольным воротничком, покрытые беловатым ангобом и потеками красно-коричневого, находят широкие аналогии в Шаше и Согде. Своеобразны четыре толстостенных хума в форме яйца со срезанной верхушкой (рис. 5, 13). Толщина стенок 8—10 см. Леплены хумы ленточным способом. Затем по сырой глине на тулове делались вертикальные насечки и поверх снаружи наносился еще один слой глины. Новая поверхность украшалась 4—5 рядами вертикальной нарезки, выполнявшейся гребенкой. В Шаше они встречены впервые. Подобные хумы распространены в древнем Мерве в слоях V—VIII вв. н. э.

Из керамического комплекса выделяется фрагментированный лепной сосуд с широким округлым туловом, которое завершается прямым коротким венчиком, обращенным внутрь. На плече петлевидная зооморфная ручка (рис. 5, 14). Розовый в изломе черепок из хорошо промешанной глины. Снаружи красный плотный ангоб и лощение. До ангобирования по сырому тесту вся поверхность сосуда покрыта канеллюрами. Обжиг горновой, но неравномерный. Законченность формы, тщательность и искусность работы свидетельствуют о высокой квалификации мастера. Форма сосуда сближается с кружками Пенджикента¹⁸, но наш сосуд значительно крупнее. Прием украшения наружных плоскостей сосудов канеллюрами также известен в керамике Согда и Ташкентского оазиса и справедливо рассматривается как подражание металлическим образцам¹⁹. Но в целом этот сосуд прямых аналогий в среднеазиатской керамике не имеет и являет собой уникальный образец прикладного искусства V—VIII вв. н. э.

---

¹⁶ Н. И. Крашенинникова. Археологические наблюдения на Чаш-тепе. Труды ТашГУ, вып. 172, 1960, стр. 159, рис. 6.

¹⁷ Г. В. Григорьев. Келесская степь в археологическом отношении, Известия АН КазССР, серия археологическая, вып. 1, 1948; А. Г. Максимова, М. С. Мершиев, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Древности Чардары, Алма-Ата, 1968, стр. 46, рис. 18, 5—7.

¹⁸ А. М. Беленцкий. Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента (1951—1953 гг.), МИА, 1964, № 66, стр. 129, рис. 23.

¹⁹ Б. И. Маршак. Влияние торевтики на согдийскую керамику VII—VIII веков, ТГЭ, т. V, Л., 1961, стр. 185; А. Г. Максимова и др. Указ. соч., стр. 104.

Кроме керамики найдены железные предметы—черешковый ромбический наконечник стрелы и разливная ложка с длинной, изогнутой на конце ручкой.

Черешковый ромбический наконечник стрелы имеет длину 7,5 см, боевая часть—длину 4,2 см. Такие стрелы встречаются нечасто, Б. Я. Ставиский в обзоре находок железных, ромбических в сечении стрел указывает, что они находились в Шаше на Ак-тепе, в Северной Киргизии в тюркских погребениях VI—VII вв., в верхнем слое пещеры Амир-Темир, в согдийском замке на горе Муг. Датируя их для Согда концом VII—началом VIII в. н. э., Ставиский отмечает, что «находки такого типа стрел датируются тем ранее, чем далее на северо-восток они имеют место, что, возможно, указывает на их кочевническое и северо-восточное происхождение»²⁰. А. И. Тереножкин высказывает предположение, что этот тип стрел имеет западное происхождение, и ставит вопрос о возможной связи появления рассматриваемого типа стрел с арабским завоеванием²¹.

Разногласия исследователей во взглядах на происхождение железных ромбических стрел не касаются вопроса их датировки. В результате весь комплекс находок можно датировать второй половиной VII — первой половиной VIII в. н. э. К этому времени следует отнести жизнь дворцового комплекса. Гибель его от грандиозного пожара правомерно связать с событиями арабского нашествия и борьбой жителей Шаша с завоевателями.

Дворцовый комплекс возведен на остатках стен и полов помещений предшествующего времени. Через центр раскопочной площадки в направлении С—Ю на уровне 5,4—5,45 м от репера проходит стена, сложенная из фрагментов кирпича на глиняном растворе. Основание ее на глубине 6,4—6,45 м от репера, ширина—1,45 м. С западной стороны стена покрыта штукатуркой из глины с саманом, имеющей выкружку в полу. В южной части раскопа к этой стене под прямым углом примыкает еще одна стена и участок пола, выложенного кирпичным ломом. Незначительная сохранность архитектурных остатков описываемого слоя не позволяет говорить о планировке, но перед нами, несомненно, еще один строительный горизонт «замка». Находок в нем нет.

Ниже уровня этого строительного горизонта в западной части раскопочной площадки вскрыты плотные лессовые слои с отдельными зольниками, в восточной части — слои, насыщенные зольно-органическими остатками. В пределах раскопа они не связаны с архитектурой,

---

²⁰ Б. Я. Ставиский. Раскопки жилой башни в кухендизе Пянджикентского владетеля, МИА, 1950, № 15, стр. 98, табл. 39, 16—17; Он же. Раскопки квартала жилищ знати..., стр. 171, рис. 32, 2—3.

²¹ А. И. Тереножкин. Раскопки в кухендизе Пянджикента, стр. 92.

но богаты керамикой, значительно отличающейся от керамического комплекса дворца.

В целом для керамики характерно почти полное отсутствие станковой посуды. В большинстве она ручной лепки горнового и напольного обжига. Керамика делится на кухонную, столовую и посуду для хранения продуктов.

К кухонной керамике относятся большие и малые котлы, жаровни, крышки, подставки для вертела — так называемые «шашлычницы». В тесте известковые вкрапления, дресва и иногда мелкий шамот.

Среди котлов можно выделить две формы: 1) сосуды грушевидной формы, без выделенной горловины (рис. 6, 1—2). Прямой венчик

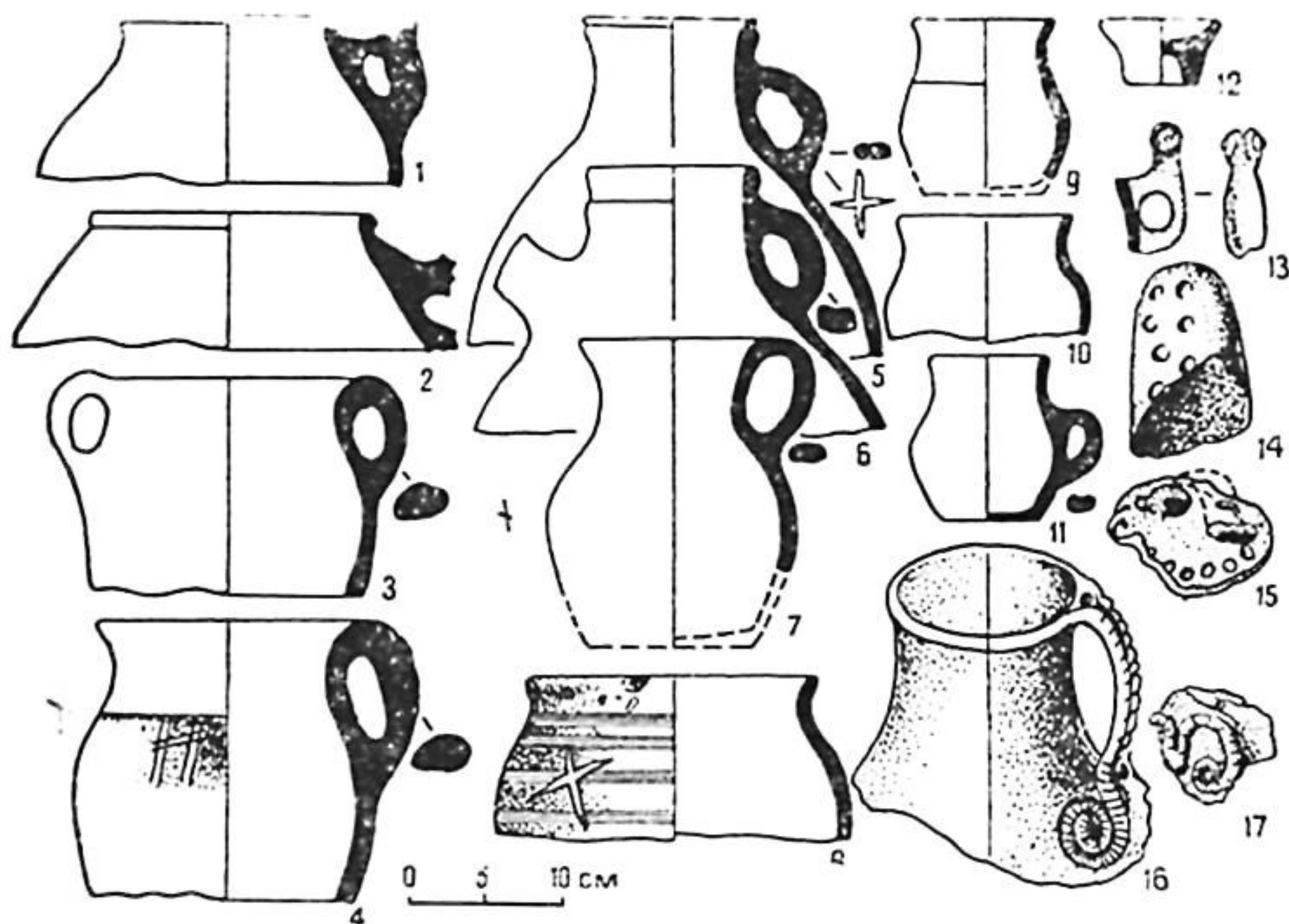

Рис. 6. Керамика из слоя над оборонительной стеной.

слегка отогнут наружу. Ручки в виде стилизованного животного, или округлые с кольцевым хватом в верхней части, или уплощенные с пальцевой вмятиной. Диаметры венчиков 14—22 см; 2) сосуды с округлым, несколько вытянутым вверх туловом, переходящим в невысокую горловину, с прямым отгибающимся наружу венчиком (рис. 6, 3—4). От венчика на тулово опущены одна или две ручки с вмятиной в верхней части. На одном сосуде по сырой глине прочерчен линейный узор. Диаметр венчиков 13—19 см.

Ручки с пальцевидными вдавлениями характерны для памятников Ташкентского оазиса. Исследователи каунчинской культуры отмечают, что в слоях I—начала IV в. н. э. такой орнамент единичен и в то же время он повсеместен в памятниках IV—VIII вв., каким, в частности, является городище Шаушукум-тобе²². Г. В. Григорьев считает ямочные вдавления на ручках сосудов схематическим изображением барана, выполняющим роль оберега²³.

В комплексе встречаются плоские крышки (рис. 6, 15), но время их бытования имеет широкий диапазон и датирующим материалом они служить не могут.

К категории кухонной посуды относятся также «рогатые кирпичи», или «шашлычницы»—примитивная передача бычьей головы. Поверхность их украшена пальцевыми вдавлениями (рис. 6, 14). Широко известные в материалах Каунчи II на средней Сырдарье, они встречаются также в Шаушукум-тобе, в верхнем горизонте «Большого дома» Джеты-Асар²⁴ и в афригидском Хорезме²⁵.

Среди груболепной керамики следует отметить светильники в виде малой чаши на высоком кольцевом поддоне, покрытые беловатым ангобом (рис. 6, 12). Они аналогичны светильникам верхнего горизонта «Большого дома» Джеты-Асар²⁶.

Столовая посуда представлена тщательно вылепленными и только изредка подправляющимися на круге кувшинами, горшками, кружками. Обжиг горновой, равномерный. Сосуды покрывает беловатый и красный ангоб, изредка наблюдается лощение.

Кувшины по форме делятся на несколько типов. К первому можно отнести сосуды грушевидной формы с выделенной горловиной и профилированным небольшим венчиком (рис. 6, 5). У некоторых под ручкой прочерчен крест. Сосуды этого типа, широко известные в материалах каунчинской культуры, доживают в Ташкентском оазисе вплоть до VIII в.²⁷

Среди кувшинов первого типа выделяется один, у которого к краям нижней части уплощенной ручки подлеплены крупные спираль-

²² А. Г. Максимова и др. Указ. соч., стр. 38.

²³ Г. В. Григорьев. Келесская степь..., стр. 53—55.

²⁴ Л. М. Левина. Керамика и вопросы хронологии памятников Джетыасарской культуры. В сб. «Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана», М., 1966, стр. 57.

²⁵ С. П. Толстов. Древний Хорезм, М., 1948, табл. 53.

²⁶ Л. М. Левина. Керамика и вопросы хронологии памятников..., стр. 56, рис. 7, 41—45.

²⁷ Г. В. Григорьев. Краткий отчет о работах Янгиюльской археологической экспедиции 1937 г., Ташкент, 1940, стр. 22, рис. 13; Он же. Келесская степь..., стр. 64, табл. III, рис. 29—31; Н. И. Крашениникова. Указ. соч., стр. 159, рис. 6; А. Г. Максимова и др. Указ. соч., стр. 55, рис. 23.

ные завитки с насечкой—рога барана (рис. 6, 16). На ручке— круглые налесты-пуговички. Сосуд покрыт кремовым ангобом. Налепной орнамент в керамике каунчинской культуры связан с так называемой кухонной посудой, где он зачастую имитирует рога баранов, причем подобная орнаментация наиболее характерна для IV—VIII вв. н. э., для этапа Каунчи II и памятников типа Шаушукум-тобе²⁸. Орнаментация сосудов пуговичками, которые, как считают многие авторы, имеют антропоморфное значение²⁹, также широко встречается в материалах нижней и средней Сырдарьи³⁰.

Характерны для этого комплекса кувшины второго типа с высокой горловиной и слегка отогнутым наружу удлиненным венчиком, ручкой с желобком и цилиндрическим носиком (рис. 6, 6). Зачастую тулово украшено рифлением. Подобные кувшины в материалах дворцового комплекса не встречались.

Кувшины третьего типа немногочисленны. Шаровидное тулово переходит в прямую или раструбообразную горловину с невыделенным венчиком. Ручка округленная. Весь сосуд покрывает беловатый, а горловину с обеих сторон — красный ангоб (рис. 6, 7).

Горшки немногочисленны (рис. 6, 8). Широкое округлое тулово с невысокой горловиной покрыто полосами рифления. Ангоб светло-коричневый, в верхней части сосуда брызги красного. На плече одного горшка прочерчен крестовидный знак. Форма горшков подобного вида традиционная в Ташкентском оазисе. Рифление тулова здесь широко распространилось начиная с IV—V вв. н. э.

Сосуды со знаками, сделанными от руки в виде креста, встречаются в памятниках разных эпох. На Ближнем Востоке изображение креста издавна приобрело значение священного символа. Не углубляясь в древность, где этот знак интерпретируется как имеющий смысл охраны содержимого сосуда³¹, отметим, что он встречается в Согде первых веков нашей эры и Шаше времени культуры Каунчи и переживания ее. Г. В. Григорьев считает прочерченный крест схематическим изображением барана, которое выполняет роль оберега³². А. И. Тереножкин

---

²⁸ Г. В. Григорьев. Каунчи-тепе, Ташкент, 1940, стр. 16, рис. 17; стр. 17, рис. 19; Он же. Келесская степь..., стр. 71, табл. X, рис. 72—73; А. Г. Максимова и др. Указ. соч., стр. 38.

²⁹ Е. М. Пещерева. Гончарное производство Средней Азии, М.—Л., 1959, стр. 92, 93; Г. В. Григорьев. Архаические черты в производстве керамики горных таджиков, Известия ГАИМК, т. X, вып. 10, 1931, стр. 6, 7. Отдельный оттиск.

³⁰ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана, Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 5, Археология, 1958, стр. 165; Л. М. Левина. Керамика и вопросы хронологии памятников..., стр. 60, рис. 9, 66—68.

³¹ В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток, М.—Л., 1964, стр. 356—357.

³² Г. В. Григорьев. Келесская степь..., стр. 53—55.

считает прочерченные овалы, косые кресты, запятые, круги родовыми тамгами. А. М. Беленицкий, рассматривая клейма на пенджикентских хумах, не соглашается с мнением А. И. Тереножкина, но в то же время не объясняет по-другому значение прочерченных знаков в виде креста, овала и т. д.³³

Знак креста под ручкой или на плече сосуда не может объясняться орнаментацией. Неубедительно предположение в подобном знаке видеть клеймо хозяина посуды. В то же время этнографические материалы указывают, что даже в наше время горные таджики рассматривают фигуру креста как оберег от дурного глаза, злых сил³⁴. Живет в этнографических материалах и орнаментация сосудов брызгами и потеками ангоба, имеющими также смысл оберега³⁵. Археологические материалы не дают пока оснований интерпретировать знак креста иначе, чем знаком оберега содержимого сосуда.

Кружки лепились из трех частей: плоское дно на песчаной подсыпке, тулово и горловина. Встречаются кружки трех подтипов (рис. 6, 9—11). Все они найдены и в материалах дворцового комплекса. Таким образом, в рассматриваемые два периода жизни городища эта форма посуды не изменялась.

Посуда для хранения продуктов в описываемом комплексе представлена хумами и хумча. Целых форм нет. Судя по фрагментам, большая часть прямых донцев лепилась на песчаной подсыпке, тулово наращивалось лентами и только венчики правились на гончарном круге. Венчики в сечении подтреугольные и подчетыреугольные. Сосуды покрывает белый ангоб, потеков и брызг красного ангоба нет. Под венчиком одной хумчи — две наклепные «пуговицы».

Из единичных керамических форм следует остановиться на фрагменте сосуда типа ритона (рис. 6, 17). Сохранилась часть одного конца ритона в виде стилизованной головы барана с наклепными глазами и спиралевидными большими рогами. Он вылеплен из розовой хорошо промешанной глины и покрыт кремовым ангобом. Обжиг хороший. Оформление ритона едино по стилю с описанным выше оформлением ручки кувшина первого типа. В целом наш ритон, вероятно, представляет собой явление того нового стиля керамики, который хорошо прослежен в Согде VII в. (Кафыр-Кала, Афрасиаб) и, как мы видим, не чужд Шашу.

Дальнейшее вскрытие раскопочной площадки показало, что зольно-органические слои, так интенсивно насыщенные керамикой, перекрывают мощную оборонительную стену и связанный с ней комплекс

³³ А. М. Беленицкий. Общие результаты раскопок..., стр. 126—127.

³⁴ Е. М. Пещерова. Указ. соч., стр. 110—112.

³⁵ Там же, стр. 80—81.

построек. Стена (рис. 7 и 8) имеет вид усеченной пирамиды, вверху с внешнего края заканчивается валгангом шириной 170 см с невысоким бруствером высотой 90 см, шириной 85 см; с внутреннего края верх стены—конической формы, высота его от уровня площадки 2 м. Общая сохранившаяся высота стены до края бруствера валганга 5 м 25 см, высота стены с внутреннего края 7 м. Ширина стены у основания 6 м 50 см. Внешняя поверхность стены немного пологая, внутренняя—крутая. Снаружи основание стены подкрепляется невысокой (110 см) платформой, сложенной из блоков пахсы (90×60 см), перекрытых по верхней плоскости двумя рядами кирпичной кладки. Ширина платформы не выяснена—она попала в срез холма.

Стена по краям сложена из пахсы, нерегулярно прослоенной кирпичом (47—46×24—23×8—9 см), а в центре забита кусками пахсы и кирпича. Кладка велась, вероятно, мокрой пахсой, что объясняет плотную спайку строительного материала. Прием забутовки внутренних частей оборонительных стен достаточно широко известен в памятниках Хорезма, Согда³⁶, но в Шаше он отмечен впервые.

Комплекс помещений у оборонительной стены построен одновременно с ней. Вскрыты три помещения, соединенные между собой дверными арочными проемами. Стены сложены из кирпича на глиняном растворе. Заслуживает внимания использование в кладке наряду с продолговатым (50×25×11 см) квадратного (40—42×40—42×11—13 см) кирпича. Южное коридорообразное в плане помещение 1 (6,5×2,7 м) непосредственно примыкает к оборонительной стене и одновременно является его южной стеной. Ширина стен 2 и 1,75 м. Сохранились все стены, кроме восточной, торцовой. Западная и северная стены сохранились на высоту до 5 м. В западной стене дверной проем с аркой подковообразного очертания приподнят над уровнем пола на 30 см. Высота проема 180 см, ширина до пяты свода—90 см, ширина в арочной выкладке—105 см. Помещение, куда вел этот проем, осталось невскрытым. Второй дверной проем высотой 130 см, шириной 105 см, перекрытый аркой эллиптического очертания, соединяет южное помещение с соседним—северным. Длина этого помещения около 8,3 м, ширина 1,6 м. Западная торцовая стена та же, что и у южного помещения. Ширина южной и северной стен 1,75 и 2,5 м. Дверной арочный проем в северной стене помещения высотой 160 см и шириной 110 см выводит на площадку, вымощенную кирпичем. Была ли эта площадка частью дворика или служила полом следующего помещения—определить невозможно, так как здесь часть «замка» разрушена. Описываемые помещения перекрыты сводами эллиптического очертания, выложенными наклонными отрезками.

³⁶ В. А. Нильсен. Становление феодальной архитектуры..., стр. 215—219.

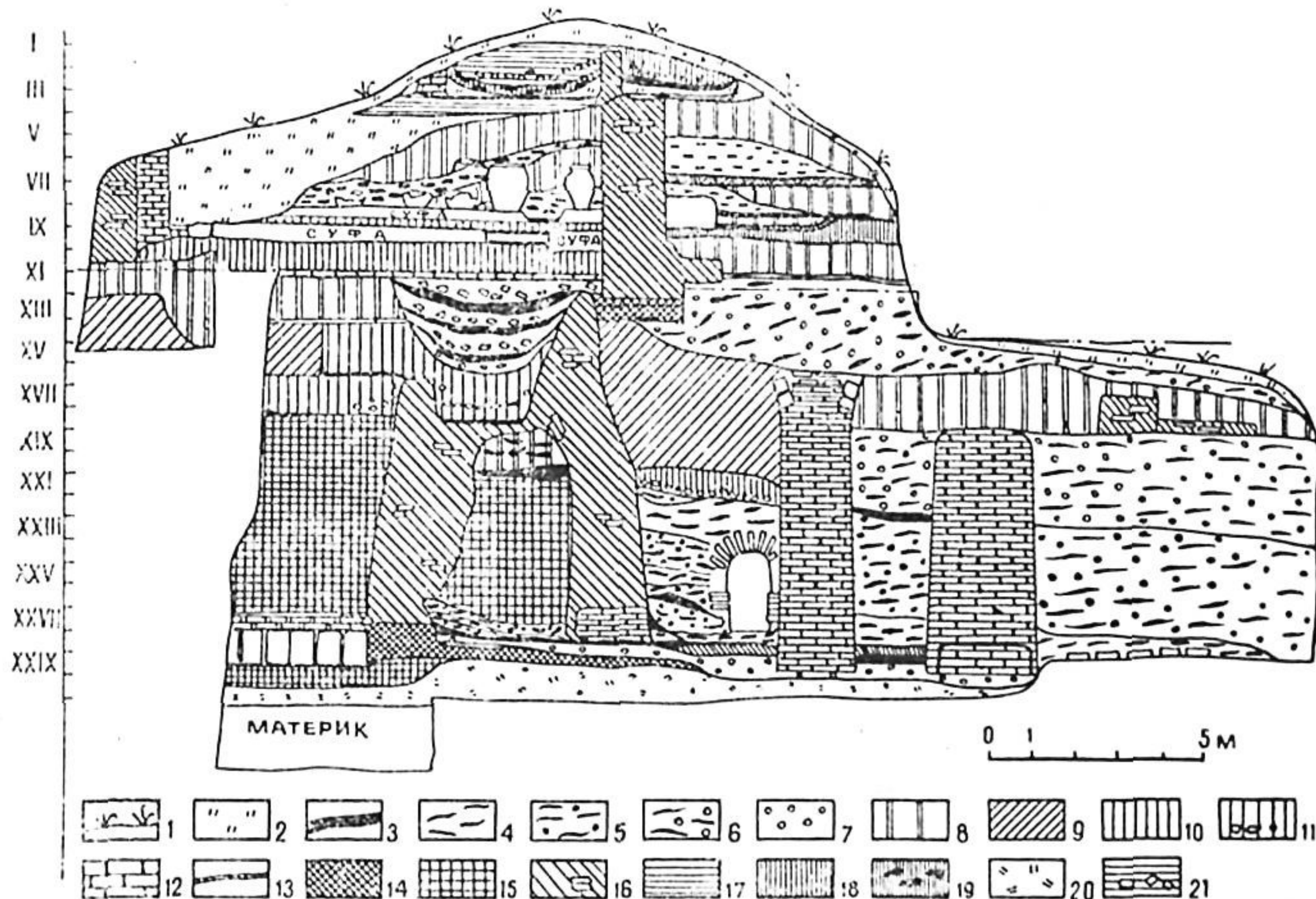

Рис. 7. Стратиграфический разрез „замка“:

1—дерновый слой; 2—рыхлый насыпной слой; 3—горелый слой; 4—обожженная земля с углем; 5—обожженные охристые слои с углем; 6—рыхлый слой с золой и органическими остатками; 7—галька; 8—завал из сырцовых кирпичей; 9—пахса; 10—пахсовый завал; 11—завал с кусками пахсы и кирпича; 12—кирпичная кладка; 13—пол; 14—плотный слой с перегнившей органикой; 15—забутовка; 16—стена из пахсы и кирпича; 17—забутовка из глины и фрагментов кирпича; 18—слой средней плотности; 19—слой средней плотности с золой; 20—древний дерновый слой; 21—лесс, пахса и кирпич.

В кладке сводов, сохранившихся на высоту до 1 м, использован тот же кирпич, что и в кладке стен, но с добавлением мелкого квадратного кирпича 30—32×30—32×8 см.

В восточной стороне северное помещение переходит в небольшую квадратную камеру 2,15×2 м. Уровень пола камеры и северного по-

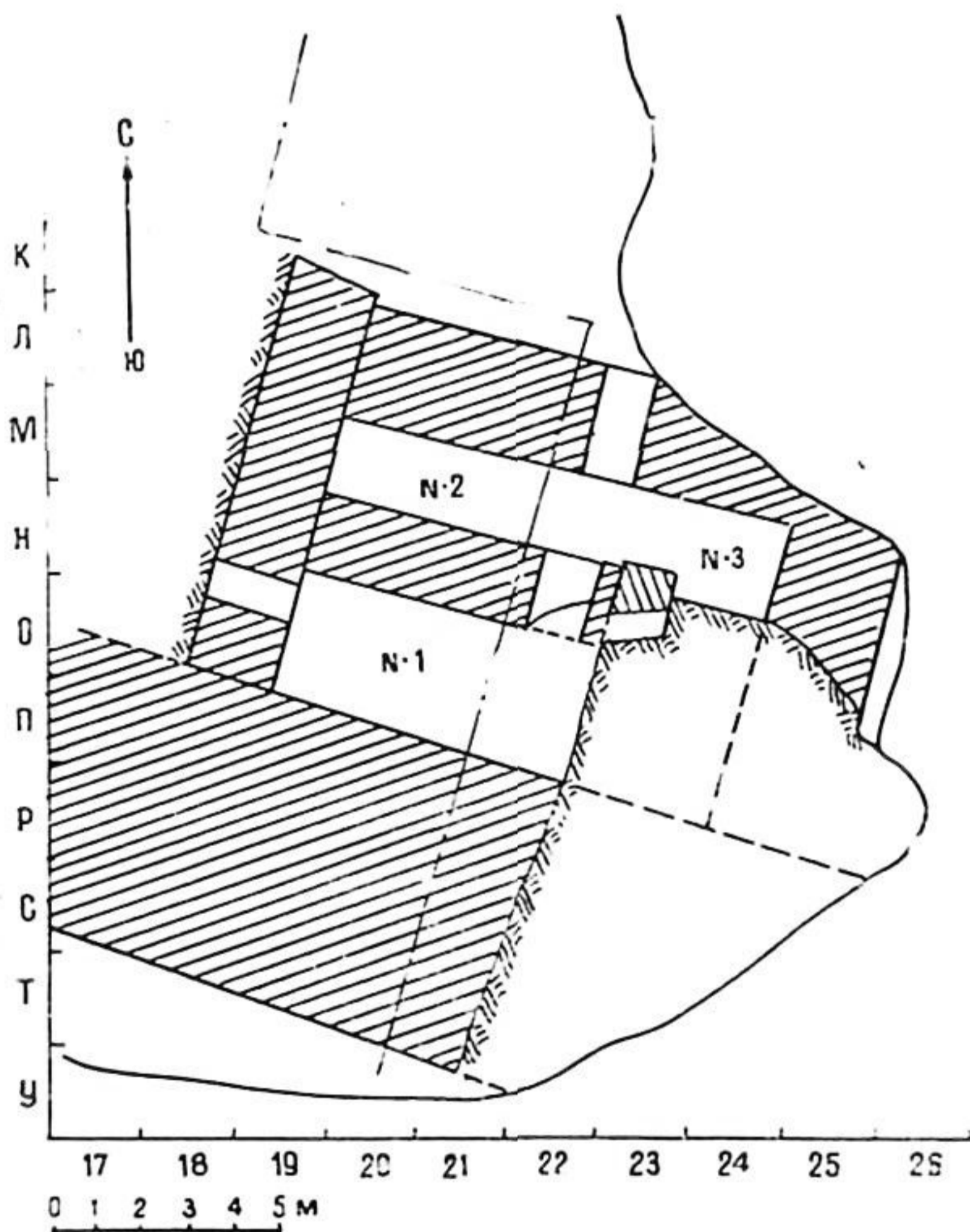

Рис. 8. План помещений нижнего слоя.

мещения один. Начиная с 80 см высоты от пола, в кладке трех стен камеры сделан постепенный напуск на 1—2 см внутрь, что создает своеобразный «ложный» свод. Камера сохранилась на высоту 2 м, верхняя часть ее разрушена. Стена с входом в камеру также не сох-

ранилась. Ее разрушила более поздняя ремонтная кладка, выполненная из кирпича $48 \times 35 \times 9$ см и вклинившаяся в первоначальную стену помещения. Соотношение высоты камеры и северного помещения позволяет предположить над ней помещение второго этажа.

Полы всех помещений комплекса покрыты слоем древесного угля и золы, над которым чередуются киноварно-охристые горелые слои, а выше—зольно-органические. На полу и в слоях заполнения найдены фрагментированные и целые формы кувшинов, кружек, котлов, фрагменты хумов и хумча, подставки в форме бычьей головы и более ста небольших овальных глиняных заготовок, грубо вылепленных от руки и необожженных.

Планировка здания с последовательно расположенными коридорообразными помещениями сближает его со многими памятниками Согда, Тохаристана, Уструшаны. В зданиях с подобной планировкой нет функционального разграничения помещений, они все равнозначны. Архитектура их сурова, аскетична. Эти особенности сооружений с коридорной планировкой объясняются исследователями архитектуры по-разному. В. Л. Воронина считает такую систему планировок характерной для Согда, нижнего Зарафшана, верховьев Сырдарьи, Уструшаны и предназначает для расселения большесемейных домовых общин³⁷. С. Г. Хмельницкий объясняет строгость, равнозначность планировки коридорообразных помещений их предназначенностью для жилья воинов и предлагает считать здания с коридорной планировкой воинскими общежитиями, сторожевыми постами, казармами³⁸.

По нашему мнению, отнести эти помещения к казармам нельзя, ибо в них найден интересный и довольно разнообразный керамический материал, маленькие груболепные глиняные заготовки и железный шлак, свидетельствующие о занятии обитателей дома керамическим и железообрабатывающим ремеслом.

Комплекс керамики из заполнения коридорообразных помещений тот же, что и в слое над оборонительной стеной, но облик его несколько иной. Почти вся посуда сделана от руки, обжиг горновой и напольный. Керамика делится на кухонную, столовую и посуду для хранения продуктов.

Кухонная керамика представлена котлами, крышками, подставками для котла. Тесто этих изделий грубопромешанное с шамотом или дресвой. Обжиг напольный. Наиболее распространены котлы плоскодонные с округлым, несколько вытянутым вверх туловом, не-

---

³⁷ В. Л. Воронина. Изучение архитектуры древнего Пенджикента, МИА, 1950, № 15, стр. 190, 191.

³⁸ Н. Н. Негматов, С. Г. Хмельницкий. Средневековый Шахристан, стр. 109.

высокой горловиной и прямым отгибающимся наружу венчиком. От венчика на плечо опущена ручка, верх которой украшен вмятиной или пуговичкой (рис. 9, 14). Кроме того, найдены фрагменты котлов с горизонтальными серповидными ручками. Г. В. Григорьев отмечал, что в материалах Каунчи II котлы с поперечными ручками встречаются наряду с вертикальными ручками³⁹. Высота сосудов 20—22 см,

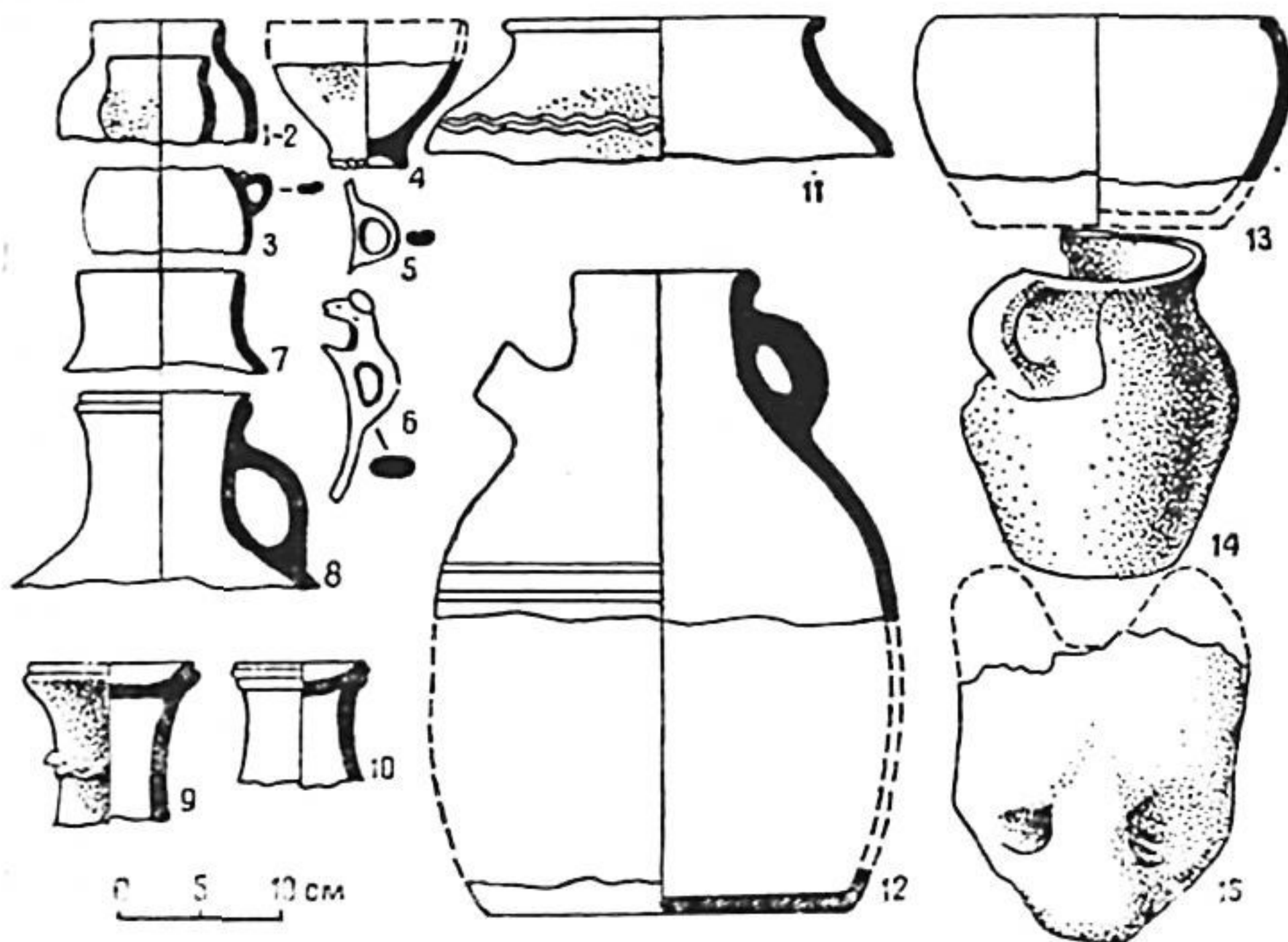

Рис. 9. Керамика нижнего слоя.

диаметр венчика 12—14 см. Крышки плоские с округлой в сечении ручкой в центре, украшены пальцевыми вдавлениями или наколотым орнаментом. Они широко распространены в каунчинской культуре и Джеты-Асарах⁴⁰. Своеобразна крышка с ручкой в виде стилизованной головы барана, закрепленной у края⁴¹.

³⁹ Г. В. Григорьев. Краткий отчет о работах Янгиюльской археологической экспедиции 1937 г., стр. 21.

⁴⁰ Г. В. Григорьев. Отчет об археологической разведке в Янгиюльском районе УзССР в 1934 г., Ташкент, 1935, стр. 16, рис. 18; Он же. Каунчи-тепе, стр. 20, рис. 23; Л. М. Левина. Керамика и вопросы хронологии памятников..., стр. 55.

⁴¹ Зооморфные ручки крышек, вероятно, имеющие смысл оберега содержимого сосуда, как и зооморфные ручки сосудов, дожили в керамике горных таджиков до XX в.; котелок с крышкой, увенчанной ручкой в виде двух рогов барана, хранится в фондах Гос. музея искусств УзССР, инв. номер 625.

Подставки для котлов оформлены в виде головы быка, выполненной обобщенно и очень выразительно (рис. 9, 15). Л. М. Левина отмечает, что они появились в Ташкентском оазисе не раньше IV—V вв. н. э., сменяя подставки в виде барана⁴². Естественно возникновение вопроса о причинах такой смены. Очевидно, это связано со сменой каких-то воззрений населения. Для посуды роль оберега продолжает выполнять стилизованная фигурка барана или его часть. А в подставках баран исчезает, и его место занимает бык. Как известно, с образом быка в глубокой древности связаны представления об охране воды, оросительной системы. В зороастрийских гимнах образы человека и быка лежат в основе всего сущего; после смерти быка из тела его произросли 55 видов зерна, 12 видов лечебных растений, а из его семени — бык и корова⁴³. В этой связи возможно предположить, что широкое распространение иконографии быка в быту населения весьма опосредованно отражает социально-экономические сдвиги в обществе каунчинцев, связанные с ростом оросительных систем и поливным земледелием.

Столовая посуда тщательно вылеплена и только изредка подправляется на круге. Тесто хорошо промешано с мелкими известковыми вкраплениями. Сосуды покрывает кремовый и красный ангоб, применяется лощение. Наиболее многочисленны кувшины. Ведущей и характерной формой являются сосуды с широким грушевидным туловом, чуть расширяющейся горловиной, слегка отогнутым наружу удлиненным и утолщенным венчиком и ручкой с желобком. На противоположной ручке стороне — цилиндрический носик (рис. 9, 12). У части кувшинов тулово украшается рифлением. Диаметры венчиков 9—16 см. Высота 24—50 см. В керамике нашего городища эта форма живет в рассматриваемом нижнем слое и слое, перекрывающем оборонительную стену. Для материалов дворцового комплекса эти кувшины не характерны.

Многочисленны и характерны горшки. Ведущей формой являются сосуды с широким туловом, невысокой горловиной, с горизонтально отогнутым наружу подрезанным по внешнему краю венчиком. На плечике сосудов пояс прочерченных крутоволнистых линий, сделанных по сырому тесту до ангобирования гребенчатым штампом. Ангоб кремовый (рис. 9, 11). Стандартизация этой формы, тщательность работы, хороший обжиг не оставляют сомнений в том, что это продукт ремесленного труда. Диаметр венчиков 18—19 см. Высокие техниче-

---

⁴² Л. М. Левина. Керамика и вопросы хронологии памятников..., стр. 57.

⁴³ К. В. Тревер. Гопатшах—пастух-царь, ТОВЭ, т. II, Л., 1940, стр. 71—85.

ские качества керамики с узором, выполненным гребенчатым штампом, в материалах Каунчи II отмечены еще Т. Н. Книпович⁴⁴.

Кружки разнообразны по форме, технике изготовления и орнаментации. Большие и малые, с зооморфными и петлевидными ручками, они лепились из трех частей: плоское дно, тулово и горловина. Зачастую горловина подправлялась на круге. Есть экземпляры, целиком выполненные на гончарном круге. Кружки покрывались лощением или брызгами красного ангоба. Особое внимание привлекают кружки с округлым туловом, прямой горловиной, подчеркнутой у основания небольшим уступчиком и петлевидной уплощенной с боков ручкой с глубокой бороздкой в центре (рис. 9, 3, 5). Тулово одной фрагментированной кружечки украшено лепным рифлением, на ее ручке — пуговичка. Она полностью повторяет кружку станковой работы из поселения Ак-тобе 2 Чардаринского⁴⁵.

Все кружки имеют аналогии, доходящие до полного тождества в материалах поселений и могильников Ташкентского оазиса, средней Сырдарьи, Ферганы, северных склонов Каратау, в единичных формах, найденных в слое Кобадан III в Южном Таджикистане, Южном Узбекистане, Чуйской долине⁴⁶. С. С. Сорокин, касаясь генезиса кружек с петлевидными ручками, отмечает, что они появляются в памятниках каунчинской культуры в III—IV вв. н. э., «приходя на смену кружкам со звериными ручками»⁴⁷. Находки и исследования керамики каунчинской культуры последних лет показали, что кружки с зооморфными и петлевидными ручками сосуществуют уже в материалах Каунчи I. Сосуществование этих форм кружек отмечается в трех слоях нашего городища.

Тщательно изготовленные тонкостенные кружечки считались в Шаше характерными для VII—VIII вв. н. э., причем они рассматривались как результат согдийских связей и влияний⁴⁸. Существование подобных кружек в материалах Ак-тобе 2 и нижнем слое Минг-Урюка не подтверждает эту точку зрения. Более того, для Ташкентского оазиса устанавливается преемственная связь этой формы с первых по VII—VIII вв. н. э. В Согде же кружки VII—VIII вв. не связаны с ке-

⁴⁴ Т. Н. Книпович. Некоторые вопросы датировки среднеазиатской керамики домусульманского периода, КСИИМК, XXVIII, 1949, стр. 74.

⁴⁵ А. Г. Максимова и др. Указ. соч., стр. 60, рис. 25, 5.

⁴⁶ Наиболее полная библиография находок кружек с ручками в виде баранов приведена в работе Б. А. Литвинского «Кангюйско-сарматский фарн», Душанбе, 1968. Библиография кружек с петлевидными ручками приводится в кн. С. С. Сорокина «Боркорбазский могильник» (ТВЭ, т. V, Л., 1961, стр. 45 и сл.) и А. Г. Максимовой и др. (Указ. соч., стр. 57—60).

⁴⁷ С. С. Сорокин. Боркорбазский могильник, стр. 145.

⁴⁸ Б. И. Маршак. Влияние торевтики на согдийскую керамику VII—VIII веков, стр. 180.

рамой предшествующих веков, и в поисках их прототипа, возможно, следует обратиться к материалам Шаша и прилегающих областей.

Из единичных форм следует отметить несколько. Фрагментированный тонкостенный лепной кубок на высокой кольцевой ножке со слабо выраженным перегибом стенки в верхней части кубка (рис. 9,4). В сборах на городище уже встречалась подобная форма⁴⁹. Фрагментированная чаша с высоким округлым бортом и загнутым внутрь венчиком примитивной лепки (рис. 9, 13). Подобные чаши широко распространены, в частности, в материалах Ак-тобе 2, Чаш-тепе⁵⁰. Верхние части лепных сосудов типа высокогорлых кувшинов с профилированным тройным валиком венчиком и закрытым устьем (рис. 9, 9—10). Сосуды закрытого типа, но другой формы известны в материалах Каунчи. Их назначение пока неясно.

Посуда для хранения продуктов представлена хумами и тагора. Целых форм хумов нет. Фрагменты принадлежат лепным сосудам, в которых часть венчиков правилась на круге. Донца лепились на матерчатой подстилке грубого плетения. Венчики в сечении треугольные, овальные, с бороздкой в нижней части и подчетыреугольные. Среди последних есть фрагмент, украшенный по верху и наружному краю пальцевыми вдавлениями. Диаметры венчиков 24—38 см. Они покрыты кремовым ангобом, орнаментации потеками и брызгами красного ангоба нет. Обжиг неравномерный.

В целом весь керамический материал нижнего слоя генетически связан с Каунчи I, но здесь мы встретили горшки с гребенчатым узором, подставки в виде головы быка, сжатые с боков ручки с желобком, значительное распространение лощения сосудов, т. е. формы и орнаментацию сосудов, характерные для культуры Каунчи II, к которой, очевидно, относится рассмотренный комплекс керамических материалов и архитектуры. Круг аналогий не противоречит нашему определению.

Оборонительная стена и комплекс жилых помещений прекратили свое существование не одновременно. На это указывает усиливающая оборонительную стену докладка, возведенная поверх уже заброшенного южного помещения.

Зачистки основания стен описанного комплекса архитектуры дали материал, указывающий на то, что комплексу предшествовал культурный слой, включающий перегоревшее дерево, золу, отмошки галькой и остатки кирпичных стен. Временный разрыв между этим первоначальным культурным слоем и оборонительным комплексом, вероятно, был незначительным.

⁴⁹ Ю. Б у р я к о в. Городище Минг-Урюк в Ташкенте, Труды САГУ, вып. LXXXI, Ташкент, 1956, стр. 125, рис. 4.

⁵⁰ Н. И. К р а ш е н н и к о в а. Указ. соч., стр. 155, рис. 4, 11.

В результате работ в «замке» наметились четыре крупных периода жизни, четко отделяющиеся друг от друга. С первым периодом (IV—V вв. н. э.) связано возведение оборонительной стены, коридорообразных помещений и камеры с ложным сводом. Запустение пристенного комплекса также не выходит за хронологические рамки этого периода. Культурный слой, на котором возведен был оборонительный комплекс, вероятно, не следует относить ранее чем к IV в. н. э.

Ко второму периоду относятся крупные ремонтные работы на оборонительной стене и ее запустение. Комплекс керамики сохраняет преемственную связь с керамикой первого периода, но в нем появляются новые черты и формы. Подставки в виде головы быка приняли форму «рогатых кирпичей». Меньше стало лощеной посуды. Повсеместно украшение сосудов пальцевыми вдавлениями и полосами горизонтального рифления. Появляются сосуды типа ритона. По-прежнему керамика в большинстве леплена от руки.

С третьим периодом связаны материалы дворцовых помещений. Керамика характеризуется широким применением гончарного круга, продолжается жизнь форм, известных в первых периодах,— тонкостенных и толстостенных кружек с зооморфными и петлевидными ручками, мисок, хумов. Широкое распространение получают кувшины со сливами-вмятинами венчиков, исчезают формы кувшинов с широким венчиком-воротничком. Покрытие брызгами и потеками красной краски в основном сохраняется на крупных сосудах типа хумов, кувшинов. Этот период датируется второй половиной VII—первой половиной VIII в. н. э. Следовательно, материалы второго периода хронологически размещаются между V и второй половиной VII в. н. э.

Четвертый период связан с помещениями и материалами верхнего слоя городища, когда после длительного перерыва территория городища была занята небогатым жильем XI—XII вв. н. э.

Шахристан и прилегающие земли

В шахристане велись работы по выяснению его стратиграфии, застройки, уточнению границ городской территории. С этой целью были заложены 19 шурфов, 2 раскопа, зачищены срезы котлованов новостроек в пределах шахристана. Размеры шурфов 2,5×2,5×2,5—3 м. Как правило, около 1 м в глубину от дневной поверхности составляет слой XX в., затем идут глинистые прослойки с фрагментами керамики. Шурфы вдоль южной, восточной и северной границ шахристана дали немногочисленный керамический материал VI—VIII и XI—XII вв. н. э. Судя по старым планам, эти части городища были всхолмлены, но к нашему времени поверхность сильно сnivelирована и значительная часть культурного слоя уничтожена. Материалы из шурфов в центре

шахристана дали более выразительную картину. Здесь под наслоениями XX в. лежат смешанные слои, в которых наряду с керамикой XI—XII вв. встречается материал раннего средневековья. Ниже вскрыты слои с керамикой, характерной для второго и третьего периодов «замка». Это хумы, кувшины, кружки. В шурфе № 5 найдена плоская медная монета с изображением идущего влево верблюда, с одной стороны, и шашской тамги, с другой. По определению М. Е. Массона, это согдийская монета шашской эмиссии первой половины VII в. н. э.⁵¹ Во всех шурфах материалы раннесредневековья перекрывают материк.

Для уточнения стратиграфии и определения характера застройки в центре шахристана, в месте всхолмления рельефа, заложены два раскопа.

Раскоп 1. Площадь его около 60 м². Верхние культурные наслоения раскопа мощностью 2—2,5 м принадлежат к материальным остаткам XX в. Под ними—слой лесса, в котором наряду с керамикой XI—XII вв. встречается раннесредневековая. Такой состав материала в культурном слое указывает на его перемещенность. На уровне 2—2,2 м, от дневной поверхности были расчищены поверхности стен двух помещений, имеющих одну общую наружную стену; направление ее север—юг (рис. 10). Ширина этой стены 110 см, сложена она из пахсы. Оба помещения располагаются с западной стороны стены.

Помещение 1. Ширина его 1,8 м, длина не определяется, так как уходит в срез раскопа. Все стены пахсовые. В восточной стене—дверной проем шириной 115 см, заложенный кирпичом 43×23×10 см. В южной стене помещения еще один дверной проем шириной 80 см, ведущий в помещение 2. Стены сохранились в высоту на 45—50 см. К основанию стен примыкает глиняная промазка пола. На полу, в юго-западном углу найден железный черешковый трехлопастный наконечник стрелы и рядом с ним фрагмент светлоангобириванной стенки керамического сосуда с согдийской надписью, выполненной тушью.

Помещение 2. Ширина 4,5 м, длина не определяется, так как почти вся площадь помещения уходит в срез раскопа. Находок нет.

С наружной стороны этих помещений, на уровне полов найдено много железных шлаков, плоское каменное пряслице, бусина и плоский каменный предмет с искусственным желобком и отверстием для продевания нити, возможно, штамп.

Ниже уровня описываемых помещений в южной части раскопа расчистился фундамент еще одного сооружения. Ширина его 115 см,

---

⁵¹ Монеты с изображением верблюда известны по находкам в Бухарском оазисе, только там изображен верблюд вправо. Монеты с верблюдом вправо часты на Варахше (В. А. Шишкин. Варахша, стр. 67).

направление С—В—Ю—З. Фундамент ладьевидной формы заливался слоями жидкой глины, толщина каждого слоя 8—10 см. К западу от фундамента зольный слой с фрагментами лепных кухонных котлов—прямые венчики с вертикальными ручками, плоские донца, стенки. Эта форма кухонной посуды бытует в Ташкентской области со времени Каунчи. Ниже этого культурного слоя залегал лесс с мелкими линзами золы и затем материк.

К востоку от раскопа 1 разбит раскоп 2 площадью 47 м². Здесь та же картина стратиграфии верхних слоев: 2—2,5 м— мусор XX в. и только ниже начинаются культурные слои средневековья. Сохранились неполностью три стены двора или помещения, сложенные из пахсы. Высота стен 60 см, ширина северной стены 1 м, западной—80 см, ширина восточной не определяется, так как уходит в срез раскопа. К стенам примыкает промазка пола. На полу в юго-западном углу очаж-

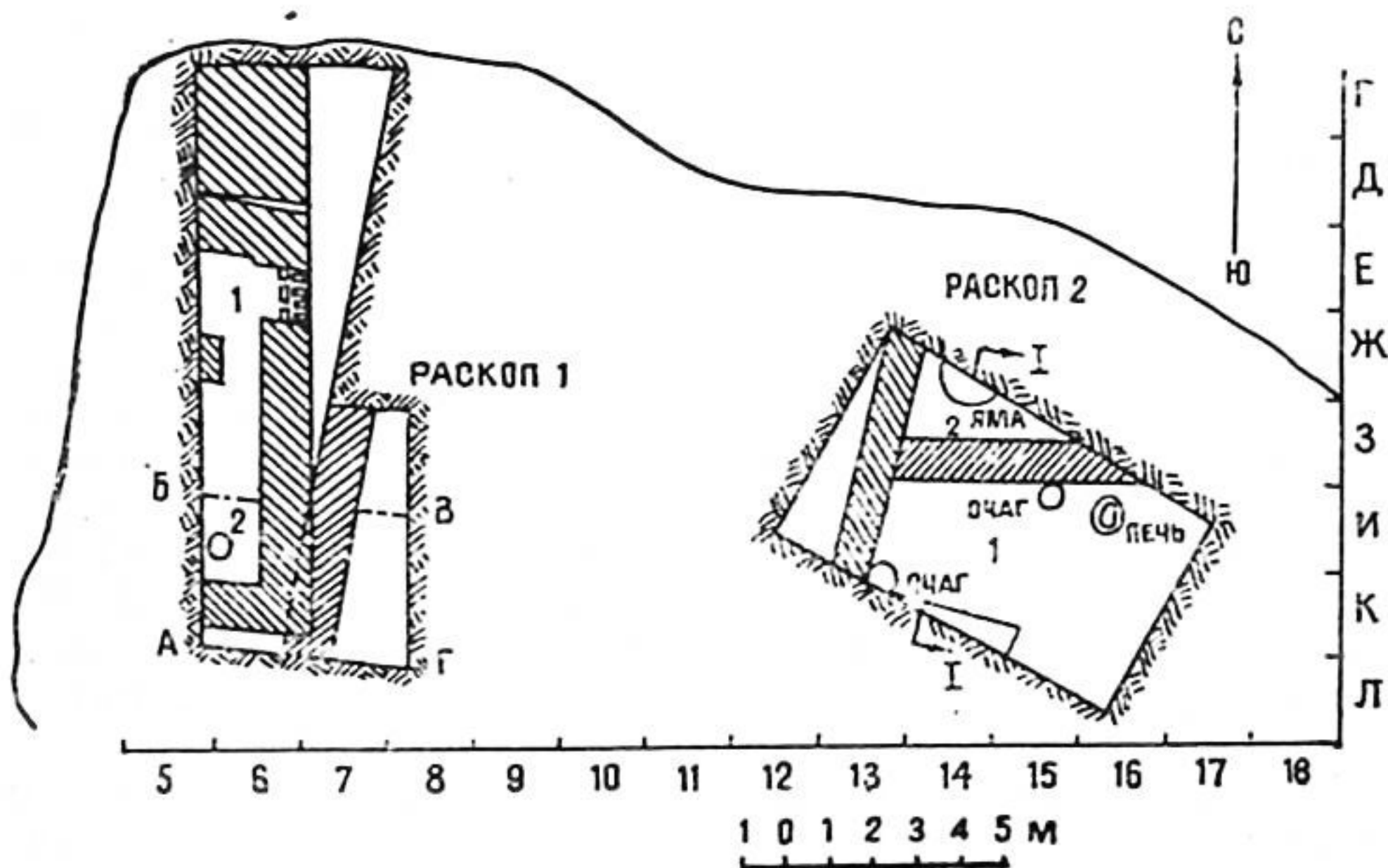

Рис. 10. Планы раскопов в шахристане.

ное место: сохранились нижняя часть очага, зола, стенки и плоские донца котлов. В северо-восточной части помещения почти у стены расчистилась нижняя часть гончарной печи. Толщина ее стенок 10—15 см, сохранившаяся высота 20—25 см; печь овальна в плане 100×85 см. В юго-западной части— топочное отверстие. Печь заполнена золой, в которой был найден фрагмент груболепного штыря. Рядом с печью, на полу найдены две медные монеты. На одной из них с квадратным отверстием в центре сохранился только крестообразный

знак справа от отверстия. Это согдийская монета с тюркским знаком VI—VIII вв. н. э.⁵² Вторая монета отличной сохранности. На Аv по сторонам квадратного отверстия, заключенного в широкую чуть скошенную рамку, знаки согдийских ихшидов, справа трехконечный свастикообразный знак с концами, загнутыми вправо, слева У-образный знак. На монете чуть оплывшая согдийская надпись. Монеты, подобные этой, относятся к чекану неизвестного царя первой четверти VIII в. н. э.⁵³

В слоях над полом наряду с раннесредневековой керамикой отмечены фрагменты глазурованных чирагов, дно блюда с жидковато-зеленой подглазурной росписью, типичной для керамики X в.

К северу от описанного помещения располагалось еще одно. Вскрыть и охарактеризовать его не было возможности, так как на площадь раскопа пришелся только край этого помещения. В нем находок мало. Значительный интерес представляет плитка с штампованным узором, покрытым белым анбогом и зеленой свинцовой глазурью, найденная в лессовом заполнении над полом. Аналогичная находка была сделана О. В. Обельченко. Н. С. Гражданкина датировала ее XII в. Такая же плитка найдена на Афрасиабе.

В полу помещения — мусорная яма, заполненная золой, органическими остатками и керамикой. Керамический комплекс своеобразен и выразителен (рис. 11). Он представлен, например, кувшинами с округлым туловом, прямой горловиной, покрытой рифлением. Венчик профилирован и от него на плечо опущена ручка (рис. 11, 5—6). Эта форма типична для второго и третьего периодов «замка», т. е. для VI—VIII вв. н. э. Среди кухонной керамики наибольший интерес представляет плоскодонный лепной котел с нешироким туловом и высокой горловиной. К прямому венчику прикреплены две плоские горизонтальные ручки, две другие закреплены на противоположных сторонах к середине горловины. Плечико котла украшает фестончатый лепной жгут (рис. 11, 4). Здесь же найден маленький груболепной сосудик, покрытый плотным красным ангобом снаружи. Внутри его застывшая масса, свидетельствующая, что сосуд употреблялся в какой-то мастерской. По форме и ангобу находка подобна сосудику из Каунчи-тепе. Фрагмент маленькой плоской крышки с врезным линейным и ямочным орнаментом имеет аналогии в материалах IV—VII вв. городища Шаушукум-тобе в зоне Чардары. Здесь же найден фрагмент кружки с ручкой-петелькой. Уникальной для нашей области следует считать находку фрагмента стилизованной красноангоби-

⁵² Определение монеты Т. Эрнзаровой.

⁵³ О. И. Смирнова. Каталог монет с городища Пенджикент, М., 1963, стр. 87, рис. 24.

ванной керамической статуэтки животного (рис. 11, 1). Ноги спарены, шерсть с боков передается рядом насечек, помещенных между линиями. На крупе маленькая чашечка-резервуар. Подобные фигурки животных были широко распространены в Семиречье в тюрко-

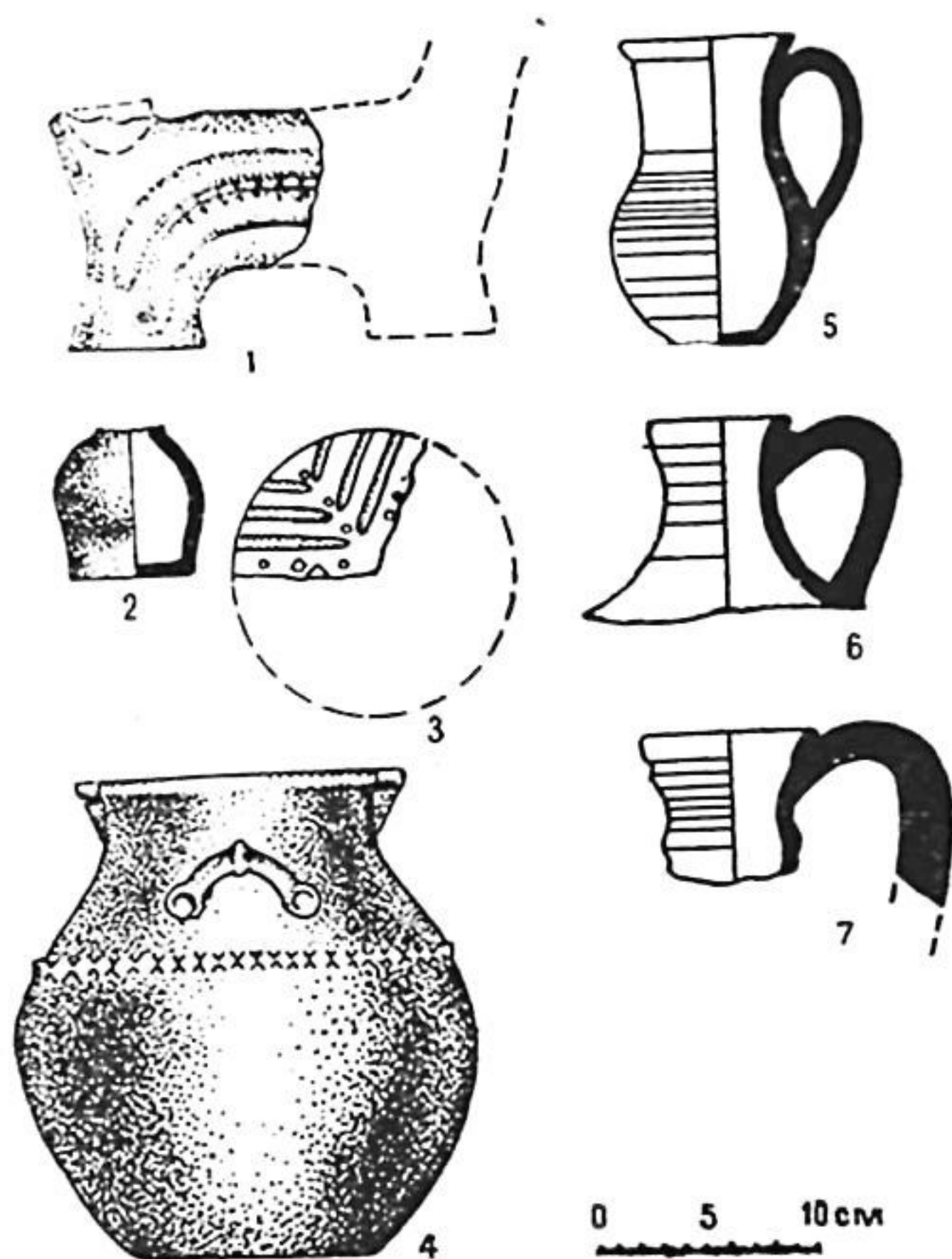

Рис. 11. Керамика нижнего слоя шахристана

согдийское время, т. е. в V—VIII вв. н. э.⁵⁴; в Шаше фигурка отмечена впервые.

Весь комплекс находок позволяет считать VI—VII вв. н. э. временем возникновения вскрытых нами построек и, следовательно, жизни шахристана. Таким образом, данные раскопок подтвердили

⁵⁴ А. Н. Бернштам. Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина», МИА, 1950, № 14, 117.

данные шурфов. Расцвет жизни города, несомненно, приходится на VII—VIII вв. Находки гончарной печи, шлаков керамических и железных, стандартизация форм керамики, широкое применение гончарного круга указывают на широкое развитие в городе ремесла. При обследовании территории шахристана к северо-западу от «замка» на территории, примыкающей к углу современных улиц Жуковского и Пролетарской, зарегистрированы в большом количестве керамические шлаки и штыри. Керамические шлаки были найдены и далее на запад от этой территории.

Развитие ремесла способствовало развитию торговли, и находки монет в раскопе 2 и шурфе 5 свидетельствуют о развитых торговых отношениях с Согдом. Город был связан и с Семиречьем, на что указывает находка стилизованной фигурки животного в раскопе 2 шахристана, свидетельствующая о бытовании каких-то общих воззрений и верований.

Характерно, что в шахристане только несколько фрагментов керамики могут быть отнесены к IX—X вв., так как интенсивное обживание города, прервавшего свою жизнь в VIII в., началось лишь в XI в. Мы не располагаем материалами, дающими возможность утверждать, что город восстановился вновь как городской организм. Возможно, что в XI—XII вв. Минг-Урюк существовал как поселение.

Водоснабжение городища осуществлялось крупным магистральным арыком — ветвью Салара, огибавшим городище с севера. При обследовании котлована у северной границы города обнаружилось русло четырехметровой ширины, заполненное крупнозернистым песком.

Обследование прилегающей к шахристану территории велось с целью уточнения границ города, отмеченных на картах прошлого столетия. Шурфы вдоль южных, восточных и северных границ подтвердили правильность границ и показали, что жизнь за их пределы не выходила. Иные результаты получены в результате работ вдоль западных границ шахристана. На картах и планах прошлого в этой части отмечено всхолмление местности. В 1959 г. здесь на территории, ныне занятой хлебозаводом № 1 и фабрикой «Красная заря», археологи Ю. Ф. Буряков, О. В. Обельченко и геолог Юрьев обследовали остатки погребения, по найденной рядом керамике датировали его ориентировочно первыми веками нашей эры и высказали предположение, что в этой местности располагался некрополь городища. По рассказам старожилов, при земляных работах на этой территории находили кости человека и битую посуду. В этой части заложено 6 шурфов. Во всех шурфах была зарегистрирована керамика раннего средневековья XI—XII вв. и кости человека. В шурфе № 6 вскрыта часть погребения. Сохранилась нижняя часть скелета, верхняя была уничтожена поздней ямой. Ноги скелета вытянуты, ориентация С—Ю с некоторыми

смещениями на запад. Скелет лежал на обгоревшей обмазке пола какого-то сооружения у пахсовой стены шириной 50 см.

Рядом с этим шурфом был заложен раскоп площадью 47 м² (рис. 12). В северной части раскопочной площадки 80—100 см культурных

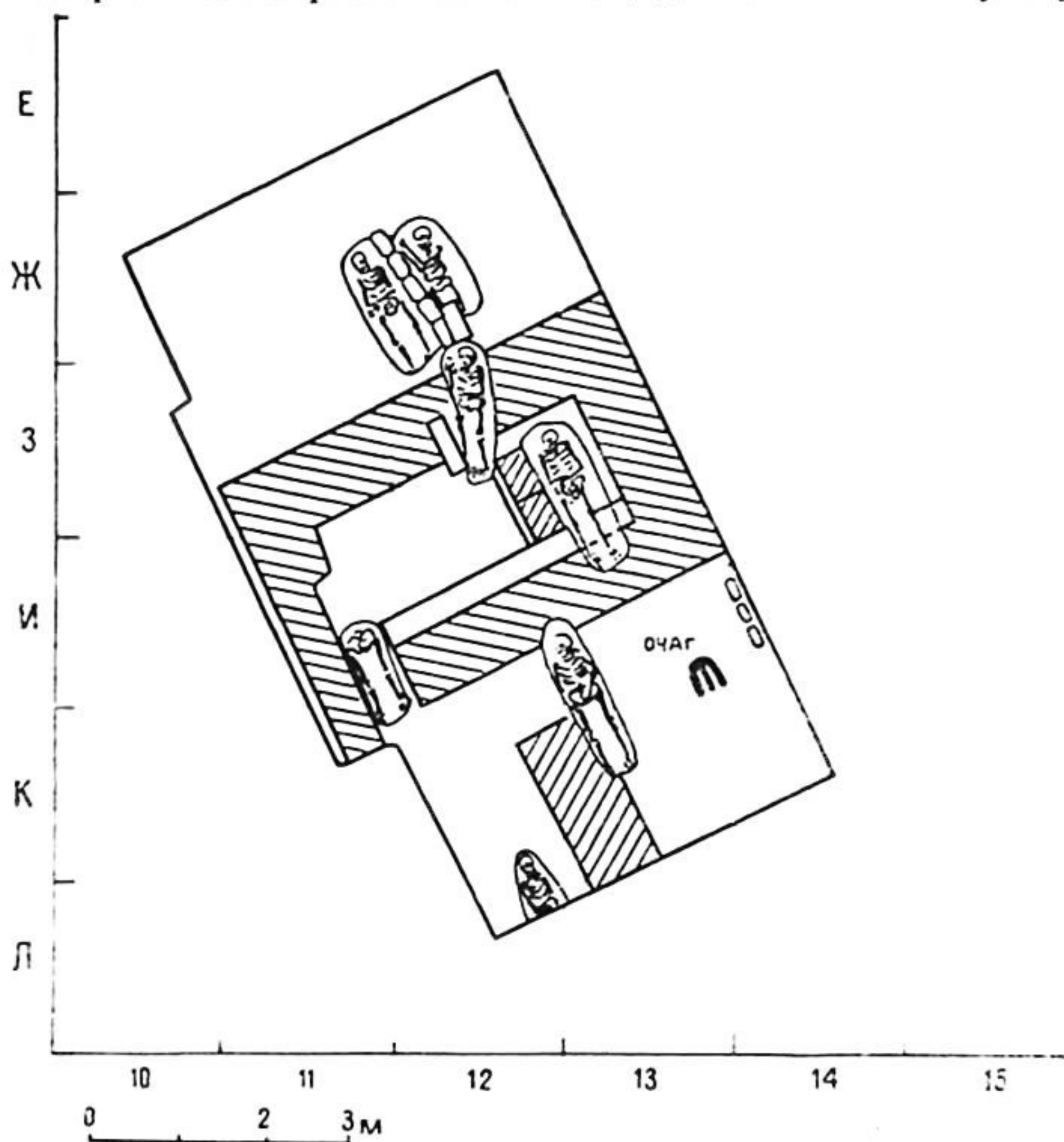

Рис. 12. План раскопа в „некрополе“.

напластований составляют остатки фундаментов сооружений XX в., в южной — толщина этих напластований 60—70 см. Ниже были расчищены 6 погребений, сделанных в прямоугольных ямах с обкладкой пахсой или кирпичом 30×20×6—7 см, ориентированных С—Ю со смещением на запад. Погребения сделаны на разных уровнях. Скелеты лежат на спине или чуть смещены на бок, ноги вытянуты. Положение рук не одинаково. У одного скелета руки подняты и положены под пра-

вую щеку; у других—левая рука лежит на лоне, правая—поднята к голове; у третьих—левая вытянута вдоль, а правая—на лоне. В трех погребениях на дне ям в средней части горелые пятна.

Почти полное отсутствие инвентаря в погребениях затрудняет их датировку. Керамика из погребения 3 по типу своему принадлежит к материалам третьего периода «замка», т. е. к VII—VIII вв. н. э. В слоях над погребениями эта керамика находится совместно с керамикой XI—XII вв., ибо слои перемешаны. Вероятно, следует считать, что описанные погребения возникли не раньше VIII в. н. э.

Погребения с подобной ориентацией известны очень широко. Могильные ямы, обложенные кирпичом, с костяками в той же позе с согнутыми и покоющимися на животе руками встречены в Северном Каратау, где они датируются VIII—X вв. н. э.⁵⁵

Три погребения (№ 2, 4, 5) были врезаны в пахсовые и кирпичные стены помещений. Оконтурились остатки трех помещений, соединившихся дверными проемами. Помещение 1 прямоугольное в плане (3,75 × 1,65 м), стены выложены из пахсы, кое-где сохранились следы глиняной штукатурки. Ширина северной стены 90 см, восточной 80, южной 80, западной 50 см. Вдоль южной стены вытянута узкая (30 см) суфа высотой 25 см. В южной стене имеется дверной проем шириной 55 см. Он ведет в помещение 2, ширина которого 1,5 м, сохранившаяся длина 2,75 м. Восточная стена сложена из кирпича 46 × 23 × 8—9 см. В ней есть дверной проем шириной 85 см, ведущий в помещение 3. Размеры последнего не определяются. На полу большой очаг, разделенный центральной перегородкой на две части.

В засыпке помещений (лесс средней плотности с фрагментами керамики) материал перемешан. На полах найдено несколько фрагментов горшков, носик кувшина, резко поднятый кверху и зажатый с боков. Эта форма характерна для керамики Ташкентского оазиса VI—VIII вв. н. э. Находки подобной керамики позволяют считать это время временем возникновения и жизни открытого комплекса. Погребения возникли после прекращения жизни вскрытого комплекса и принадлежат средневековью. Все данные указывают, на то, что в пору становления и расцвета жизни города эта часть входила в состав шахристана и разделила с ним его судьбу. После гибели города в VIII в. жизнь в этой части также прекратилась, и позже этот район использовался под некрополь.

Обследование прилегающей территории вдоль западных границ дает нам право расширить шахристан почти на треть, площадь го-

---

⁵⁵ Е. И. Агеева. Памятники средневековья (раскопки на городище Баша-ата), Археологические исследования на северных склонах Каратау, ТИИАЭ АН КазССР, т. 14, Алма-Ата, 1962, стр. 186.

рода становится равной почти 15 га, что ставит наше городище в ряд крупных городов раннего средневековья (площадь Пенджикентского шахристана 13,5 га).

В результате работ на городище можно утверждать, что первоначально на месте цитадели и «замка» находилось поселение каунчинской культуры, возникшее в IV—V вв. и имевшее ярко выраженный крепостной характер. Поселение окружено мощной крепостной стеной с валгангом и бруствером. Площадь его застроена прямоугольными и коридорообразными помещениями, сложенными из разноформатного кирпича и пахсы. Его зольноорганические культурные наслоения характерны для памятников каунчинской группы, на что обратил внимание Г. В. Григорьев еще в 1937 г. Последующие наблюдения подтвердили своеобразный характер культурных остатков каунчинцев, что объясняется, может быть, особенностями их хозяйственно-культурной жизни. В характерном для культуры Каунчи II комплексе керамики, наряду с груболепной, встречается тонкостенная (кружки, миски, кубки), что свидетельствует о новой, более высокой степени развития гончарного производства.

Выгоды положения на большом торговом пути, удобства водоснабжения, развивавшееся ремесло привели к тому, что в VI в., в пору повсеместного для Средней Азии роста феодальных усадеб и городов, наше крепостное поселение перерастает в город, состоящий из цитадели и шахристана. Необходимость защиты от соседних феодалов и набегов кочевников вызвала к жизни весьма внушительную систему городских укреплений.

Цитадель прямоугольного плана заняла около 0,5 га, т. е. почти половину площади древнего поселения⁵⁶. Стены цитадели фиксируются прямоугольными башнями, одна из них в верхней части имеет оригинальную ступенчатую форму. Расстояние между башнями 12 м. По верху стены проходит свободная галерея, перекрытая сводом. К северу и западу от цитадели слагается шахристан.

Город уже в самом начале своего существования пережил потрясения, связанные, очевидно, с военно-политическими событиями. Разрушена внешняя стена цитадели, у башен пробиты бреши.

Но жизнь города не пришла в упадок, наоборот, наступает новый подъем. Стены цитадели усиливаются дополнительно возведенными стенами, построенными впритык к первоначальным.

---

⁵⁶ Детальное описание раскопок 1958—1959 гг. изложено в неопубликованной статье Ю. Ф. Бурякова и Д. Г. Зильпер «Археологические исследования Минг-Урюка в 1958—1959 гг.», рукопись в архиве ГУОПМК. В статье затронуты работы 1958—1959 гг. в цитадели в самых общих чертах, поскольку это необходимо для понимания картины становления города.

Можно предположить, что эти события в жизни города совпадают с периодом становления сильного государственного объединения—Тюркского каганата. Источники сообщают, что в это время жители Шаша ссорились с тюрками и были ими разбиты⁵⁷. Вероятно, с этими военными конфликтами связаны все те разрушения городских укреплений, которые так хорошо прослеживаются в раскопках. Вхождение Шаша в состав каганата, стабилизация политического положения не замедлили сказаться на жизни города. Он не только восстанавливает свои укрепления, но и интенсивно растет. В цитадели возводятся помещения с пристенными суфами и сводами, выложенными наклонными отрезками. Шахристан плотно застраивается, развивается гончарное и железообрабатывающее ремесло. На заброшенной старой крепостной стене возводится монументальный дворцовый комплекс, датируемый второй половиной VII—первой половиной VIII в. н. э. Это, несомненно, время расцвета жизни города. Продолжаются конструктивные изменения цитадели: возводятся новые оборонительные стены и жилые комплексы. В шахристане, во дворце, меняются планировки, стены покрывает богатое живописное убранство.

В археологическом материале и архитектуре первых трех этапов жизни города отмечается преемственность культурных традиций, стилевое единство. Но для поры расцвета городской жизни в VII—VIII вв. н. э. характерно все большее единство с сопредельными областями—Согдом, Уструшаной, Тохаристаном. Объяснять это единство только культурным влиянием, связанным с экономическими и политическими отношениями областей с Шашем, недостаточно—в основе его лежит общность социально-экономических процессов среднеазиатского общества VI—VIII вв. Это пора становления и упрочения феодализма, давшего толчок широкому развитию экономики—базы дальнейшего культурного роста области Шаш. Включение в состав Тюркского каганата обеспечивало Шашу сохранение стабильности его положения. Ко времени арабского завоевания город, как и все владение Шаш, достиг расцвета. В эту пору Шаш наряду с Согдом и Ферганой был весьма значительным владением и принимал участие в антиарабских коалициях.

Опустошительные походы Кутейбы в Шаш и Фергану в 713—714 гг. имели цель сломить сопротивление непокоренных⁵⁸. Именно в Шаше нашли приют участники движения «людей в белых одеждах». Участие

---

⁵⁷ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, М.—Л., 1950, стр. 273, 282.

⁵⁸ С. Г. Кляшторный. Из истории борьбы народов Средней Азии против арабов, ЭВ, IX, 1954, стр. 62—64.

в антиарабских движениях не прошло бесследно. Гибель нашего городища, совпадающая по времени с серединой VIII в., вероятно, связана с антиарабской борьбой, с опустошениями и пожарами, сопровождавшими все карательные операции арабов.

В последующем город оставался в руинах и только в XI—начале XIII в. стал обживаться, но уже в качестве поселения, тяготеющего к цветущему Бинкету. Размеры этого поселения уже меньше раннесредневекового города, так как западная часть шахристана превращена в некрополь. В начале XIII в. жизнь поселения была прервана и не возобновилась.

История городища Минг-Урюк, выяснившаяся в результате археологических работ, меняет уже сложившуюся и вошедшую в научный обиход схему развития Ташкента. Состояние знаний о жизни городища, определившееся его разведочным обследованием, позволило предположить здесь город Юни и затем Чже-си, т. е. столицу Шаша⁵⁹. Как ни заманчиво отождествление нашего городища с Юни, фактический материал не позволяет этого сделать. В пору существования города Юни (II—I вв. до н. э.) территория городища Минг-Урюк не была обжита. Только в IV—V вв. н. э. здесь складывается крепостное поселение. Следовательно, вопрос о местонахождении города Юни и выросшего на его месте Чже-си остается открытым. Городище Минг-Урюк в VI—VIII вв. могло претендовать на роль столицы Шаша, но источники прямо указывают, что Чже-си стоит на месте Юни, а поэтому, не имея оснований не доверять источникам, можно рассматривать городище Минг-Урюк VI—VIII вв. как крупный феодальный город, положение и роль которого были настолько велики, что столица Шаша с IX в. располагается по соседству с его руинами.

Антропогенное освоение территории, начавшееся у берегов Салара, сдвинулось к западу, шагнуло через Анхор к Бозсу и в конце IX—X вв. дало качественно новое городское образование — Бинкет, законченный феодальный город Шаша с арком, шахристаном и двумя рабадами.

Город-ремесленник, город-купец со своей сельскохозяйственной базой, расположившийся на скрещении караванных путей, рос и расширялся на протяжении своей многовековой жизни, перемещался его общественный центр, но освоение территории было неуклонным: множились ремесленные кварталы, возникали все новые культовые комплексы, раздвигались пределы городских стен. Возникший, как и древний Рим, «на семи холмах, на семи саях»⁶⁰, он быстро рос и разви-

⁵⁹ М. Е. Массон. Прошлое Ташкента, Известия АН УзССР, 1954, № 2, стр. 106—108.

⁶⁰ Народное предание, сообщенное канд. ист. наук А. Р. Мухамеджановым.

вался. Выгоды положения, стабильность ирригационной сети способствовали развитию многоотраслевого ремесла и земледелия. Город в последующем неизменно оставался на одном месте, лишь расширяя свои границы.

БИНКЕТ (НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ К ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ)

За период исследований 1967—1971 гг. отряд собрал огромный вещественный материал, позволивший внести некоторые коррективы в представления об исторической топографии и хронологической шкале материальной культуры Бинкета.

Естественно, что перед исследователями встал вопрос о картографической основе, которая должна была стать исходной базой для определения границ арка, шахристана, древних ворот города и наиболее древних мест антропогенного освоения.

Современный план города, где старая сетка улиц нарушена вновь пробитыми магистралями, где средневековая топонимика обезличена новыми названиями, не мог ответить на те историко-топографические вопросы, которые ежеминутно вставали перед археологами. Нужны были старые планы, где сохранились и названия ворот, и названия основных магистралей, которые давали направления караванных путей—источников жизни и богатства города. В качестве ориентиров передвижения границ города необходимы были сведения о нахождении и названии старых кладбищ, а также старые названия улиц, дававшие представления о занятиях или этнической принадлежности жителей той или другой части города XVIII—XIX вв. Важно было определить и процент застройки, а таким образом, и степень освоения городской территории. Исходным материалом в наших исследованиях явились план Ташкента 1890 г. и работы Н. Г. Маллицкого и В. А. Шишкина по топонимике города.

На плане города XIX в. (рис. 13) границы определены городской стеной, четко выделены цитадель, шахристан и рабад.

Центром города являлся базар, расположенный возле средневекового шахристана, куда приходили караваны с товарами. Вокруг базара располагались кварталы ремесленников, где находились мечети, ханако, караван-сарай, бани.

На караванных путях возникали города и поселения, жители которых занимались ремеслом. «По преданию Ташкент издревле делился на четыре части «даха»—Кукча, Сибзар, Шайхантаур и Бешагач. Между ними, в ложбине, был расположен базар»⁶¹. Даха состояли из исторически сложившихся кварталов («махалля») и земель («мауза»),

⁶¹ Н. Г. Маллицкий. Ташкентские махалля и мауза, В сб. «В. В. Бартольд», Ташкент, 1927, стр. 109.

расположенных за городской стеной и использовавшихся под сады и посеы⁶². Список махалля и мауза составлен Н. Г. Маллицким⁶³.

Интересно, что махалля всех даха, образовавших у рыночной площади ремесленно-торговый центр, носили названия, говорящие о сопричастности к торговле и ремеслу. Например, в Сибзарской части: Бандак-базар, Заргарлик, Иски-мискарлик, Казах-базар и др.; в Кук-

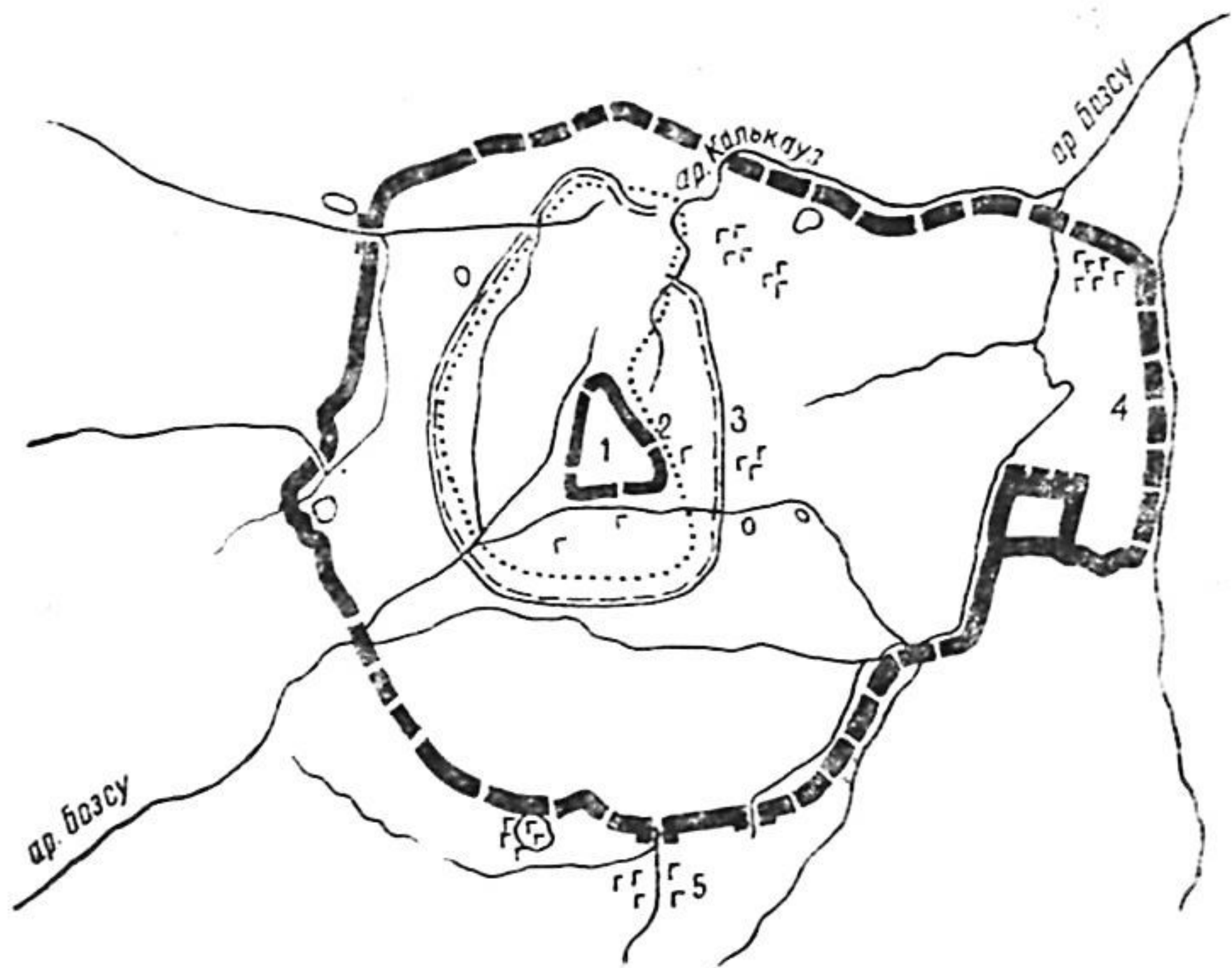

Рис. 13. План Ташкента в границах XIX в.:

1—шахристан Бинкета; 2—стена внутреннего рабада Бинкета; 3—внешняя стена рабада Бинкета; 4—городская стена Ташкента; 5—кладбище.

чинской—Беда-базар, Казак-базар, Кассаб-базар, Лянгар, Мискарлик и др.; в Бешагачской—Бирдан-базар, Грунч-базар, Гуза-базар, Гуль-базар, Зебак, Каляба-базар, Канд-базар и др.; в Шейхантаурской—Дегриз, Игарчи, Иски-Якка-базар, Мергенчи, Укчи⁶⁴.

⁶² Н. Г. Маллицкий. Ташкентские махалля и мауза, стр. 109.

⁶³ Там же, стр. 108—121. Первоначальные списки приводятся в кн.: Н. А. Маев. Азиатский Ташкент, Ежегодник материалов для статистики Туркестанского края, вып. 1, СПб, 1872; В. А. Шишкин. О названиях ташкентских махалля, Бюлл. Ташкентского новгородского исполкома, 1925, № 4, 5 и др.

⁶⁴ Все названия махалля взяты в транскрипции Н. Г. Маллицкого.

При подсчете выяснилось, что в Сибзарской даха 18 махалля были связаны с ремеслами, в Кукчинской—9, в Бешагачской—5, в Шейхантаурской—3. Наибольшее количество кварталов, примыкавших к базару, насчитывалось в Сибзарской (17) и Бешагачской (16) частях, наименьшее—в Кукчинской (8) и Шейхантаурской (1). В Бешагачской даха торговля производилась в основном продуктами сельского хозяйства, которым занимались ее жители на мало обжитой территории своего района и за пределами городских стен, в мауза.

Интересен и тот факт, что махалля, сосредоточенные у ворот города XIX в., в своем названии имели прилагательное «янги» («новый»), указывавшее на недавнее освоение этих районов. В Шейхантаурской даха таких названий 9, в Сибзарской—1, в Кукчинской—1, в Бешагачской—3 названия⁶⁵. Подобное соотношение достаточно красноречиво говорит о том, что Сибзарская и Кукчинская даха сложились в своих пределах давно и осваивать им было нечего, тогда как Шейхантаурская и Бешагачская даха еще располагали неосвоенными территориями.

Наиболее высокая плотность застройки и наибольшее количество махалля отмечались в Сибзарской и Кукчинской даха. Шейхантаурская и Бешагачская части отличались разреженностью застройки, перемежавшейся садами и пашнями. Наиболее плотная застройка в этих даха сконцентрирована ближе к центру города⁶⁶.

Кукчинская даха расположена к северо-западу от шахристана и включает в свой состав 57 махалля и 47 мауза.

В топонимике названий большой удельный вес занимают ираноязычные (15) и тюркоязычные (18) названия. Хорошо снабжавшийся водой (арыки Кукча, Падахана, Регистан, берущие начало в арыке Калькауз), район имел много зелени, что и отразилось в его названии («кук»—синий, зеленый).

В Кукчинской даха—51 мечеть, 4 кладбища, 3 медресе (названия и число установлены по плану 1890 г. и частично по списку В. А. Шишкина). Кладбища носят названия: Иски-Намазгох, Клыч Бархан, Магомед Шейха, Ходжа Исхака (оно же Ходжа ва Ходжа). Среди мечетей выделяются своими размерами мечеть-хонака и большая мечеть; остальные—обычные квартальные мечети. Большинство из этих сооружений позднего происхождения, однако есть материалы, указывающие на древность территории, прилегающей к кладбищу Ходжа ва Ходжа. На этой территории студентами кафедры археологии ТашГУ обнаружена керамика X—XII вв. ●

За пределами городской стены XIX в. (ворота Кукча) располагаются кладбище и мавзолей шейха Зейнаддина-бобо. В 1951 г. при

⁶⁵ Выборка сделана по спискам Н. Г. Маллицкого, приведенным в статье «Ташкентские махалля и мауза», стр. 112—121.

⁶⁶ Там же.

обследовании мавзолея было установлено, что более древняя его часть—чилля-хона—сооружена в начале XIII в. для шейха Зейнаддина-бобо Куи-Арифони. Абу Тахир Ходжа сообщает, что Куи-Арифон—одно из ташкентских селений, где жил учитель Нураддина Басира (ум. в 1249 г.)—Зейнаддин-бобо. Следовательно, в XIII в. здесь была загородная часть, а в XVI в. эта местность уже называется кварталом; очевидно, к XVI в. город достиг тех размеров, которые сохранились до XIX в. и селение Куи-Арифон превратилось в махалля шейха Зейнаддина-бобо⁶⁷. Территория за воротами Кукча была объектом обследований кафедры археологии ТашГУ⁶⁸.

Сибзарская даха располагается к северу от шахристана, орошается арыком Шахар и состоит из 79 махалля и 65 мауза. 25 махалля имеют тюркоязычные названия, 9—ираноязычные.

На территории даха располагаются четыре кладбища—Хаст-Имам, Турсун-Ата, Парваз-Ата, Ходжа-Мафа.

Особенно интересен комплекс Хаст-Имам, или Хазрет-Имам, сложившийся в разное время. Самым ранним памятником считается мавзолей Абу Бекра Мухаммеда Кафалля-Шаши (ум. в 976 г.), возведенный над могилой в XVI в., очевидно, вместо разрушившегося. В первой половине XVI в. к югу от мавзолея возводится здание медресе Барак-хана, имеющее в своей основе два мавзолея⁶⁹. Всего в комплексе пять монументальных сооружений, свободно расположенных на кладбище среди зелени, там же размещались и хаузы. Все это вместе создавало своеобразный и живописный ансамбль.

Комплекс Хазрет-Имам был одной из главных и ранних святынь города. Его значение несколько снизилось в связи с постройкой комплекса Шейхантаур. По схеме М. Е. Массона комплекс Хазрет-Имам находился во внешнем рабаде города X—XII вв. Позднее, в XV—XVI вв., он оказался за стеной города, проходившей несколько южнее ул. Джин-куча. Город XIX в. вновь заключил территорию Хазрет-Имама в свои стены.

Территория Бешагачской даха ограничена протоками Чорсу, Анхором, улицами Самарканд-Дарваза, Алмазар, городской стеной XIX в. и пересекается в широтном направлении арыками Чукур-купрюк и Танышахар (современная транскрипция).

В пределах этой даха 76 махалля (24 из них имеют тюркоязычные названия, а 8—ираноязычные) и 36 мауза. В разных частях, но в основном по направлению главных караванных путей расположено

⁶⁷ В. А. Левина. К истории мавзолея Зайнаддина Бобо. Архитектурные памятники Узбекистана, Ташкент, 1960, стр. 81—83.

⁶⁸ Экспозиция и фонды кабинета археологии ТашГУ.

⁶⁹ Комплекс обследовался М. Е. Массоном с группой археологов и архитекто-

11 кладбищ. Среди них выделяются кладбища с мечетью Намазгох и мавзолеем Аламбердара у Камеланских ворот; последнее связано с именем Аламбердара — сподвижника Каффалья-Шаши и ревностного поборника идей ислама. Кроме того известно несколько зданий мечетей и медресе XIX в. Часть из них разрушена и значится только по спискам ранних обследований, проведенных Узкомстарисом и ГУОПМК⁷⁰. Исчезли также некоторые кладбища, территории которых по мере роста города использовались под застройку.

В названиях улиц Катта-баг («Большой сад»), Арпапая («арпа» — ячмень), Бешагач («Пять деревьев»), Алмазар («алма» — яблоко) как бы заключено указание на занятия жителей этой даха садоводством, огородничеством, полеводством.

Интересна местность Иски-Урда, представляющая в настоящее время приподнятый плотно застроенный прямоугольник, ооконтуренный улицей Караташ. На этом бугре в конце XVIII в. находилась крепость Юнус-Ходжи, правителя, объединившего Ташкент под своей эгидой. Ныне никаких следов крепости не прослеживается. Видимо, к середине XIX в. укрепление разрушилось и превратилось в пустырь, который постепенно застраивался.

В районах, расположенных за городской стеной, — мауза Рахат (Ракат) и Палван-дарваза — были обнаружены: в первом оссуарии с костями (1897 г.), а во втором инвентарь фальшивомонетчика XIV в. (1927 г.)⁷¹.

Шейхантаурская даха расположена к северу от улицы Навои (ранее Таш-куча, Шейхантаурская). Северной ее границей является Тахтапульская улица, а на востоке арык Анхор. В широтном направлении ее пересекает арык Лабзак. Даха состоит из 70 махалля (37 тюркоязычных названий, 14 ираноязычных)⁷² и 31 мауза. В ее пределах расположено 6 кладбищ, из которых самым примечательным являет-

---

ров. См.: М. Е. Массон. Прошлое Ташкента..., стр. 124—131; Н. И. Френкель. Мавзолей Абу-Бекра Мухаммада Каффаль Шаши в Ташкенте, Материалы по истории архитектуры Узбекистана, М., 1950, стр. 73—83; Л. Н. Воронин и Ш. Ратия. Медресе Барах-хана в Ташкенте, стр. 67—72.

⁷⁰ Н. С. Страцова. Архитектурный облик старого Ташкента, 1937, Архив ГУОПМК, рук. № 131. Это касается в равной мере и других частей города.

⁷¹ Н. С. Лыкошин. Указ. соч., стр. 25, 29; М. Е. Массон. Клад утвари фальшивомонетчика XIV в. под Ташкентом, Материалы Узкомстариса, вып. 4, Ташкент, 1933, стр. 6, 8, 9.

⁷² Н. Г. Маллицкий в работе «О происхождении названия Ташкентского арыка Дарвазакент» (Труды ТашГУ, вып. 200, 1963, стр. 161—162) указывает на необходимость внимательного анализа названий, среди которых, безусловно, есть согдийские. Эта статья-завещание написана для исследователей исторической топографии и топонимики не только Ташкента.

ся комплекс у мавзолея Шейхантаура, детально изученный М. Е. Массоном и сотрудниками кафедры археологии ТашГУ⁷³.

Этот комплекс оформился окончательно в XIX в. Его наиболее ранними сооружениями являются чилля-хона (XV в.), выстроенная по преданию Ходжа-Ахраром, мавзолей над могилой Шейхан-таура (сохранивший от XV в. свой план и основные архитектурные формы), мавзолей Юнус-хана XV в.

Шейхантаурское кладбище прежде располагалось на территории внешнего рабада⁷⁴. Дальнейшее развитие города привело к освоению земель к востоку и югу. Земли за Анхором (восточная часть города) делились между Сибзарской, Шейхантаурской и Бешагачской даха.

Все археологические данные излагаются ниже по сложившейся историко-топографической схеме деления Ташкента-Бинкета на арк, шахристан, рабады.

Арк. На территории Иски-Джува, где М. Е. Массон поместил между арыками Жангоб и Регистан цитадель Бинкета, сотрудники Ташкентского отряда заложили шесть шурфов и подчистили 20-метровый разрез траншеи в котловане ресторана «Гулистан» (рис. 14). В образовавшемся стратиграфическом разрезе до 5 м высотой в подстилающем слое выявлена илистая влажная почва черного цвета, «пывун», указывающая на прохождение здесь в прошлом арыка, прорезавшего современную площадь им. Калинина. Выше залегал слой до 2 м толщиной, насыщенный керамикой XV в., а также кусками стенок печей и предметами печного припаса. Этот слой перекрывают напластования XIX в. и прорезают синхронные мусорные ямы. В слоях встречены единичные фрагменты керамики X—XII вв. Описанное чередование слоев наблюдалось на всем протяжении 20-метрового разреза.

Шурфы на площади им. Калинина выявили слой с перемешанными материалами, в котором преобладали фрагменты керамики XV в.; в меньшем количестве встречена керамика X—XI вв. В двух шурфах на западном краю площади этот слой перекрывался скоплением жженого кирпича, оставшимся от здания медресе Бекляр-бека XIX в. Таким образом, найденный материал свидетельствует об интенсивном обживании территории лишь в XV в. В ходе перепланировок того времени либо был уничтожен слой X—XI вв. и от него остались лишь незначительные фрагменты, либо нажитого слоя периода существования Бинкета здесь вообще не было.

Археологического материала пока недостаточно, чтобы подтвер-

---

⁷³ М. Е. Массон и др. Историко-археологическое изучение..., стр. 171—199; М. Е. Массон. Прошлое Ташкента, стр. 115—122.

⁷⁴ М. Е. Массон. Прошлое Ташкента, стр. 115.

дить размещение в районе Иски-Джува цитадели Бинкета, несмотря на то, что топографически выделенное расположение этого района не противоречит такому отождествлению.

В связи с обнаружением «плывуна» примечательно толкование названия «Иски-Джува», приведенное В. А. Шишкиным в дневнике 1926 г. Известно толкование этого названия от «джувахана» («угловая башня») ⁷⁵. Служитель мечети Ходжа Мекка объяснил происхождение слова «джува» от персидского جوی («русло арыка»), а «Иски-Джува» переводили как «старое русло арыка».

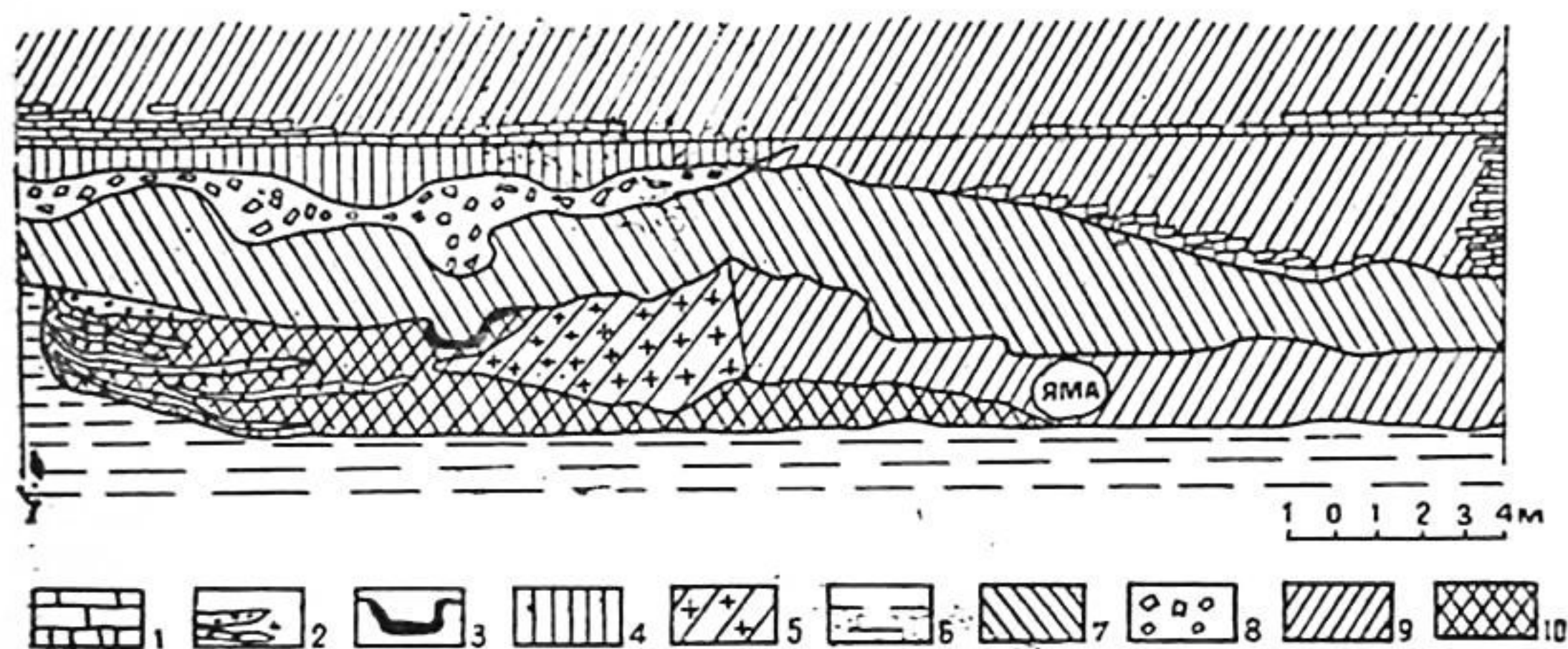

Рис. 14. Шахристан. Стратиграфический разрез (ресторан «Гулистан»):

1—современная кладка; 2—3—угольные и зольные прослойки; 4—наслоения XVIII—XIX вв.; 5—слой XVI в.; 6—материк; 7—слой XVII в.; 8—культурный слой позднего происхождения, содержащий строительный мусор и битую керамику; 9—однородный грунт с небольшим количеством керамики XV—XVI вв.; 10—влажный глинистый слой с керамикой XVI в.

На площади им. Калинина ранее были обнаружены кирпичные сводчатые ходы ⁷⁶. Сопоставление археологических фактов, этнографических сведений и названия гузара «Иски-Джува-янгаб» на плане города 1890 г. дает основание предполагать, что старая ирригационная сеть—«иски джува»—была заменена новой—«янгаб», что и нашло отражение в топонимике.

Шахристан. Возвышенная территория к юго-западу от площади Калинина, ограниченная с севера арыком Жангоб, а с востока, юга и запада соответственно ул. Хамза, Комсомольской площадью и

⁷⁵ М. Е. Массон. Прешлое Ташкента, стр. 110. Этой же точки зрения придерживается и Я. Г. Гулямов.

⁷⁶ Сообщение А. И. Анбоева и Я. Г. Гулямова. Эти «ходы», вероятно, были тозарами или отводами для мельниц.

площадью Октябрьского рынка, отождествлена М. Е. Массоном с шахристаном Бинкета. На площади предполагаемого шахристана Бинкета заложено 6 стратиграфических шурфов и разрезов, 5 из них доведены до размеров небольших раскопов. Ценные стратиграфические и историко-топографические данные к характеристике города IX—XII вв. дало также наблюдение за прокладкой ложа Тахтапульского канализационного коллектора, один из отрезков которого длиной 200 м прошел через холм от Октябрьского рынка до ул. Хамза позади южных трибун стадиона «Спартак», т. е. перерезал предполагаемую территорию шахристана с запада на восток. В трех местах зачисткой обрыва траншей были получены наглядные стратиграфические разрезы 7—9 м шириной. Кроме того, в обрывах траншей расчищено 46 бадрабов и ям, опущенных в свое время в лессовый материк, что дало возможность восстановить в какой-то мере утраченную сейчас свиту слоев на протяжении 220 м.

Современный квартал Гуль-базар приподнят над уровнем рынка на 5—5,5 м. Шурфовкой на юго-западной части выявлены наиболее древние культурные напластования. Залегая непосредственно на лессовом материке, они содержат бытовой вещественный материал середины IX—начала X в. Наибольшей мощности (0,4—0,7 м) слой этого времени достигает в районе к северу от медресе Ходжа-Ахрара (шурф № 1). Полученная из слоя медная монета бинкетского чекана Саманидов 229 г. х. (835—848 гг. н. э.)⁷⁷ в комплексе с прекрасной глазурованной керамикой, украшенной преимущественно надписью строгим куфи по белому фону, служит убедительным датирующим материалом (рис. 15).

Во всех трех шурфах и стратиграфическом разрезе в северной части Гуль-базара довольно полно представлены отложения XI—XII вв., характеризующиеся, кроме керамики этого времени, остатками строений из жженого кирпича размером 32×14,5×5 и 35×18×5,5 см. Керамика двух типов: желтофонная с коричневым орнаментом и покрытая светло- и темно-зеленой глазурью с процарапанным орнаментом⁷⁸.

Слой XI и XII вв. повсеместно перекрыты мощными напластованиями XV—XVI вв. и только в одном шурфе на обрыве холма в юго-западной части квартала удалось зафиксировать отложения конца XIII—XIV в. На всей остальной исследуемой площади находки и слои этого времени отсутствуют, что позволяет предположить резкий спад городской жизни с конца XII в. и отнести начало частичного обживания пустующей территории лишь к концу XIII в.

⁷⁷ Монета определена Г. В. Шишкиной.

⁷⁸ Подробное описание и анализ поливной керамики приводятся ниже.

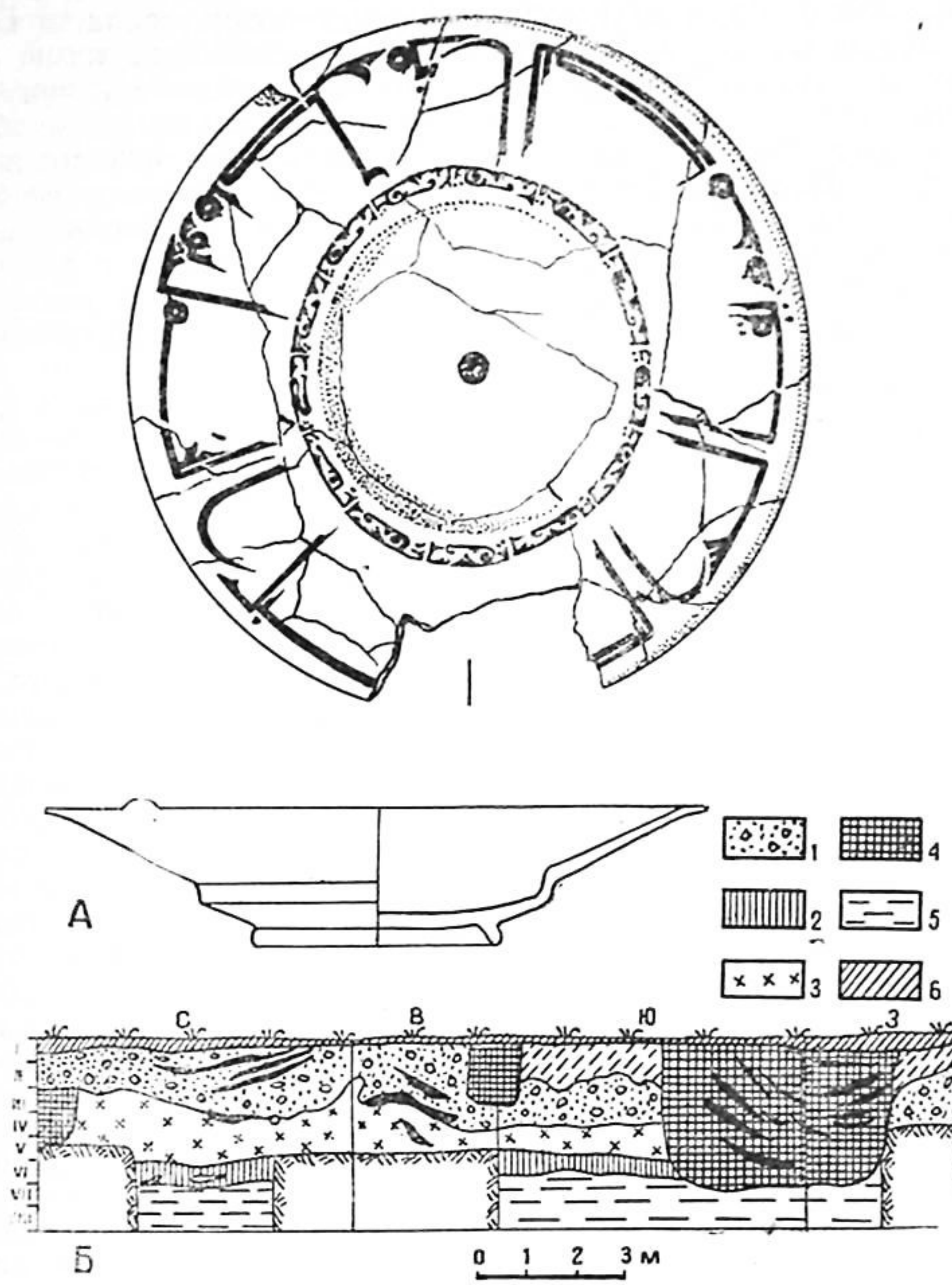

Рис. 15. Шахристан—Гуль-базар. А—блюдо X в. с эпиграфической надписью; Б—стратиграфическая развертка шурфа № 1:

1—перешейные слои позднего происхождения; 2—слой X—XI вв.; 3—слой XII в.; 4—мусорные ямы XIX—XX вв.; 5—материк; 6—дерновый слой.

Переходя к описанию результатов работ на территории в районе стадиона «Спартак» и в упомянутом выше отрезке траншеи коллектора, занятой в прошлом веке мастерскими и хлебопекарнями, следует отметить, что сведения местных жителей о существовании здесь кладбища не соответствуют действительности. Рассказы о якобы образовавшихся здесь провалах, откуда извлекали кости, сами по себе не представляют ценности, тем не менее в них отражены некоторые сведения о характеристике археологических напластований центра старого города. Как показали раскопочные работы, этот район изобилует древними ретирадными и мусорными ямами, на месте которых и образовались провалы; учитывая их, можно представить примерную границу района, насыщенного застройками.

Участок траншеи коллектора, проложенный через этот район, дал весьма ценные сведения для характеристики города IX—XII вв. В процессе наблюдений за земляными работами и специальными раскопками выявлена довольно сложная стратиграфическая картина. В разрезе 1 ряда с южными трибунами «Спартака» зафиксированы на материке слой и три ствола бадрабов X—начала XI в. (рис. 16). На противоположной стороне холма в траншее коллектора (разрез 2) обнаружены остатки строения, возможно, дома, связанного с этими бадрабами. Это был угол помещения довольно богатого, судя по фигурной комбинированной кладке стен из жженого кирпича размером $30 \times 17 \times 4$ и $27 \times 13 \times 3-4$ см, характерного для X—XI вв. Примечательна находка в основании помещения медной литой монеты, по определению Г. В. Шишкиной, конца VIII в. Слоя, синхронного монете, ни на рассматриваемом участке, ни за его пределами пока обнаружить не удалось. В разрезе траншеи расчищены два бадраба на участке, прилегающем к ул. Хамзы; бадрабы содержат керамику сероватой тусклой поливы и с характерным расплывчатым бирюзовым орнаментом. По ближайшим аналогиям с материалом сопредельного с Шашем Илака и других областей ее можно датировать пока временем не раньше самого начала IX в.⁷⁹, хотя И. А. Сухарев близкую по типу керамику Самарканда находил возможным относить к концу VIII в.⁸⁰

Наличие бадрабов свидетельствует о том, что холм, вошедший затем в шахристан Бинкета, частично был обжит уже в первой половине IX в. Говорить о более раннем обживании его пока нет оснований. Более ранний материал, кроме указанной выше монеты, не был

---

⁷⁹ Ю. Ф. Буряков. Археологические материалы по истории Тункета и Абрлыга. Материалы по истории Узбекистана, Ташкент, 1966, стр. 137.

⁸⁰ И. А. Сухарев. Ранняя поливная керамика Самарканда, Труды УзГУ, Новая серия, XI, вып. 2, Самарканд, 1940, стр. 15.

встречен на этой территории даже в переотложенном состоянии.

Присутствие культурного слоя X—XI вв., залегавшего на материке, ощущается на всем протяжении 200-метрового отрезка траншеи коллектора. Выявляются остатки стен, вымосток в сопровождении инвентаря. В одном месте расчищена значительная часть двора или помещения, вымощенного жженым кирпичом, по сопровождающему материалу относящаяся ко времени не ранее XI в.

Мощность культурного слоя достигает 1,5 м. В разрезе 4 выявлены конструктивные остатки из жженого кирпича двух периодов строительства. Причем стены из нижнего культурного слоя, который можно отнести по материалу к концу X — началу XI в., сложены из кирпича размером 29—32×17×4—5 см. В XI—XII вв., в период, к которому можно отнести вышележащий слой с несколько отличным материалом, в строительстве стал употребляться и другой формат кирпича—27×13×3—4 см. Наряду с первым он обнаружен в кладке стен двух комнат, частично выявленных в этом верхнем слое. Сочетание этих двух форматов

встречено и в кладке хозяйственных ящиков в разрезе 3, в слое XI—первой половины XII в. Во всех указанных разрезах нижние слои без какой-либо стратиграфической границы переходят в напластования второй половины XII в. Небольшое

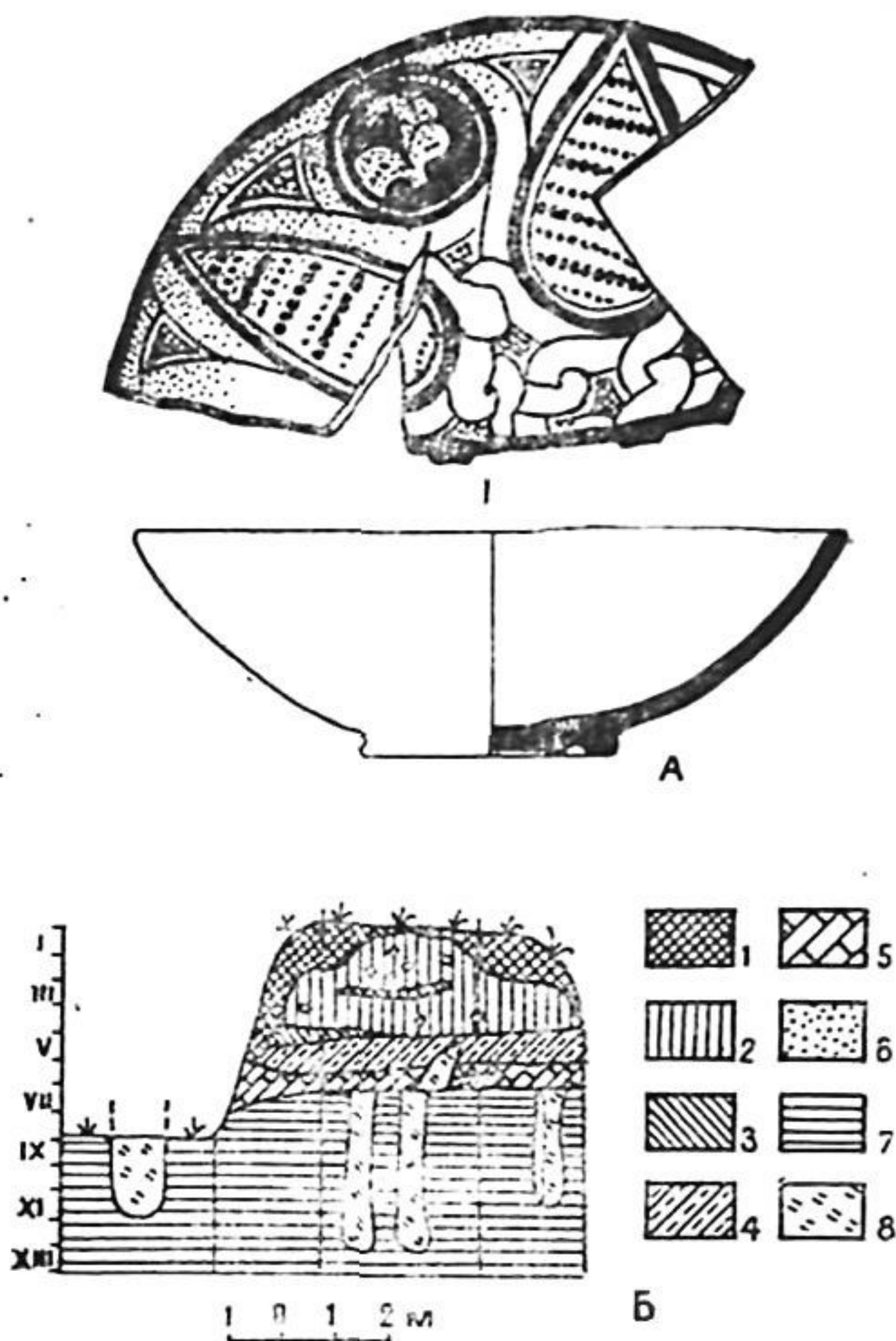

Рис. 16. Шахристан. А—блюдо X—XI вв.; Б—разрез 1 по котловану на стадионе „Спартак“: 1—современные отложения; 2—слой XV—XVI вв.; 3—песчаная прослойка; 4—слой XII в.; 5—слой X—XI вв.; 6—прослойка мелкой гальки; 7—материк; 8—бадрабы X—XI вв.

скопление материала XII в. при значительной мощности сильно гумусированного слоя того же времени зафиксировано на восточной окраине холма. При зачистке здесь были обнаружены также отходы керамического производства XII в. вблизи сильно обожженного пятна, возможно, места обжигательной печи.

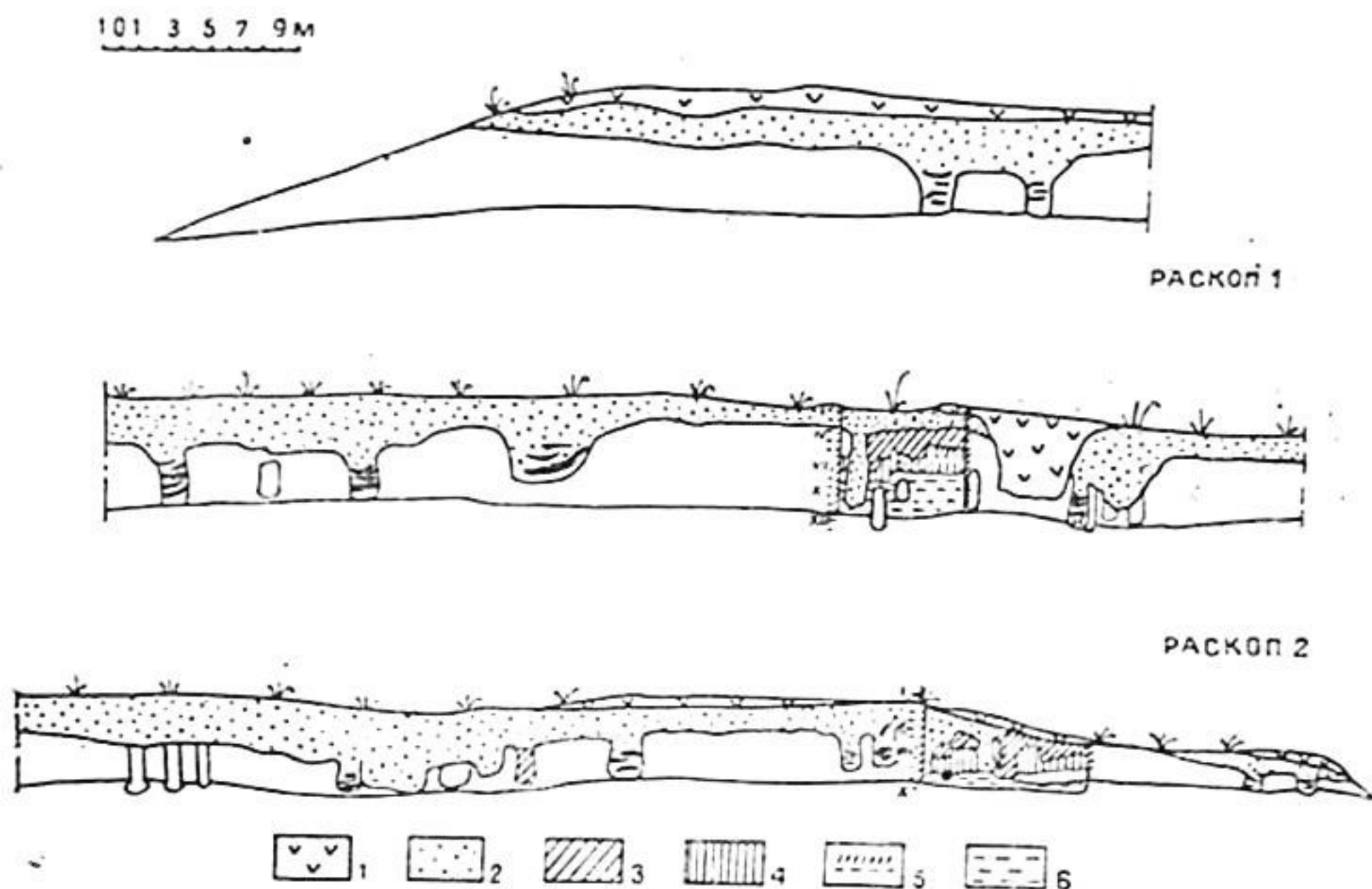

Рис. 17. Шахристан. Общий вид разреза на котловане (стадион „Спартак“):

1—современная мусорная свалка; 2—слой и бадрабы с керамикой XV—XVI вв.; 3—культурный слой XI—XII вв.; 4—культурный слой IX—X вв.; 5—кирпичная кладка; 6—материк.

Стратиграфическую картину последовательности обживания района, по которому проходит траншея, в какой-то мере дополняет расчистка бадрабов и мусорных ям, стволы которых сохранились в лессовых обрывах траншеи (рис. 17). Из 46 обнажившихся в срезе бадрабов 23 относятся к X—XI вв., два к IX в., три—к XII в., пять—к XV в., один—к XVI в., а остальные—к более позднему периоду. Отсюда видно, что наибольшая интенсивность обживания восточного холма шахристана приходится на X—XI вв. Примечательно расположение синхронных или близких по времени колодцев группами по два или три почти на равном расстоянии, фиксирующее, по видимому, границы дворов и хозяйств и свидетельствующие о большой скученности жилой застройки этой территории в X—XI вв. Кроме керамического материала, из бадрабов извлечено большое количество стек-

лянных изделий и металлических поделок. Весь комплекс предметов позволяет судить о разнообразии ремесел и уровне материальной культуры жителей города X—XI вв. На участке траншеи стратиграфически не выявляются XIII—XIV вв. Во всех разрезах и зачистках культурный слой XII в. перекрыт отложениями XV в. и прорезан синхронными бадрабами.

Полученные в районе стадиона «Спартак» археологические данные, так же как и материалы из квартала Гуль-базар, дают основание говорить о спорадическом обживании этих территорий с начала IX в. В X—XII вв. здесь располагался, несомненно, город, густо заселенный ремесленный центр. Мощностъ культурного слоя, характер вещества материала, в котором преобладает высокохудожественная и, видимо, дорогостоящая поливная керамика, как и возвышенное топографическое расположение, вполне подтверждают отождествление этой территории с шахристаном Бинкета в границах, обозначенных М. Е. Массоном. Примечательно, что в другом отрезке траншеи коллектора, идущем от ул. Хамзы к Лабзаку, полностью отсутствуют не только бадрабы интересующего нас времени, но и случайные находки. Судя по археологическим данным, городская жизнь на территории шахристана идет на спад с конца XII в.

Рабады Бинкета. При археологическом обследовании четырех даха Ташкента в пределах города XIX в. ставилась задача определить по границам распространения культурных напластований IX—XII вв.⁸¹ направление и протяженность рабадов Бинкета. Без производства специальных археологических работ выполнить эту задачу весьма трудно, поскольку остатки рабадов прочно сnivelированы и перекрыты городской застройкой многих веков. Шурфовкой были затронуты полностью Кукчинская, Сибзарская, Бешагачская и Шейхантаурская даха.

В Кукчинской даха было заложено 29 шурфов, в том числе 13— в квартале Калля-хана, примыкающем с запада к Октябрьскому рынку. В большинстве шурфов непосредственно на лессовом материке залегал слой мощностъ до 1,5 м, с материалом X—XI вв. Слой этот отмечается повсеместно на территории квартала и с некоторым уменьшением мощностъ распространяется до арыка Пада-хана. За улицей Лянгар на запад вплоть до Кукчинских ворот выявлено спорадическое залегание культурных остатков X—XI вв. Часто материал этого времени встречается лишь в смеси с керамикой последующих веков.

У южного склона Калля-ханы на месте недавно функционировавшей мечети Махкама в двух шурфах зафиксировано древнее русло

---

⁸¹ Описание материалов, характеризующих рабады Бинкета X—XII вв., распределено по районам даха XIX в.

сбросного арыка по направлению, совпадающему с арыком Регистан, пересекавшим базарную площадь и впадающим в арык Жангоб. На дне обнаруженного русла было сосредоточено большое количество вещественного материала (в основном керамики), указывающего на время его деятельности. Предметы сильно окатаны током воды. В керамическом материале преобладают фрагменты, типологически близкие керамике Афраснаба, Хорезма, Пайкенда X—XI вв.⁸², а также ранее встреченной при наблюдениях на Ташкентском канале⁸³. Встречено также несколько фрагментов чаш более раннего типа, сероватой поливы с расплывчатым бирюзовым орнаментом. Примечательны многочисленные находки симобкузача разных размеров.

Кроме этого материала, на песчаном дне арыка в изобилии встречены куски керамических шлаков, бракованная гончарная продукция, куски оплавленных стенок печей, сепая, а также стеклянные изделия. Все признаки указывают на то, что арык проходил через квартал, жители которого занимались ремеслами: гончарством и, возможно, стеклоделанием. Арык, функционировавший в X в., вскоре был заброшен, а ложе его превращено в место свалки отходов производства и хозяйственного мусора. Русло, видимо, отходило от канала Калькауз и было перенесено в другое место в связи с изменением режима питающего водотока. Примечательно, что в XIX в. в квартале опять был проложен арык Регистан, также берущий начало от Калькауза. Видимо, на протяжении многовековой истории Ташкента не раз колебался режим питающих город протоков, что отражалось на состоянии сети городских арыков.

В глубине квартала Калля-хана тремя шурфами выявлено древнее кладбище с погребениями в ляхатах. Оно датируется небольшим чистым комплексом керамики X в. в сопровождении так называемого «черного» дирхема, скорее всего «мусейяби»⁸⁴. Все погребения одного типа. По предварительному заключению антрополога В. Я. Зезенковой, характерной особенностью краниологического материала является ярко выраженная долихоцефалия. Констатируется наличие двух типов: близкий к древнему средиземноморскому типу и к типу среднеазиатского междуречья⁸⁵.

⁸² Ш. С. Ташходжаев. Художественная поливная керамика Самарканда IX—начала XIII в., Ташкент, 1967, стр. 97, рис. 72; Н. Н. Вактурская. Классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.), ТХАЭЭ, т. IV, М., 1957, стр. 291, 295; А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины, Алма-Ата, 1941, стр. 46, 52.

⁸³ А. И. Тереножкин. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале, «Известия УзФАН СССР», 1940, № 9, стр. 31.

⁸⁴ М. Е. Массон. К вопросу о «черных» дирхемах мусейяби, ТИИА АН УзССР, вып. 7, Ташкент, 1955, стр. 179.

⁸⁵ Определение сделано В. Я. Зезенковой по 5 черепам.

У подножия холма, занятого кладбищем, обнаружены остатки кирпичеобжигательной мастерской. Найдены отходы продукции, следы печей, конструкцию которых определить невозможно из-за плохой сохранности. По сопровождающему керамическому материалу и формату кирпичей (30—32×17×3,9 см) деятельность мастерской можно отнести к концу X—началу XI в.

В квартале Калля-хана получены ценные данные, проливающие свет на некоторые вопросы историко-топографического порядка; в результате шурфовки установлена несомненная ремесленная направленность застройки квартала Калля-хана в X—XI вв. Следует отметить, что и сплошной культурный слой этого времени, идущий до арыка Пада-хана, содержит в себе большой процент отходов керамического ремесла. Есть основания считать, что скученность жилых и производственных построек в то время не уступала современной и лишь изредка встречались отдельные дома, видимо, зажиточных горожан с большими дворцами или садом. Остатки одного такого подворья выявлены в северо-западной части квартала на территории школы № 1. Характерной городской топографии X—XI вв. являлось расположение кладбищ внутри жилых кварталов (то же отмечается на Афрасиабе). В то время кладбища не выносились за пределы городских стен. Для XII в. стратиграфические данные фиксируют спорадическое обживание территорий к западу от шахристана. Весьма показательное отсутствие слоя и материала XIII—XIV вв.; наслоения предшествующего периода перекрыты напластованиями XV—XVI либо XIX в.

Как уже указывалось, к западу от арыка Пада-хана, который служит своеобразной границей густо застроенной ремесленной части города X—XII вв., отмечены отдельные островки с культурными остатками этого времени. Такой наиболее отдаленный очаг выявлен в районе Кукчинских ворот (тупик Ранний, холм Ак-тепе). Ранее при разрушении холма Ак-тепе были обнаружены блюда и другая посуда зеленой поливы с процарапанным орнаментом⁸⁶. Работы, проведенные на бугре, вплотную примыкающем к городской стене XIX в., добавили к ним новый материал X—XI вв. Кроме того, в нижних слоях бугра обнаружены предметы, которые можно отнести к периоду раннего средневековья. По рассказам местных жителей, здесь и раньше при разработке бугра находили столь древние вещи. Примечательно описание глиняного ящика с костями и лепными изображениями на стенках. Речь идет, несомненно, о находке оссуария. Возможно, остатки бугра принадлежали поселению, сложившемуся еще в раннем средневековье и продолжавшему свое существование в X—XI вв.

⁸⁶ Находки хранятся в фондах Музея истории АН УзССР.

В Кукчинской же части города находится Чигатайское кладбище⁸⁷, расположенное на большом бугре, возвышающемся над окру-

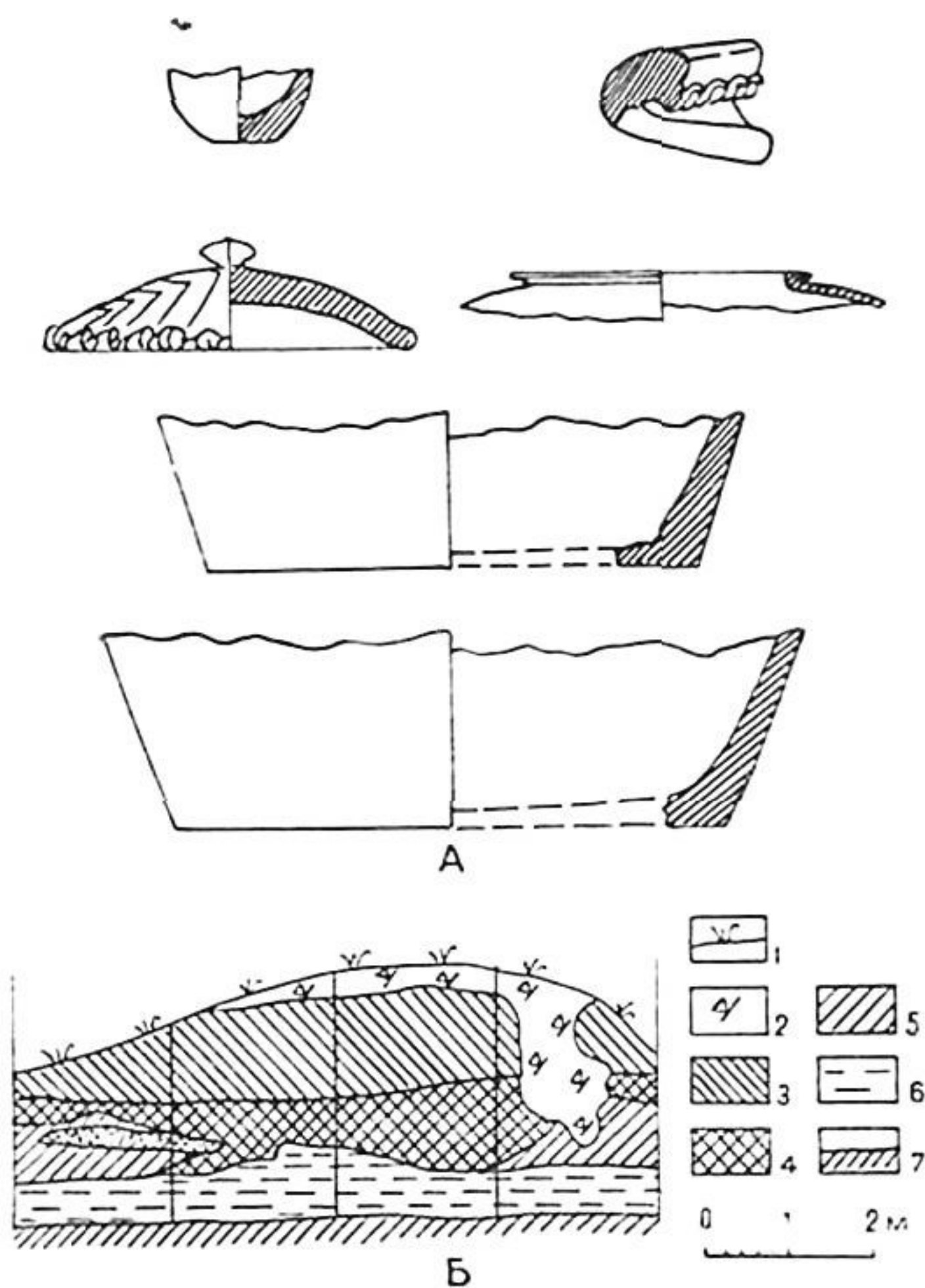

Рис. 18. Рабад—Кукча, Чигатай. А—керамика; Б—раз-
вертка шурфа № 3:

1—дерновый слой; 2—современный мусор; 3—перемешанный слой;
4—слой X—XI вв.; 5—рыхлая светлая земля с золой и фрагментами
керамических шлаков; 6—материк; 7—дно шурфа.

жающей местностью на 4—5 м. С востока и севера часть тепе сплани-
рована при прокладке улицы. На возвышенной части кладбища было

⁸⁷ О кладбище упоминает и Н. Г. Маллицкий при перечислении махалля и
тауза (Н. Г. Маллицкий. Указ. соч., стр. 118).

заложено 4 шурфа, давших обильный керамический материал VIII—XI вв. (рис.18). В двух шурфах встречены следы керамического производства X—XI вв.—шлаки, бракованные изделия. Среди подъемного материала преобладали симобкузача. Таким образом, можно предположить, что за пределами городской стены у Чигатайских ворот располагалось селение, специализировавшееся в X—XI вв. на товарном производстве симобкузача. Такие специализированные ремесленные поселения находились и у других ворот города на главных торговых путях.

В основе Хиабан-тепе, выходящего одной стороной на ул. Выставочную, также лежит естественный лессовый холм. Наиболее интересные наблюдения сделаны на ул. Кокташ, прорезающей тепе. В одном из шурфов, близ мазара Саид Джалыла, бывшего по преданию арабским послом в Шаше, обнаружена часть ложа древнего канала. Сам канал виден в срезе, выходящем на улицу; ширина его около 5 м. Здесь же в шурфе обнаружен слой отвалов, образовавшихся при чистке канала и содержащих большое количество фрагментов керамики X в., окатанных водой. Слой перекрыт отложениями с материалом X—XI вв., мощностью 1,5—2 м. Судя по ширине канала, это был значительный проток, питавший водой кварталы Хиабана, по-видимому, уже с конца IX в. Предполагать начало слабого обживания этих территорий с IX в. дают основание находки керамики в шурфах. Великолепен был комплекс IX в. из бадраба, обнаруженного в западном срезе холма на Выставочной улице. Выделяется большое блюдо с ломанным профилем. Его орнаментация предельно скупа, но очень выразительна. Блюдо покрыто прозрачной глазурью без ангоба, что дало серовато-желтый общий фон, на котором ассиметрично по отношению к плоскости блюда расположен зеленый ромб в черном контуре. Форма блюда, уверенность композиции и рисунка—свидетельство высокого мастерства и индивидуального почерка ташкентских керамистов уже и в эту пору. Фрагменты неполивной керамики, сопутствующие блюду, дают комплекс форм, характерных для ранне-средневековой керамики Шаша. Примечательно почти полное отсутствие на территории Хиабана слоев и материала XII в.

Шурфы, заложенные по ул. Кок-Су и Азад, также выявили мощный слой X—XI вв. и гораздо меньшие прослойки XII в. Таким образом, они подтвердили существование сплошной и довольно тесной застройки X—XI вв. от шахристана Бинкета в северо-западном направлении вплоть до арыка Калькауз, т. е. на большей территории, чем в западном направлении, где своеобразной границей этой застройки служит арык Пада-хана. Обживавшиеся с IX в., эти территории составили затем в X—XI вв. основное ремесленное предместье Бинкета. Они орошались главными протоками и, как показали стра-

тиграфические исследования, это были основные направления, на которых разрастался рабад. Вспомним замечание Ибн Хаукаля, описывающего Бинкет, о том, что все каналы протекали через шахристан и рабад⁸⁸.

Возможно, где-то вдоль арыка Пада-хана, а затем Калькауз проходила и стена внутреннего рабада, о котором сообщает Ибн Хаукаль как о расположенном рядом с шахристаном.

Исследования на территории Сибзарской даха дают основания предполагать, что ремесленный рабад разрастался главным образом в северном и северо-западном направлениях. На участке ансамбля мусульманских культовых сооружений Хазрет-имам обнаружены два идущие параллельно русла арыков, заброшенных в конце XI в. На их берегах открыты отвалы гончарного и кирпичеобжигательного ремесла. Отходы этих производств извлечены из русел арыков. Характерным датирующим материалом является керамика X—XI вв.⁸⁹

Таким образом, открытие древней ирригационной сети в Кукчинской и Сибзарской даха в сопровождении отходов ремесел по берегам арыков позволяет располагать здесь основную территорию рабадов, через которые, согласно Ибн Хаукалю, как и через шахристан, проходили все каналы.

Археологические исследования по ул. Харакат, Сагбан, проезду Янгиш и прилегающим к ним махалля имели целью уточнение территории внешнего рабада и границы стены XIX в. Как и следовало ожидать, рельеф местности в связи с перепланировками и плотной застройкой сильно изменился. Культурные наслоения или перемешаны или вовсе уничтожены. От северных городских стен XIX в., которые фиксировались в 1899 г., ничего не осталось⁹⁰.

Тем не менее в итоге исследований было установлено, что северная граница внешнего рабада города X—XI вв., видимо, проходила по арыку Калькауз. На левобережье культурные слои дают керамический материал X—XI вв. почти во всех заложенных здесь шурфах. Правый берег обжит значительно меньше; слой X—XI вв. встречен лишь в одном из шурфов, а в другом зафиксирован материал XV в. Наличие погребенного культурно-ирригационного слоя этого времени свидетельствует о том, что территория была занята садами и огородами с вкраплениями редких усадеб и небольших поселений. Известно, что за стеной внутреннего рабада X—XI вв. располагалось поселение, откуда был родом богослов Мухаммед Абу Бекр Каффаль-Шаши, который

⁸⁸ Абул Касым ибн Хаукаль. Пути и страны, Труды САГУ им. В. И. Ленина, Археология Средней Азии, IV, вып. CXI, Ташкент, 1957, стр. 33.

⁸⁹ Наблюдения Л. Л. Ртвеладзе за земляными работами на строительстве школы.

⁹⁰ Н. Г. Маллицкий. Указ. соч., стр. 110.

умер в 976 г. и был похоронен здесь же. Остатки поселения в виде возвышенности сохранились под кладбищем XV—XVI вв., сосредоточенным возле мавзолея Каффаль-Шаши XVI в. Шурфы, заложенные на этой сильно деформированной местности, дали материал X—XI вв.

В X—XI вв. северная часть внутреннего рабада, видимо, носила торгово-ремесленный характер, что подтверждают найденные при раскопках остатки гончарного и кузнечного промыслов.

Стратиграфические исследования в северной части даха также выявили район сплошной застройки X—XII вв., примыкавшей к Регистану. Шурфы были заложены на остатках некогда больших тепе Шахнишин и Хиабан. В основе Шахнишин-тепе лежит естественный холм, с севера обрывающийся к арыку Калькауз; здесь сохранилась до сих пор наиболее возвышенная часть тепе. Небольшой останец пятиметровой высоты с каждым годом все больше уничтожается подступившей вплотную городской застройкой, давно уже поглотившей шлейф тепе. С юга и востока тепе ограничивалось арыком Кукча, а с запада смыкалось с другим тепе — Хиабан, которое вплотную подходит к Калля-хане. В таких границах был обнаружен на этой территории культурный слой X—XI вв. Повсеместно он обнаружен на материке. Только на пятиметровом останце тепе Шахнишин на материке в переложном виде залегал материал VII—VIII вв. Это были неполивные чираги в виде плоских без ручек, кружки, по форме сходные с предметами из раскопок Ак-тепе⁹¹ и других раннесредневековых памятников.

Очевидно, прежде чем эта территория была поглощена городской застройкой X—XI вв., здесь над арыком Калькауз стоял диканский замок, каких много отмечено особенно в северных окрестностях Ташкента. Во всех восьми шурфах, заложенных на Шахнишин-тепе, наибольшей мощностью отличается культурный слой X—XI вв. (до 1,5—2 м). Встреченные в нем гончарный брак и предметы печного припаса указывают на наличие гончарной мастерской. Материалы IX в. незначительны и свидетельствуют о спорадическом обживании отдельных участков холма (рис. 19).

В стратиграфии Шахнишин-тепе, как на шахристане Бинкета, и в южной части Кукчинской даха слабо представлен материал XII в. Небольшие местами встреченные скопления материалов этого времени перекрыты непосредственно напластованиями XIX—XX вв.

На севере даха, как и в западной ее части, отмечены очаги с культурными наслоениями X—XI вв., разделенные пространством, лишенным такого слоя. Один из них был под Чигатайским кладбищем. Видимо, об этом поселении идет речь у Н. С. Лыкошина, судя по приведенному описанию обнаруженных им предметов и кирпичной вымостки⁹².

⁹² Н. С. Лыкошин. Указ. соч., стр. 25, 29.

Западнее исследованы остатки небольшого поселения Курган-тепе, в основании которого также зафиксирован материал X—XI вв.

Стратиграфическое обследование территории к востоку от шахристана Бинкета в Шейхантаурской даха не выявило слоя X—XI вв. На узкой полосе (до 50 м) вдоль восточного обрывистого фаса шахристана встречены лишь единичные фрагменты керамики того времени. Наиболее четко этот факт выявлен в участке траншеи коллектора между ул. Хамза и Лабзак. Самые ранние слои в ее обрезах и бадрабы заполнены лишь материалом XV в. Наблюдения за срезами в многочислен-

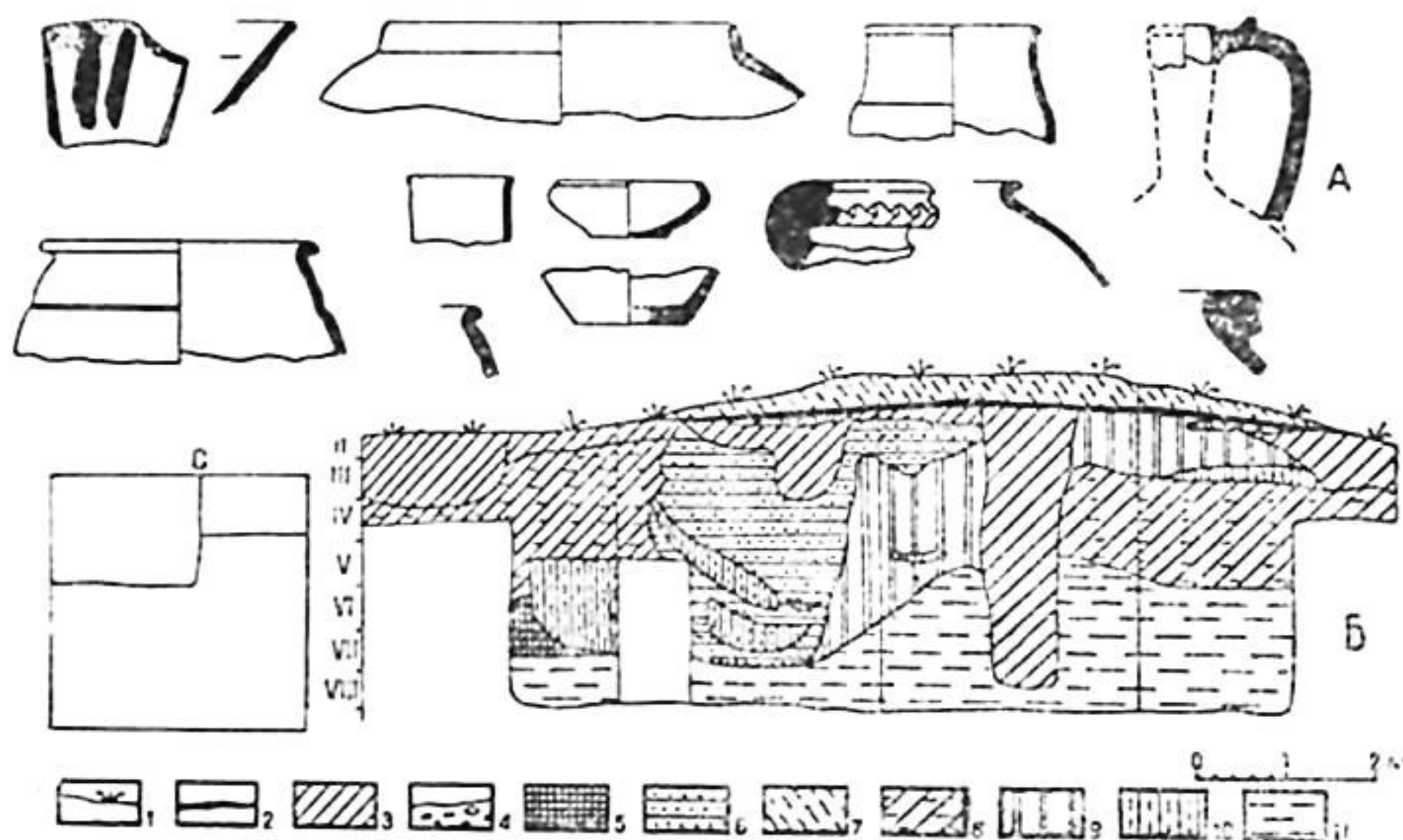

Рис. 19. Рабад—Сибзар, Шахнишин-тепе. А—керамика IX в; Б—развертка шурфа № 1;

1—дерновый слой; 2—угольнозолевые прослойки; 3—рыхлая земля с поздним материалом; 4—прослойки песка с мелкой галькой; 5—слой с керамикой IX—X вв.; 6—песок; 7—современные отложения; 8—слой XVII—XIX вв.; 9—слой с керамикой XII в.; 10—бадраб; 11—материк.

ных траншеях и котлованах кварталов Ц=13 и Ц=14, района панорамного кинотеатра (котлован гостиницы) и ул. Навои до канала Анхор показали, что обживание этих районов началось довольно поздно. Культурные наслоения мощностью 0,5—1 м составлены материалами в основном XVII—XVIII вв. и лежат на материковом лессе. Случайные фрагменты X—XII вв. найдены не в слое и не в бадрабах и могут свидетельствовать лишь косвенно о спорадическом появлении здесь отдельных усадеб той эпохи. Дополнительные исследования в районе Шейхантаурского некрополя дали ту же картину довольно позднего

обживания района. Материалы XV—XVI вв., встреченные в шурфах и траншеях возле мавзолеев Юнус-хана, Шейхантаура, Калдыргач-бия, свидетельствуют об освоении этой территории только в связи с деятельностью некрополя⁹³. Некрополь, неприкосновенность земель которого охранялась вакфом, и сейчас еще выделяется как слабо выраженный холм; окружающая же его местность подвергалась эрозии в связи с перепланировками и пахотой с XV в. Территория Шейхантаурской даха орошалась каналом, берущим свое начало в Анхоре. Водораздел этого канала хорошо прослеживался в рельефе до его застройки (кварталы Ц=13 и Ц=14). Ложе канала шириной до 5 м хорошо читается в вертикальном обресте холма у площади Ходра.

Есть основания предположить, что ремесленный пригород Бинкета не распространялся в восточном направлении. Видимо, стена внутреннего рабада с десятью воротами, о которой упоминают арабские географы, на юге и севере смыкалась с восточной стеной шахристана.

При стратиграфических работах в Бешагачской части также удалось уточнить границу территории, предположительно занятой рабадом Бинкета. М. Е. Массон примерно наметил ее по сбросному арыку Чукур-купрюк, пересекающему эту часть с востока на запад. Шурфовкой этого района установлено, что провести границу рабада можно по другому арыку—Танышахар, проходившему еще в прошлом веке несколько севернее Чукур-купрюка в том же направлении. Сейчас там остался небольшой арык Тегерман. Во всех шурфах, заложенных на его северном берегу вплоть до арыка Чорсу, отмечен керамический материал X—XI вв. Повсеместно, кроме бугра со строительной площадкой ГУМа, он обнаружен в смеси с керамикой XV и XIX вв. в силу нарушения первоначальной стратиграфии поздней застройкой. Тем не менее присутствие этого материала настолько ощутимо, что не вызывает сомнений в существовании здесь слоя X—XI вв. (рис. 20). На территории бугра (к югу от шахристана) со стройплощадкой ГУМа расчищено несколько бадрабов этого времени. Разрезы по стенкам котлованов дали довольно сложную картину: переотложенные культурные слои до глубины 2—3 м дают керамику XIV—XVI вв. Более ранние этапы жизни холма фиксируются только бадрабами X—XII вв., так как слой этого времени был уничтожен последующими обживаниями. В полученном керамическом материале присутствуют фрагменты керамики XII в., причем процент их содержания снижается по мере приближения к южной границе распространения материальных остатков X—XI вв., т. е. к арыку Танышахар. Наибольшее скопление их отмечено на упомянутом выше бугре и на территории кладбища Ак-

⁹³ Детальное обследование некрополя проводилось кафедрой археологии САГУ в 1941—1945 гг.

бобо. Таким образом, здесь отмечается та же закономерность к сокращению обжитой территории в XII в. Юго-западную границу этой территории грубо можно провести по ул. Фуркат.

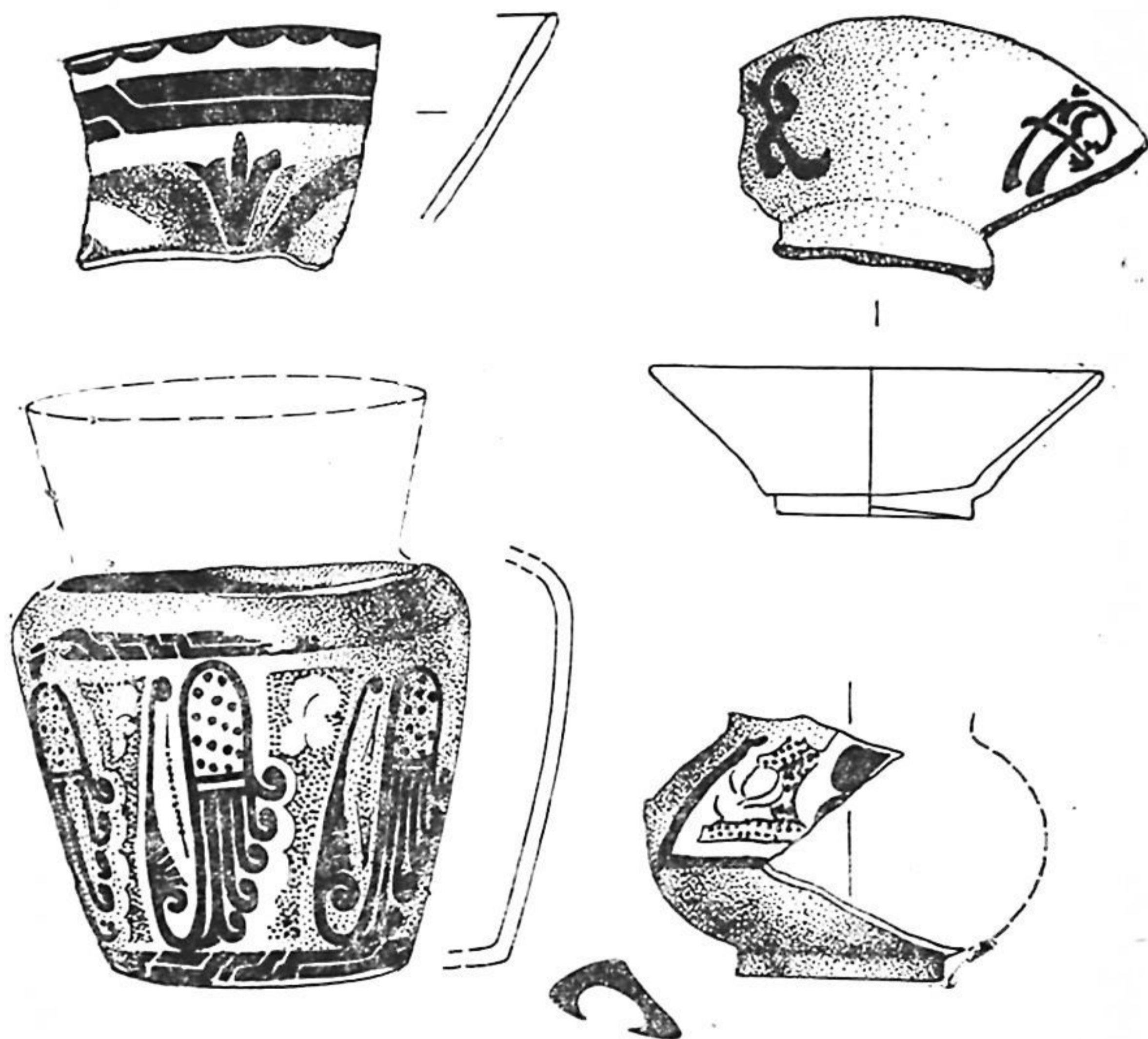

Рис. 20. Рабад—Бешагач. Керамика X в. из котлована на Чорсу.

В районе Камеланских ворот под участком городской стены и кладбищем XIX в. Аламбердар обнаружены культурные слои остатков поселения. Среди местного населения сохранилось предание о существовании здесь Ак-курган-тепе. Семью шурфами на участке около 400 м в поперечнике был отмечен слой и материал X—XI в. (рис. 21). На кладбище остатки культурного слоя обнаружены непосредственно

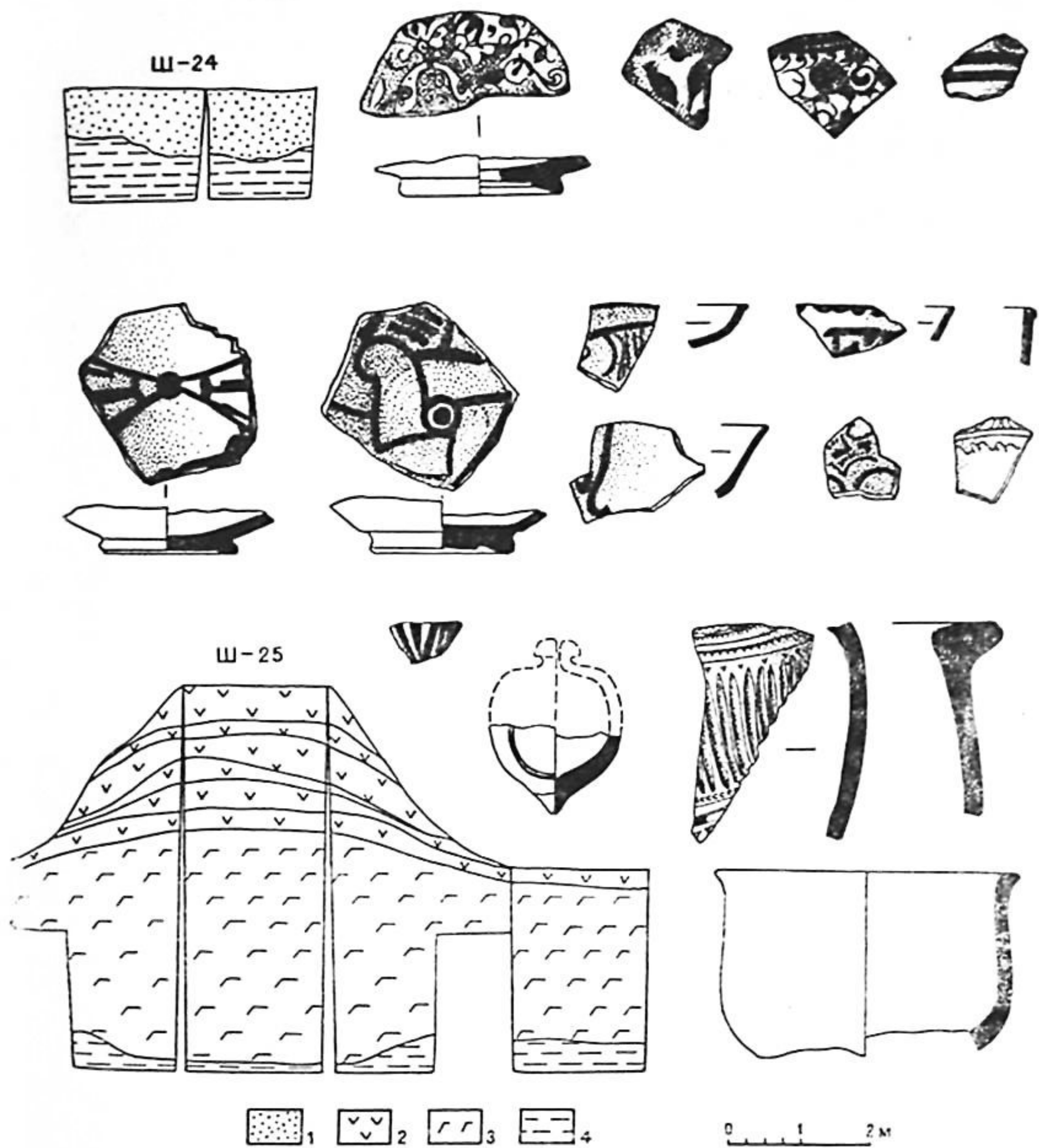

Рис. 21. Рабад—Бешагач. Шурфы № 24 и 25. Керамика и развертка:
 1—смешанный слой с керамикой XV—XVI вв.; 2—слой с керамикой X—XI вв.; 3—кладбище XIX в.
 4—материк.

под мавзолеем XIX в. и под слоем могил того же времени на глубине 2,5 м. Культурные отложения — жилого и производственного характера. Следы кирпичной вымостки (размер кирпича 26—27×13×13,5×4 см) и мусорная яма, заполненная фрагментами бытовой керамики, обломками тандыра, золой и кусками керамических шлаков обнаружены на материковом лессе. Здание мавзолея возведено над могилой якобы похороненного здесь Ходжи Аламбердар-бобо. По преданию, он был сподвижником Мухаммеда Каффаль-Шаши, одного из первых распространителей ислама в Шаше в X в.⁹⁴ Стратиграфическое исследование показало, что представление о каком-либо захоронении X в. на месте мавзолея XIX в. не соответствует действительности. Культ Аламбердара сложился, видимо, сравнительно недавно и распространился незадолго до постройки мавзолея. В X—XI вв. здесь, несомненно, существовало отдельное поселение, возможно, с ремесленной направленностью занятий жителей. Отдельные поселения такого же характера располагались и дальше к юго-востоку вдоль торговой дороги.

Археологическими исследованиями в Кукчинской, Сибзарской, Бешагачской и Шейхантаурской даха, кроме уточнения границ внутреннего рабада города X—XI вв., удалось выявить ряд отдельно стоящих кварталов и поселений. Наиболее густо расположенная к западу и северо-западу их часть составляла, видимо, основную территорию внешнего рабада Бинкета, обнесенного отдельной стеной с семью воротами⁹⁵. Эти кварталы и поселения придавали Бинкету впечатление обширности, сложившееся у всех описывавших город географов X в. Они подчеркивали обилие садов и виноградников около отдельно стоящих домов⁹⁶.

Тем не менее, судя по археологическим данным, указанные географами X в. размеры Бинкета на фарсах, явно преувеличены. Результатами наших работ в районе большинства ворот западного и южного отрезка городской стены Ташкента XIX в. установлено наличие культурных слоев IX—XI вв., принадлежавших, видимо, большим и малым селениям, окружавшим этот город (рис. 22). Многие из этих селений в своих слоях содержали остатки различных производств: железодельного, гончарного и других, свидетельствовавших о назначении их как ремесленных и торговых факторий на путях к Бинкету. Расположение этих селений у ворот города XIX в. указывает на примерное совпадение артерий, ведущих из ворот Бинкета, с улицами

⁹⁴ Д. И. Эварницкий. Путеводитель по Средней Азии от Баку до Ташкента, Ташкент, 1893, стр. 196, 197; В. И. Массальский. Туркестанский край, т. XIX, СПб., 1913, стр. 618.

⁹⁵ Абул Касым ибн Хаукаль. Указ. соч., стр. 23.

⁹⁶ Л. З. Писаревский. Извлечение из Абу-Абдаллаха Мухаммеда ибн Абу-Бекра ал-Мукаддаси, Рукописный фонд ООН АН КиргССР, инв. № 1820, стр. 37—38.

Второй шурф (2×2×4,5 м) дал культурный слой IX—X вв., перекрытый могилами кладбища, которое, видимо, примыкало изнутри непосредственно к городской стене XIX в. Стена не сохранилась, но трассу ее показывает участок ул. Парашютной, извивающейся вдоль протока Калькауз, который служил, видимо, крепостным рвом.

Таким образом, тепе в районе Тахтапульских ворот, названное условно, как и кладбище, Ках-ата, содержит остатки одного из поселений, располагавшихся на трассе, ведущей к основному торговому пути в Семиречье.

При внешнем обследовании окрестностей г. Бинкета нами не было обнаружено каких-либо синхронных городу культурных остатков за воротами XIX в. Лабзак, что объясняется особенно сильной перепланировкой этой местности при постройке европейской части города. Кладбище, и ныне существующее за Лабзакскими воротами (Янги Минор), расположено на возвышенности, которая, однако, как выяснилось при заложении здесь шурфов⁹⁷, носит естественный характер. И тем не менее древнее поселение существовало и за этими воротами. Севернее кладбища на левом берегу Бозсу выше вододелителя Анхор — Калькауз еще 40 лет назад существовало безымянное тепе, отмеченное Э. М. Воронцом и Д. Д. Букиничем. Последним в 1928 г., когда тепе начало интенсивно уничтожаться построенными здесь кирпичными заводами, было налажено наблюдение и поставлены небольшие зачистки. Деятельность заводов привела к тому, что сейчас не только не осталось следов тепе, но и съедены все лессовые возвышения на площади заводов, так что Бозсу, некогда имевший здесь каньон до 15 м глубиной, течет сейчас на поверхности, если смотреть по левому берегу. Заводы отсюда перенесены, а на образовавшейся низине разбит сквер. Судя по описанию Д. Д. Букинича, тепе представляло собой бугор с пониженным шлейфом⁹⁸.

Бугор скрывал остатки усадьбы феодала, как можно судить по богатому инвентарю, полученному отсюда: сосудам и блюдам с прекрасным рисунком и глазурью, стеклянным изделиям и резным поделкам из кости. На шлейфе открыты жилища, гончарная печь и шлаки от стеклодувных мастерских, расчищен бадраб. По комплексу материала и кладу монет из бадраба, среди которого М. Е. Массоном выделены монеты первых Илеков, существование усадьбы и поселения было отнесено к XI—XII вв. н. э. Д. Д. Букинич отмечил и наличие нижнего культурного слоя, отделенного от верхнего болотными натеками или линзами наносной гальки и песка. Но, как видно из описания, дати-

⁹⁷ Шурфование проведено Л. Л. Ртвеладзе.

⁹⁸ Д. Д. Букинич. Новые данные для истории канала Боз-су, СОНАТ, 1937, № 6, стр. 67—72.

ровка его восходит к тому же времени. Был ли на этом поселении культурный слой более раннего времени, можно судить по иллюстрациям к статье Д. Д. Букиннича, где изображено блюдо в черно-белой гамме с растительным орнаментом, принадлежащее, без сомнения, керамике X в., а также указание на краснолощенные фрагменты посуды, изготовлявшейся в Бинкете в IX—X вв.

Таким образом, можно предполагать, что безымянное тепе у вододелителя Анхор—Калькауз скрывает остатки поселения на трассе из ворот Бинкета, стоявших примерно на одной линии с позднейшими Лабзакскими воротами. Кроме поселения с ремесленным производством здесь была усадьба феодала, возможно, контролировавшего разбор воды у делителя.

К той же цепи поселений относится тепе у первого моста через Бозсу, близ вновь построенного виадука на Чимкентском тракте. Собственно, само поселение полностью спланировано, высится лишь бугор замка высотой до 6 м, со всех сторон окруженный подступившей к нему жилой застройкой.

Стратиграфический шурф выявил в основе бугра массивные стены из прямоугольного сырцового кирпича крупного формата. Помещение между стенами было заполнено рыхлым завалом без керамики. Лишь на полу встречен неполивной горшок с бараньими костями и один фрагмент блюда с зеленовато-голубым расплывчатым орнаментом по грязно-белому фону. Видимо, возведенная в раннем средневековье постройка пришла в запустение где-то в начале IX в. В X—XII вв. вокруг бугра складывается поселение. Сейчас при разное его бульдозером собран незначительный керамический материал этого времени и XV в. Ранее же Д. Д. Букиннич, производя вскрытие тепе, обнаружил более богатую керамику⁹⁹.

Нораз-тепе расположено к северу от Бинкета на пути из Карасарайских ворот и представляет собой ровный холм высотой 4,5—5 м. На нем заложено два шурфа.

Шурф № 1 на восточном склоне (2×2×3,5 м) выявил на материковом лессе остатки строений из пахсы, заполненных зеленовато-серым пористым слоем с большой примесью гумусных масс, с керамическими фрагментами второй половины X—начала XI в. Этот слой перекрыт двумя мощными прослойками угля и золы, возможно, представляющими последствия пожара. Выше прослоек залегает завал средней плотности серовато-желтого цвета с керамикой XII—начала XIII в. Таким образом, жизнь на поселении Нораз-тепе замерла в начале XIII в.

---

⁹⁹ Д. Д. Букиннич. Указ. соч., стр. 70.

Шурф № 2 в южной части тепе выявил также остатки помещения со стенами из пахсы и кирпича (жженого и сырцового, размером $26 \times 13,5 \times$, $26 \times 14 \times 3,5$ и $28 \times 15 \times 5$ см), стоявшего на том же уровне, что и зафиксированный в шурфе № 1. Комната заполнена завалом коричневого цвета средней плотности с керамикой X—XI вв. Культурный слой последующего периода не выявляется здесь с той четкостью, как в шурфе № 1. В верхних ярусах лишь встречены отдельные черепки посуды XII—начала XIII в. Итак, по данным обоих шурфов поселение возникло не ранее X в. в период наивысшего расцвета города Бинкета, с которым оно, видимо, было связано, и просуществовало до начала XIII в., пережив в XI в. пожар. Некоторое обживание старых руин, очевидно, имело место в XV в., о чем можно судить по подъемному материалу.

Несмотря на то, что оба шурфа затронули разные склоны бугра, следов огораживающих поселение стен не обнаружено. Видимо, это поселение X—начала XIII в., как и пункты в районе Тахтапульских и Лабзакских ворот, не имело оборонительных укреплений.

Наблюдавший много лет чиланзарские памятники М. Е. Массон сообщил, что один из них—Уч-тепе—был длинным однолучным селением, вытянутым вдоль торговой дороги. В противоположность ему Нораз-тепе отличался компактной застройкой, о чем свидетельствует сохранившийся останец.

Несколько иную картину представляла собой заселенность бугров Ак-ата (в Юнусабаде). Культурные остатки здесь прослеживаются на протяжении более 1 км, но ощущается спорадически, вследствие густой современной застройки местности. Четко читается древнее ядро поселения, бугор высотой до 4 м, слегка возвышающийся над остатками шлейфа, и два удаленных от него холма, состоявших из перемещенного бульдозером культурного слоя.

Шурф на бугре цитадели выявил в нижнем горизонте массив пахсового строительного завала и незначительные фрагменты неполивной керамики. Верхний горизонт занят кладбищем с подбоями, закрытыми сырцовыми кирпичами размером $? \times 16 \times 6,5$ см. В слое могил встречены также редкие фрагменты поливной керамики X—XII вв., что позволяет говорить о древности захоронений.

Исследования двух холмов выявили большую насыщенность грунта керамическим материалом X—XII и XV вв. Таким образом, территории, прилегающие к цитадели, были обжиты более интенсивно. Разбросанное на значительной территории поселение X—XII вв. как бы обошло бугор с руинами раннего средневековья, оставив его для кладбища. На Ак-ака повторяется наблюдение, сделанное на безымянном тепе у Чимкентского шоссе. Поселение X—XII вв. разрастается в стороне от заброшенных в конце периода раннего средневековья

«замка», цитадели. Последняя не функционирует в это время. Аналогичный историко-топографический момент наблюдается на поселениях по торговому пути из Мерва в Хорезм¹⁰⁰.

В юго-западном направлении от Бинкета исследовано еще несколько селений. Особое внимание привлекло Казах-мазар-тепе по ул. Гафура Гуляма, интенсивно разрушавшееся экскаваторами. От него практически сохранился небольшой останец с триангуляционной вышкой и участком собственно поселения к востоку, затерянного среди многоэтажных домов нового жилого квартала Д-13.

На одном из возвышений, где культурный слой сохранился наиболее полно, был заложен шурф № 1 размером 3×3 м. Шурф доведен до глубины 3,5 м, на уровне 2,8 м встречен материковый слой. На нем залегал культурный слой рыхлой структуры с включением золы, кусочков керамических шлаков и фрагментов керамики конца IX—первой половины X в. Керамика включает белофонную посуду с блестящей поливой и черной кувфической надписью, фрагменты с оливковым орнаментом, а также охристо-черным сочетанием тонов рисунка. Содержимое слоя свидетельствует о близости гончарной мастерской, отвалы брака которой задеты шурфом. Встречен глиняный штамп мастера для украшения плоских поверхностей (столиков, крышек) высотой 9 см, диаметром 7 см, жженный кирпич, залитый ангобной краской, два слепшихся при обжиге венчика пиал, керамические шлаки. Качество поливных сосудов из слоя превосходное.

Слой мощностью до 1 м перекрыт плотным светло-желтым грунтом с керамикой X в., который в свою очередь покрыт слоем коричневатого цвета с зольными прослойками и углями, выходящим на дневную поверхность. Содержимое слоя характеризует керамика XI—XII вв. Это крупные кувшины с ручками, хумы с потеками, а также поливная посуда — горшки с маленькими вертикальными приплюснутыми ручками, выдержанные в оранжево-коричнево-желтой цветовой гамме, чаши зеленой поливы, блюда с подглазурным процарапанным орнаментом.

Второй шурф был заложен на останце под вышкой, превращен в раскоп на площади 5×4 м и доведен до общей глубины 1,7 м, где встречен лессовый материк. Разница в уровнях материковой поверхности в двух шурфах в 3,1 м указывает на пересеченный характер местности, где возникло поселение. Верхний горизонт в раскопе занимает желтовато-серый средней плотности культурный слой с зеленоватыми прослойками мощностью 0,92 м. Ниже прослежен плотный

---

¹⁰⁰ М. Е. М а с с о н, Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и Мавераннахр, Ашхабад, 1966, стр. 17.

завал желтого цвета, образовавшийся, видимо, в результате разрушения глинобитных стен.

В юго-восточной части раскопа обнаружено скопление сосудов (рис. 23), среди которых было несколько целых экземпляров. Качество выделки и поливы такое же высокое, как и керамики из шурфа № 1. Выделяется фрагмент блюда с белым фоном и строгой куфической надписью, характерной для первой половины IX в., покрытый белой поливой с поясом рисунка из кружков, сосуд типа огромной кружки с одной ручкой. Здесь же найдена головка зверя. Встречено также несколько неполивных кувшинов. Если керамику нижнего слоя можно отнести к IX—началу X в., то фрагменты из верхнего горизонта датируются XI—XII вв.

Таким образом, стратиграфическое исследование Казах-мазар-тепе фиксирует факт возникновения здесь поселения не раньше первой половины IX в., причем по ряду признаков можно заметить, что поселение имело гончарное производство, продукция которого отличалась высоким качеством. Судя по сохранившемуся довольно равному микрорельефу, поселение не имело каких-либо замков или укрепленных усадеб, а состояло из небольших глинобитных домов, не защищенных общей стеной, т. е. оно по планировочному принципу примыкало к типу улочных поселений, выявленному ранее на артериях, ведущих к Бинкету. Таково и Уч-тепе на одном пути с Казах-мазар-тепе. Все они возникают примерно в одно время — в IX в. — и существуют как спутники Бинкета, зачастую с ремесленно-торговой направленностью занятий населения, вплоть до начала XIII в.

Работы, проведенные на Уч-тепе в связи с перепланировкой его под котлованы трех высотных зданий на массиве Чиланзар — Ак-тепе, выявили здесь несомненные следы керамического производства. Обнаруженные отвалы производственного брака насыщены предметами печного припаса (сепая, штыри), а также испорченной при обжиге посудой и стеклянными предметами. Характер бракованных изделий дает основание считать, что функционировавшая здесь мастерская специализировалась на выделке высокохудожественной глазурованной посуды. Прекрасные образцы изделий извлечены также из шести расчищенных бадрабов. Сам культурный слой, связанный с ними, не сохранился. Судя по всему комплексу материала, поселение существовало в IX—XII вв. и, возможно, выполняло роль караван-сарая (рабада) перед въездом в Бинкет на дороге из Согда. Надо полагать, что и XIII—XIV вв. были для поселения веками интенсивной жизни, так как наблюдениями М. Е. Массона зафиксированы культурные наслоения этого времени и зарегистрирован клад джагатайских монет¹⁰¹.

¹⁰¹ Устное сообщение М. Е. Массона.

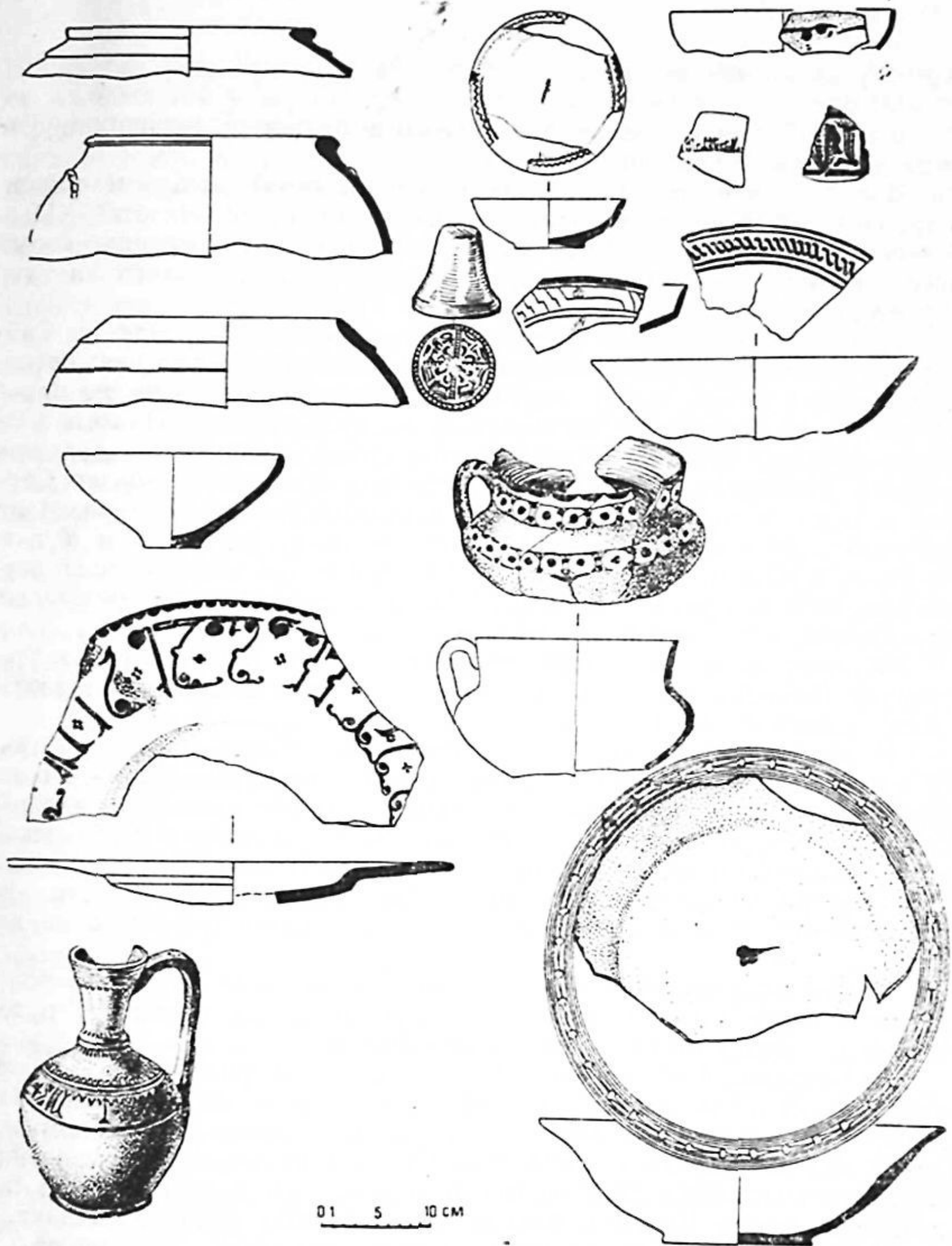

Рис. 23. Казах-мазар-тепе. Керамика.

Таким образом, в результате археологического обследования удалось установить следующее.

Полное обживание или хозяйственное освоение новых массивов в границах «Большого Ташкента» за пределами городских стен XIX в. относится в основном к XIX—XX вв., а более ранние средневековые поселения или усадьбы отдельными пятнами вкрапливались в эту территорию.

Наиболее равномерно обжитыми оказались Кукчинская и Сибзарская части. Раскопки и обследования котлованов новостроек позволили сделать вывод, что эти территории интенсивно заселены не ранее IX—X вв., т. е. в период стабилизации водного режима. Причем холмистый рельеф повел к обособлению отдельных довольно больших районов (Шахнишин-тепе, Хиабан-тепе, Калля-хана Гуль-базар, Сагбан и т. д.), которые потом слились в единый рабад и образовали треугольник, основание которого лежит по арыку Калькауз и Кукча, от ворот Кукча до Карасарайских. Водоснабжение этого района осуществлялось из арыков Калькауз, Шахар и ряда уже заброшенных арыков X в., зафиксированных при раскопках.

Стратиграфические данные, полученные на большом отрезке территории Иски-Джува, не дали материала, позволяющего определить местоположение арка IX—X в.

Наиболее интенсивная жизнь отмечается на территории шахристана Бинкета и к северо-западу от него и приходится на X—XI вв. Причем границы шахристана, по нашим исследованиям, совпадают с границами схемы-плана М. Е. Массона. В Кукчинской и Сибзарской даха, согласно археологическим данным, располагалась основная часть внутреннего и внешнего рабадов Бинкета, т. е. рабады X в. не распространялись далеко на юг и совсем не распространялись на восток.

Кроме внешних рабадов, город IX—XII вв. был окружен большими и маленькими селениями, вытянутыми вдоль торговых путей и специализировавшимися часто на каком-то виде ремесла.

Зафиксированный стратиграфически быстрый рост города иллюстрирует общий процесс становления городов X в. по всей Средней Азии, обусловленный общими благоприятными социально-экономическими причинами. Именно в X в. в Шаше отмечается возникновение большого количества городов, связанных, видимо, с пограничным положением оазиса Шаша и близостью серебряных рудников Илака.

Археологический материал дополняет сведения источников о Бинкете как о торгово-ремесленном центре. Перечень вывозимых из

Шаша товаров, приведенный в письменных источниках X в., указывает на большой удельный вес обмена с кочевниками, от которых поступали сырье и продукты животноводства. Раскопки показали, что главное место в продукции Бинкета занимали гончарные изделия высокого качества. Гончарным производством занимались как в пределах рабада, так и в тяготеющих к городу поселениях-спутниках. Такое большое количество поселений вокруг города объясняется прежде всего большим спросом на ремесленную продукцию, который не мог удовлетворить один Бинкет. Некоторые поселения, очевидно, возникли вначале как рабады. Бинкет был одним из центров, куда стекались борцы за веру (гази). Они, вероятно, и жили в рабадах, основанных ими самими¹⁰².

Итоги разведочных работ уже позволяют говорить об интенсивном обживании или о возникновении поселений именно в период расцвета торгово-ремесленного города Бинкета, с которым они были связаны экономически.

Как и в других областях Средней Азии, X в. в Шаше был временем дальнейшего развития феодальных отношений, стимулировавших не только рост и развитие городов, но в какой-то степени и возникновение сельских поселений, экономическая жизнь которых, видимо, не исчерпывалась законами натурального хозяйства и носила оттенок товарности.

Сельские поселения этого времени не укреплены в противовес поселениям времени раннего средневековья. Во многих из них есть усадьба феодала, видимо, державшего жителей в феодальной зависимости и контролировавшего воду. В наиболее выгодном положении находились феодалы, усадьбы которых располагались у вододелителей.

Часто поселения складывались вблизи руин заброшенного в конце VIII в. замка-кешка, которые использовались иногда как места для кладбищ. В некоторых случаях, правда, средневековая застройка захлестывала холмы кешка (Ишак-купрюк-тепе).

На всех поселениях жизнь замирает примерно к началу XIII в., но в XIV—XV вв. некоторые руины обживаются вновь, что, видимо, находится в прямой связи с возрождением Ташкента и оживлением торговли.

Интенсивное и специализированное на высокосортной керамике производство в Бинкете X—XI вв. уже само по себе свидетельствует о большом спросе на эту продукцию в Мавераннахре. Художественные достоинства шашилакской керамической посуды отражают общий взлет искусства в Шаше в X—XI вв.

---

¹⁰² В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, Сочинения, т. I, М., 1963, стр. 233.

Период XII в. был для Бинкета временем угасания городской жизни и ремесленной деятельности. Сокращается площадь городской застройки, забрасываются многие арыки. Этот процесс спада, отмечаемый в городах Илака, тесно связанного экономически с Шашем, объясняется общей политической обстановкой, сложившейся в Мавераннахре: Караханиды уже не могли удержать под своей властью феодалов, стремившихся к самостоятельности. Отдельные города и области становились независимыми княжествами и лишь номинально зависели от Караханидов. Феодалная раздробленность и постоянные распри сделали Мавераннахр беззащитным перед лицом каракитаев, совершавших набеги на Шаш, Фергану, Согд, Нахшеб. После победы в Катванской степи (1141 г.) каракитане обложили регулярной данью города Мавераннахра. Борьба Хорезмшаха с каракитаями тоже не способствовала процветанию городов, но была еще и конкретная причина: истощение горных серебро-свинцовых рудников Илака.

Процесс экономического и политического ослабления городов Шашилакского оазиса в XII в. во многом способствовал успешному продвижению войск Чингисхана в начале XIII в.

Художественная керамика Бинкета¹⁰³

В ходе археологических раскопок на территории Бинкета и прилегающих к нему поселений собрано большое количество керамики. Основная ее масса, характеризующая уровень развития гончарного производства столицы Шаша в IX—XII вв., получена на шахристане. Почти весь материал середины XI—начала XII в. в археологически целых формах извлечен из бадрабов в срезях участка траншеи коллектора, пересекающей шахристан. В силу особенностей залегания он подразделяется на большие, но целостные комплексы, зажатые в довольно узких хронологических рамках¹⁰⁴. Это обстоятельство с привлечением данных из слоя, а также сравнительных материалов других культурных центров Средней Азии дает возможность составить примерную шкалу развития форм, главным образом декора, шашской керамики IX—XII вв.

На основе имеющегося керамического материала, собранного на территории Бинкета, можно выделить пять периодов развития гончарного ремесла: 1) первая половина IX в.; 2) вторая половина IX—первая половина X в.; 3) вторая половина X в.; 4) XI в.; 5) XII—начало XIII в.

¹⁰³ В этом разделе рассматривается только глазурованная керамика, хотя в Шаше этого периода обильно представлена и неполированная.

¹⁰⁴ Комплекс керамики одного из бадрабов сопровождался двумя монетами. Одна, по определению М. Н. Федорова,—фельс чекана Караханидов, битый в Шаше в 407 г. х. (1016—1017 гг.).

Керамика первой половины IX в.

Выше отмечалось распространение в Шаше с начала IX в. посуды, покрытой сероватой непрозрачной поливой с бирюзовым расплывчатым орнаментом. Этот самый ранний пока тип поливной керамики встречается обычно в комплексе с неполивной посудой, по количеству преобладающей.

Поливные гончарные изделия Шаша первой половины IX в. представлены сосудами с грязно-белой глазурью, покрывавшей толстым слоем плотный черепок желтовато-коричневого цвета. Глазурь двухсторонняя, сплошная и наносилась на черепок без предварительного ангобирования. Подобного вида полупрозрачные глазури обычно относятся к щелочным¹⁰⁵ и известны на Среднем и Ближнем Востоке с первых веков до нашей эры¹⁰⁶.

Ранние глазурованные изделия имеют тяжеловесные формы типа открытых чаш с изломанным и полусферическим профилем стенки на кольцевом и слегка вогнутом поддоне. Роспись нечеткая с расплывчатыми контурами. Цветовая гамма ограничена. Для нанесения орнамента используется несколько цветов: сине-зеленый, травянисто-зеленый, золотисто-желтый и марганцево-черный, последним обычно обводились контуры рисунка, чтобы придать ему четкость и выразительность.

В орнаментации сосудов этого периода применяются растительно-геометрические мотивы. Орнамент заполняет все поле чаши. Наблюдается устойчивость отдельных его элементов (рис. 24). Наиболее употребимые его сочетания — круг с четырехлепестковой розеткой, пышные гальметты в кругах, круг, вписанный в квадрат, и др. Позже, примерно во второй половине IX в., с появлением прозрачной свинцовой глазури орнамент настолько упрощается, что приобретает вид потеков, пятен и крапин.

Встречается орнамент, изображаемый двумя тонкими зелеными линиями с заполнением отдельных элементов узора мелкими крапинами. Подобный вид орнаментации широко распространен в Мавераннахре¹⁰⁷.

Наряду со сложными композициями употреблялся орнамент в виде зеленых полос с отходящими от них отростками с обводкой всего рисунка тонким черным контуром или же просто в виде широких полос,

---

¹⁰⁵ Э. В. Сайко. История технологии керамического ремесла Средней Азии VIII—XII вв., Душанбе, 1960, стр. 4.

¹⁰⁶ Там же, стр. 32.

¹⁰⁷ Ш. С. Ташходжаев. Художественная поливная керамика Самарканда IX—начала XIII в., Ташкент, 1967, стр. 10.

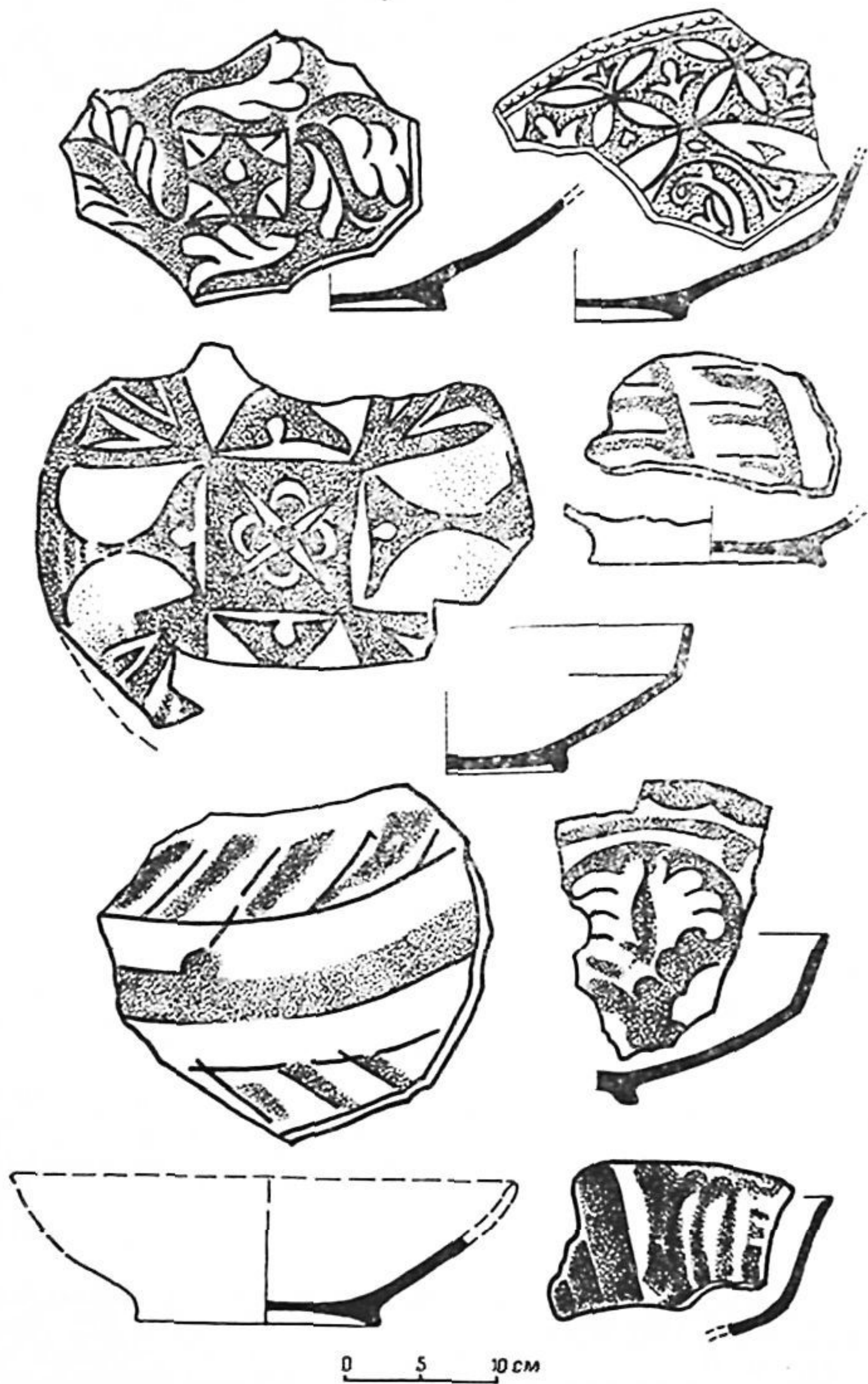

Рис. 24. Керамика Бинкета первой половины IX в.

выполненных в той же манере. Прямые аналогии для этого типа керамики имеются лишь в сопредельном Илаке¹⁰⁸.

К середине IX в. наблюдается высветление фона на керамике с непрозрачными глазурями и применение псевдоэпиграфических надписей, выполненных сине-голубой краской. Контуры букв расплывчатые, верхние стволы «алиф» и «нун» дают отходящие влево отростки-лепестки, а низ подчеркнут одной жирной линией. Подобное высветление фона и голубоватый оттенок красок росписи, характерные и для афрасиабской керамики, объясняются тем, что в состав глазури включался определенный процент олова; глазури подобного вида получили название «ишкорных». Появление их на Афрасиабе относится ко времени не ранее второй четверти IX в.¹⁰⁹

В комплексах с описанной выше керамикой в большом числе найдены неполивные сосуды, по облику тяготеющие к раннесредневековой керамике VIII—IX вв. Особенно выразительны кружки с конически расходящимся горлом, находящие себе аналогии в керамике Бухарского оазиса¹¹⁰ и низовьев Сырдарьи¹¹¹.

Таким образом, на основании стратиграфических данных и относительной хронологии появление первых глазурованных изделий в Бинкете можно отнести к первой половине IX в. и этим временем отметить начальный этап в развитии производства глазурованной керамики Шаша.

Керамика второй половины IX—первой половины X в.

Прозрачная свинцовая глазурь появилась в Шаше, по-видимому, примерно в середине IX в. Во второй половине IX—первой половине X в. происходит дальнейшее совершенствование производства глазурованной посуды. Формы становятся легче, изящнее, стенки сосудов тоньше. Преобладают сосуды открытых типов конической и полусферической формы на кольцевом и слегка вогнутом поддоне. Изменилась и технология глазурования изделий. Если для первой половины IX в. характерно широкое употребление непрозрачных щелочно-свинцовых глазури без ангоба, то в рассматриваемый период широко используется ангобирование внутренней и наружной поверхности сосуда, вклю-

¹⁰⁸ Раскопки Ю. Ф. Бурякова, материалы хранятся в фондах Музея истории народов Узбекистана.

¹⁰⁹ Г. В. Шишкина. Самарканд в свете данных стратиграфии западной части городища Афрасиаб. Канд. дисс., Ташкент, 1969, стр. 162, 164, 165.

¹¹⁰ С. К. Кабанов. Раскопки жилых построек и городских оборонительных сооружений на городище Варахша в 1953—1954 гг., ИМКУ, вып. I, Ташкент, 1959, стр. 126, рис. 13, I.

¹¹¹ Л. М. Левина. Керамика и вопросы хронологии, стр. 77, рис. 16, 37—40.

чая поддон. Поверх светлого ангоба тонкой кистью наносилась роспись черной, коричневой, зеленой, желтой, оливковой, красной красками. Применяющаяся для глазурования свинцовая глазурь совсем прозрачна и только на изделиях с оливковой росписью имеет слегка желтоватый оттенок. Она полностью покрывала чаши изнутри и снаружи, иногда с включением поддона.

Для этого периода характерно применение росписи широким черным контуром, орнамент занимает всю поверхность чаш, отдельные его элементы, употреблявшиеся для украшения изделий первой половины IX в. с непрозрачными глазурями, стали применяться для орнаментации сосудов с прозрачными глазурями во второй половине IX—первой половине X в. Это четырехлепестковые розетки (только теперь они расположены в круге на точечном фоне), полутрилистники, пышные многолепестковые розетки — излюбленный мотив для украшения ранних глазурованных чаш. По прежней традиции вся поверхность чаш оживлялась расплывчатыми бирюзовыми пятнами, наносимыми уже на орнамент, выполненный красной и черной красками по белому ангобу под прозрачными свинцовыми глазурями.

При всем разнообразии мотивов орнаментации сосудов анализируемого периода по ведущему орнаменту можно выделить следующие типы:

1) сосуды с крупными геометрическими композициями типа «бегунка», выполненными жирным черным контуром по светлому ангобу под прозрачной бесцветной глазурью с расплывчатыми зелеными пятнами, разбросанными по всему полю чаш. В основе этой композиции обычно треугольник, касающийся своими вершинами края чаши (рис. 25, 1, 5). По трем его сторонам расположены витиеватые полутрилистники. Свободное от орнамента место заполнено разнообразными фигурами с отходящими от них усиками-завитками с черным точечным заполнением, контуры этих фигур обведены тонкой красной линией, по краю сосуда проходит прямая черная кайма. Встречаются самые разнообразные варианты этого типа: многолопастные фигуры с заполнением свободного пространства фигурами с красной штриховкой, с эпиграфическими украшениями в центре чаши и т. д.

Эта группа керамики широкое распространение получила только в соседней области Илак и находит себе аналогии в глазурованной керамике Тункета¹¹²;

2) сосуды с пятнистой росписью (рис. 25, 2, 4) зеленой, желтой и марганцевой красками по белому ангобу под прозрачной свинцовой глазурью. Живописные пятна располагались поверх процарапанного

---

¹¹² Ю. Ф. Буряков. Художественная керамика городища Тункета, Научные работы и сообщения, кн. II, Ташкент, 1961, стр. 274.

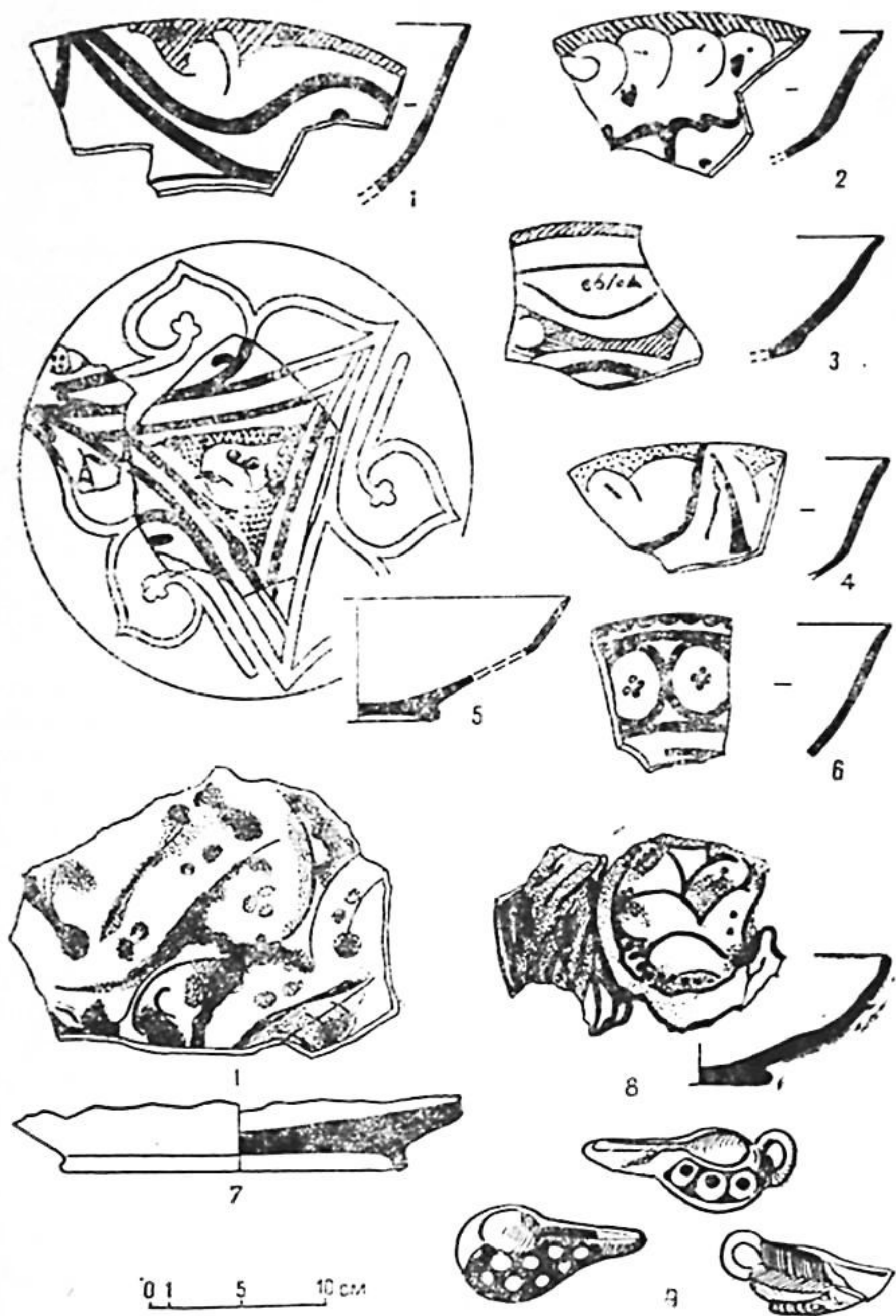

Рис. 25. Керамика Бинкета второй половины IX—первой половины X в.

рисунка, не совпадая с его контурами. На дне орнамент в виде сетки, по бортику имеет форму заостренных овалов. Тыльная сторона сосудов этого типа покрыта сплошь, включая и поддон, прозрачной бесцветной или слегка желтоватой глазурью. Э. К. Кверфельд считает подобного типа орнамент подражанием орнаменту эпохи Тан¹¹³.

Обычно эти сосуды встречаются с керамикой так называемого «ишкорного» типа с росписью в виде расплывающихся пятен или полос широкого цвета по серовато-белому фону. Широкого распространения, как в Самарканде и в Фергане, в Шаше сосуды с пятнистой росписью не получили¹¹⁴;

3) сосуды с росписью в виде сгруппированных пятен по белому ангобу (рис. 25, 6—9) под прозрачной бесцветной глазурью, или же в виде круглых светлых кружочков, наносимых по черному и красному ангобу под бесцветной и слегка желтоватой глазурью. Последние встречаются на Афраснабе в конце IX в., широко распространены в орнаментике сосудов IX—X вв. в Мавераннахре¹¹⁵.

Употреблялась в это время для украшения сосудов косая штриховка черными и красными линиями. Интересно оформление чаш и блюд, по фону из штрихов «в елочку» сочно прорисованными черными крупными пятилепестковыми пальметтами. Подобная проработка фона изделия известна по афраснабской керамике и по материалам Тункета¹¹⁶.

Широкое распространение в это время получает глазчатый орнамент. По черепку белым ангобом наносились ряды крапин с черной точкой. Поверх наносились цветные прозрачные глазури, усиливая цветовой эффект орнамента и фона. Такой способ орнаментации применялся только на сосудах закрытой формы и получил широкое распространение в Шаше¹¹⁷. Аналогичные приемы декорирования сосудов характерны для мусульманского Египта¹¹⁸.

Другой разновидностью этого орнамента были «глазки», нарисованные тонкой линией с темным пятном в центре по белому ангобу под прозрачной бесцветной глазурью. «Глазки» использовались самостоятельно для нанесения бордюров по краю чаш и кружек, а также в сочетании с другими элементами растительной орнаментации на точечном фоне. Последний вид широко известен в X в. не только в Средней Азии, но и за ее пределами;

¹¹³ Э. К. Кверфельд. Керамика Ближнего Востока, Л., 1947, стр. 37.

¹¹⁴ Ш. С. Ташходжаев. Указ. соч., стр. 14; И. Ахраров. Керамика Ферганы IX—XII вв., Канд. дисс., Ташкент, стр. 116.

¹¹⁵ Материал Г. В. Шишкиной из раскопа 23 на Афраснабе.

¹¹⁶ Материал из фондов Музея истории Узбекистана.

¹¹⁷ Ханабат-тепе, 1970 г., Фонды Института археологии.

¹¹⁸ Э. К. Кверфельд. Указ. соч., стр. 38.

4) сосуды с секторной композицией. Из центра отходят в радиальном направлении толстые черные линии, делящие чашу на 6 секторов, каждый из которых расширялся к бортику. По белому фону чередуются сектор красного цвета с процарапанным орнаментом до ангоба с сектором, заполненным пятилепестковой черной пальметтой. Узоры, ритмично повторяясь, заполняют всю внутреннюю поверхность чаши. Этот тип продолжает бытовать до конца X в.;

5) сосуды с эпиграфическим орнаментом. Надписи выполнены черной, оливковой, коричневой, красной красками по чисто-белому фону под прозрачной глазурью. Аналогичная керамика встречена в Самарканде и Мерве¹¹⁹. Для конца IX—первой половины X в. известны несколько типов эпиграфической орнаментации: куфическая, курсивная, цветущее куфи и стилизованные надписи, в которых теряется смысл написанного. Характерно сочетание простого куфи с цветущим. Так, в комплексе керамики X в., извлеченной из бадраба вместе с фрагментами от чаш с надписью по белому фону черной краской, выполненной почерком простого куфи, встречены фрагменты чаш с широким бордюром из повторяющихся слов цветущим куфи.

Такое сочетание на одной чаше надписей, выполненных почерком простого куфи с предельно стилизованными буквами, наблюдалось и на Афраснабе, где уже с конца IX в. отмечено употребление трех разных почерков: строгого куфи, куфи с расщепами и курсива¹²⁰. В X—начале XI в. такое явление наблюдается и в керамике Тункета¹²¹.

Встречаются сосуды с чисто-белым фоном, где в центре помещен своеобразный знак, напоминающий арабскую букву, или же цепочка предельно стилизованной надписи с фестончатым бордюром по краю.

Керамика второй половины X в.

Вторая половина X в.—период наивысшего расцвета глазурованной керамики Шаша. Широко используется керамика со свинцовой поливой, продолжают существовать те же формы сосудов, что и в первой половине X в. Из новых элементов, появившихся в орнаментации сосудов открытых форм, следует отметить цветочные букеты и вихревую розетку. Шире входит в обиход посуда с оливковой росписью под прозрачной слегка желтоватой глазурью.

Большим разнообразием отличается орнаментация. Широко используется линейно-геометрический орнамент различных видов.

В керамическом материале из Бинкета преобладают сосуды открытого типа: блюда, чаши, пиалы. Вся посуда тщательной выделки, красного

¹¹⁹ Ш. С. Ташходжаев. Указ. соч., стр. 23.

¹²⁰ Г. В. Шишкина. Указ. соч., стр. 172, 173.

¹²¹ Ю. Ф. Буряков. Художественная керамика..., стр. 275.

или розового плотного черепка, хорошего обжига. Блюда различаются мелкие, часто с вдавленным зеркалом, и глубокие со слегка заметным изломом стенки, на плоском и кольцевом поддоне. Чаши различной высоты и размеров (20—38 см диаметром) со сфероидным и коническим профилем в разрезе. Пиалы с округлым резервуаром, либо с конически расширяющимися стенками после резкого перегиба снаружи у дна.

Выделяется также форма черпалок с ручкой прямоугольного силуэта с отверстием. Широко представлены чираги с округлым и граненым резервуаром и вытянутым носиком. Сосуды закрытых форм представлены изящными небольшими кувшинами с узкой раструбообразной горловиной и ручкой, а также широкогорлыми кувшинами с приземистым туловом.

Типичны чаши, украшенные бордюром, расположенным у венчика (рис. 26, 1, б). Это или незамысловатые переплетения, образующие ряд узлов, или же полоса из пересекающихся полуovalов, а чаще всего ряд г-образных знаков между двумя параллельными линиями. Последние часто применяются ташкентскими керамистами и в настоящее время¹²².

На чашах оставляется максимум белого пространства, в центре чаш рисуется маленькая стилизованная птичка, завершает композицию зубчатая полоска по краю.

Для украшения сосудов используется широкий бордюр из переплетающихся коричневых или черных лент, образующих круглые незаполненные картуши, в которые вписываются строенные побеги, напоминающие птичьи головы, или же бордюр, состоящий из ряда кругов со строенными точками в центре. Иногда все поле чаши заполнялось такими же кругами со строенными точками в них.

С середины X в. в декоре шашской посуды отмечается также стилизованный цветочный букет, выполненный черно-коричневой краской (рис. 26, 2). Обычно на чаше помещали два таких букета, соединенных тонкой линией. Ряд авторов относит зарождение мотива стилизованных букетов к середине XI в.¹²³ Лишь в сопредельном Илаке он встречен в керамическом комплексе середины X в. В ходе последних работ на Афрасиабе чаши, украшенные этим элементом, были обнаружены в комплексе посуды середины X в.¹²⁴ Таким образом, керамика Шаша и Илака в этом отношении перестала быть исключением.

Интересна группа керамики с росписью оливковым цветом по светлому ангобу под прозрачной глазурью со слабым фисташковым оттенком.

¹²² М. К. Рахимов. Художественная керамика Ташкента, Ташкент, 1960, стр. 117.

¹²³ Ш. С. Ташходжаев. Указ. соч., стр. 104; С. Б. Лунина. Указ. соч., стр. 278.

¹²⁴ Материалы Г. В. Шишкиной из раскопа 23 на Афрасиабе.

Для рослиси этого типа сосудов чаще всего употребляется растительная орнаментация в сочетании с цветущим куфи. Бортики чаш

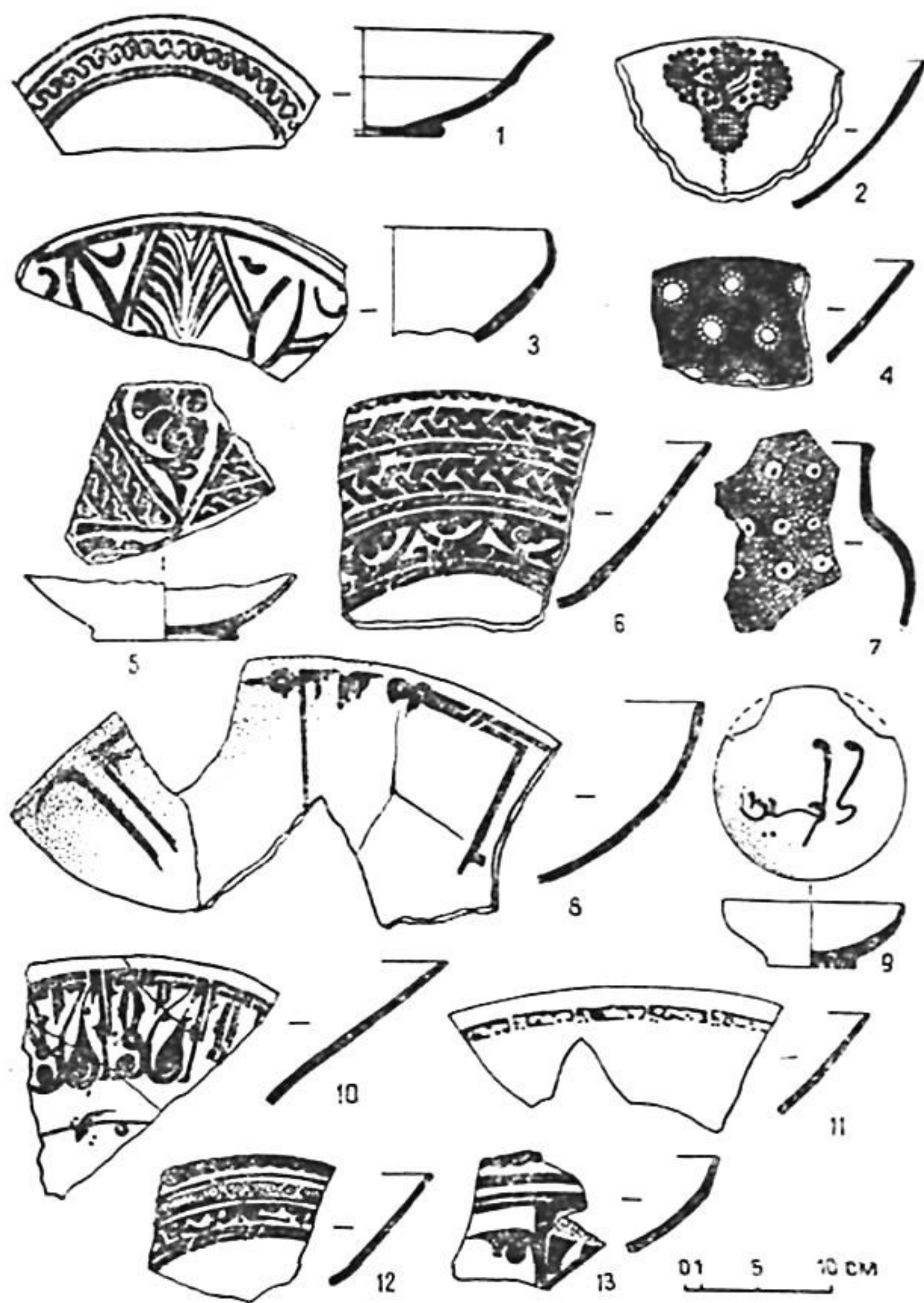

Рис. 26. Керамика Бинкета второй половины X в.

разделяются на рамы, украшенные овалами с многолепестковыми пальметтами в центре, иногда чередуются изображения граната с цветочным бутонем. Свободное от рисунка пространство занято фигурка-

ми с черным точечным заполнением или красной штриховкой. Аналогичный мотив граната встречается в глазурованной керамике X в. Самарканда. Многолепестковая пальметта на прямом стволе в овалах встречается в орнаментации хорезмской керамики X—XI вв.

Часто бортики чаш украшались широкими бордюрами из нескольких рядов сложных плетенок оливкового цвета с вплетающейся куфической надписью или же широким бордюром из повторяющегося слова, выполненного цветущим куфи.

Цветовую гамму описанных выше сосудов, кроме оливкового, составляют красный и коричневый. Снаружи края чаши украшались обычно строеными и красными косыми линиями. Подобного типа сосуды находят себе многочисленные аналогии в среднеазиатской керамике X в.

Наряду с растительной орнаментацией поливная керамика Бинкета X в. украшалась зооморфными сюжетами. Встречаются изображения коня, оленя, фазана и попугая. Рисунок их силуэтный и контурный. Сама трактовка изображений условно-реалистичная, хотя и наблюдается некоторая стилизация.

Из новых элементов, появившихся в декоре шашской керамики в конце X в., следует отметить мотив вихревой розетки, употреблявшейся как самостоятельно, так и в сочетании с цветочными букетами. Как самостоятельное украшение, она обычно располагается в центре чаши полусферической формы и имеет несколько вариантов.

Эволюцию растительного мотива в схематизированную вихревую розетку наблюдала на мервском материале X в. С. Б. Лунина¹²⁵. В сформировавшемся виде она отмечает этот элемент для конца X в., наибольшее распространение его—в XI в. Известно использование розетки в хорезмской керамике X—XI вв.¹²⁶ Ш. С. Ташходжаев приводит ее в описании афрасиабской керамике первой половины XI в.¹²⁷, но в отличие от ранних шашских образцов конца X—начала XI в. она употреблена в сочетании с другими элементами декора.

С середины X в. изменяется и эпиграфический орнамент. В это время распространен прием украшения белофонной посуды надписью цветущим куфи, которая постепенно к концу X в. вырождается в орнамент, отдаленно напоминающий завитки цветущего куфи.

Начинают широко применяться для украшения надписи, расположенные на цветной кайме по краю чаш. Все поле чаш свободно, лишь по краю коричневая или охристо-красная с оливковым кайма, по ней повторяющаяся стилизованная надпись «алюмн». Стволы букв

¹²⁵ С. Б. Лунина. Гончарное производство в Мерве X — начала XIII в., Труды ЮТАКЭ, т. XI, Ашхабад, 1961, стр. 290.

¹²⁶ Н. Н. Вактурская. Указ. соч., стр. 189, рис. 11, 23.

¹²⁷ Ш. С. Ташходжаев. Указ. соч., стр. 83.

широкие, прямые, с заостренными углами или в виде полного кружка, несколько заостренного сверху, нун поднимается завитком до уровня вершин алифа и лама. Для отчетливости буквы выделены тонкой черной линией. Кайму замыкают две черные линии или две линии с перлами.

Хотя весь комплекс неполивной керамики остался за рамками нашего исследования, нельзя не отметить несколько украшенных штампованным орнаментом сосудов, обнаруженных в бадрабе с керамикой середины X в. и в синхронном комплексе посуды с Уч-тепе. Примечательно, что в Шаше этого периода уже владели техникой штампа и изготовления штампованных кувшинов в двухчастном калыбе (найдена верхняя часть такого кувшина с орнаментом в виде круглых картушей с растительным заполнением, а также кувшин с мелкорельефным геометрическим орнаментом). Такие находки убеждают нас в том, что Шаш — одна из областей Мавераннахра, где рано была освоена техника штампованного орнамента.

Керамика XI в.

В начале этого периода продолжают еще существовать сосуды с трехцветной росписью красным, коричневым и черным по белому ангобу под бесцветной прозрачной глазурью. С середины XI в. их вытесняет керамика с оливковой росписью под желтой прозрачной поливой. Преобладают сосуды открытых форм, силуэт их несколько вытягивается вверх. Широко используется для украшения посуды мотив вихревой розетки, зародившийся примерно в конце X в. Аналогичные мотивы росписи имеют в это время широкое распространение по всей Средней Азии¹²⁸. Кроме вихревой розетки для орнаментации керамики, применяются цветочные видоизмененные букеты (рис. 27, 1). Букет становится пышным; в нем, кроме многолепестковых цветов с мелкой сеткой, употребляются миндалевидные фигуры с процарапанными до белого ангоба завитками. Потом цветы исчезают и остаются только миндалевидные фигурки.

В комплексе с описанной керамикой часто встречается чернофонная посуда с росписью тонкой кистью под прозрачной бесцветной глазурью. Подобного типа керамика найдена в Самарканде в первой половине XI в.¹²⁹

В начале XI в. в художественной керамике Бинкета совершенно исчезает керамика со сложными эпиграфическими орнаментами,

¹²⁸ С. Б. Лунина. Указ. соч., стр. 270; Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 г., ТИИАЭ АН КазССР, т. I, Алма-Ата, 1956, стр. 39; и др.

¹²⁹ Ш. С. Ташходжаев. Указ. соч., стр. 94, рис. 20.

которые заменяются короткими словами «альюмн» или просто повторяющимися набором букв алиф, лам и нун; последняя поднимается вверх до высоты алифа, а позже остается орнаментальная полоса из повторяющихся двух букв—алифа и нуна (рис. 27, 5). Входит в употребление и бледно-желтая глазурь. Пример сочетания нового фона с орнаментом, производным от цветущего куфи, являет чаша с конически расходящимися стенками. Пространство между сочными завитками орнамента занято на привычный манер фигурами с точечным заполнением. Посуда с желтой поливой, которая становится постепенно все более яркой, стала ведущей в материале со второй половины XI в.

В этот период широко употребляется керамика, украшенная сложными плетенками, образовавшимися путем резервирования основного орнамента, и украшением фона рядами крапин. Шире входит в обиход зеленая полива в сочетании с процарапанным орнаментом.

Керамика XII—начала XIII в.

Ведущей в этот период остается керамика с лимонно-желтой глазурью. Оливковая роспись вытесняется ярко-коричневой контурной. Широко используются слегка подцвеченные глазури с росписью контрастными красками по кремовому ангобу.

Формы сосудов становятся тяжеловесней, наблюдается жесткость в линии профиля сосудов, употребляется только дисковиднокольцевой поддон.

Как и раньше, употребляются сосуды открытых и закрытых форм. Чираги имеют граненый корпус и ручку с листовидным навершием со штампованным растительным орнаментом (рис. 28, 12—15).

В этот период широко применялась контурная роспись ярко-коричневой краской по светлому ангобу под прозрачной лимонно-желтой глазурью. В орнаментации подобного типа керамики применялись сложные плетенки, образованные резервированием основного фона. Плетенчатый орнамент сочетается с миндалевидными медальонами, заполненными рядами пятен. Наиболее распространены переплетения в виде восьмерок с заштрихованным фоном.

Аналогичный орнамент, только выполненный по фисташковому фону, приводится Ш. Ташходжаевым в описании керамики XII в. в Самарканде.

Одним из распространенных типов являются чаши конической формы, бортики которых украшены рядами косых одноцветных мазков, образующих треугольники с завитком. Орнамент выполнен коричневой и красной красками по белому ангобу под прозрачной слегка желтоватой глазурью. Аналогичная керамика встречена в слоях XII в. на Минг-Урюке и городище Ханабад-тепе. Плоские чаши боль-

ших размеров с прямым бортиком обычно украшались узкой орнаментальной полосой из пересекающихся овалов, на свободное от орнамента место наносились созвездия разноцветных крапин.

Рис. 27. Керамика Бинкета XI в.

Интересна группа керамики типа коса, покрытой слегка зеленоватой или темно-зеленой поливой по кремоватому ангобу, орнамент выполнен техникой сграфитто и состоит из нескольких поясов в виде бес-

конечных растительных побегов. Подобный орнамент был широко распространен в XI—XII вв. на территории Ташкентской области¹³⁰.

Закрытой формы широкогорлые кувшины обычно украшались поясом косых миндалевидных насечек, расположенных по плечикам под темно-зеленой глазурью.

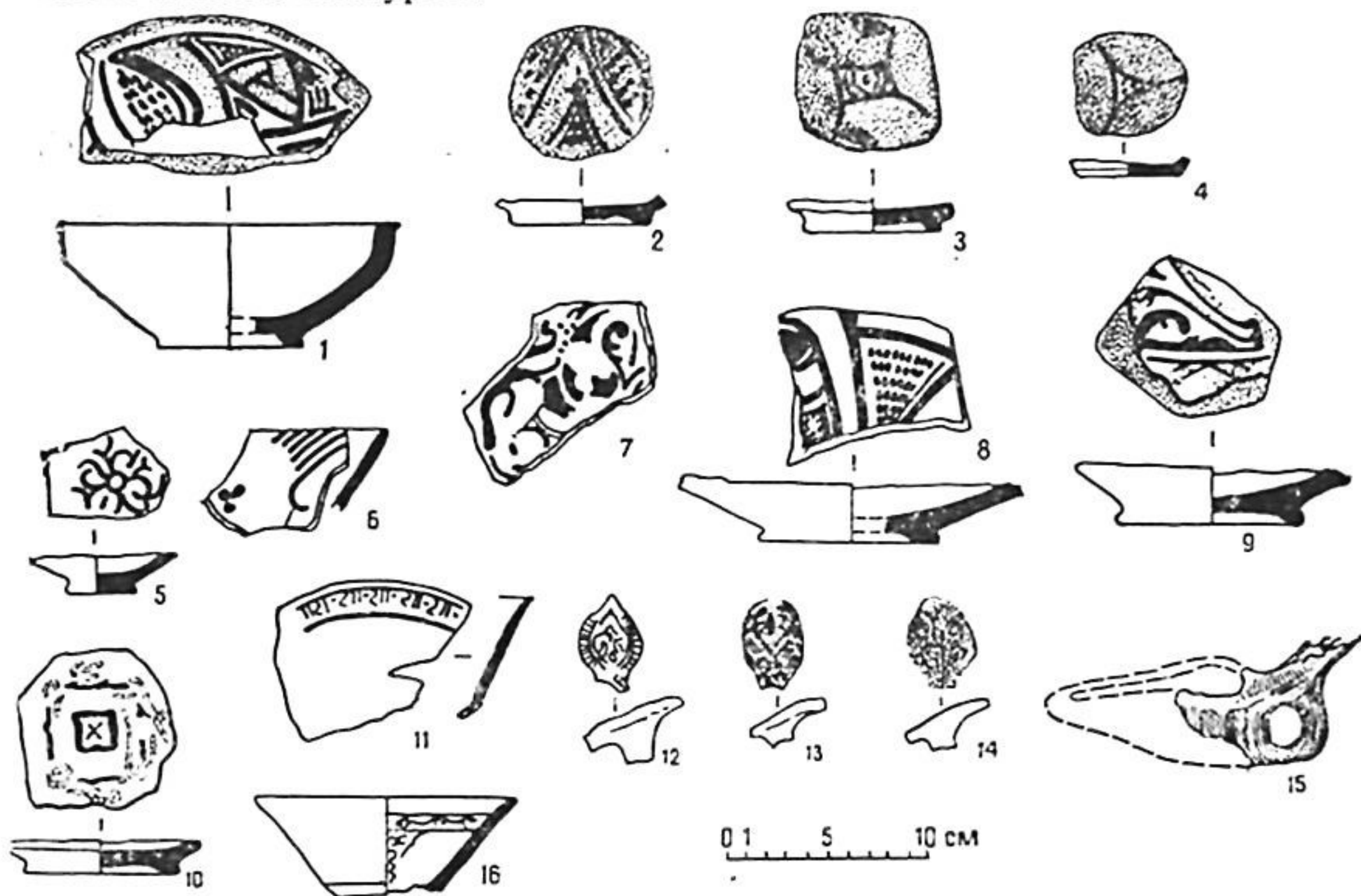

Рис. 28. Керамика Бинкета XII—начала XIII в.

Встречаются блюда, покрытые светло-палевой глазурью по кремоватому ангобу, орнамент в виде крапин и расплывающихся линий оливкового, коричневого и желтого цветов.

К набору форм прибавились тяжеловесные сосуды с толстыми стенками типа кружек без ручек со слегка расходящимися краями. Они широко распространены и имеют разные размеры. Сосуды эти—желтой поливы, украшены треугольными налпами в шахматном порядке и разбросанными между ними коричневыми и зелеными точка-

¹³⁰ Ю. Ф. Буряков, Д. Г. Зильпер. Археологические наблюдения в 1957 году на городище Минг-Урюк в Ташкенте, Труды ТашГУ, вып. 172, 1960, стр. 140—141; С. Б. Лунина, З. И. Усманова. Керамика с поселения Ногай-курган близ Ташкента, там же, стр. 173.

ми. В них без труда угадывается подражание металлическим чеканным ступкам всех размеров, судя по их широкой распространенности, составляющим неотъемлемую принадлежность быта населения среднеазиатских городов в XI—XII вв.¹³¹

Заканчивая краткий обзор керамической продукции Бинкета и некоторых окрестных поселений, прежде всего необходимо отметить неразрывную общность форм и особенно характера декора шашской поливной керамики и изделий мастеров сопредельного Илака. Это лишний раз подчеркивает, что они составляли единую экономико-культурную область. Вновь полученный обширный фактический материал, дополняемый прежними сборами керамики с территории Ташкента, хранящейся в коллекциях кафедры археологии Средней Азии ТашГУ и Музея истории Узбекистана, демонстрирует несомненный подъем производства, искусства художников-орнаменталистов и каллиграфов Бинкета IX—начала XII в. При сравнении их продукции с другими центрами керамического ремесла этого времени становится вполне очевидным существование самобытной школы художественной керамики Шаш-Илака. Не вдаваясь в подробности, чисто специфичными чертами стиля шаш-илакских мастеров можно назвать развитие мотива «бегунка» в разных вариантах по белому фону с зелеными пятнами в первой половине X в., изготовление сосудов особого бледно-зеленого фона с оливковой и болотно-зеленой росписью, который с начала XI в. заменяется столь же своеобразным желтым цветом. Следует отметить и почти полное отсутствие крупных геометрических плетенок, так прижившихся в орнаментации афрасиабской керамики X в. Наконец, особенно примечательно освоение Шашем уже в середине X в. техники штамповки всей поверхности закрытых сосудов при помощи половинчатых калыбов.

Шаш-илакская школа мастеров-керамистов и художников, таким образом, ни в чем не уступала Самарканду, Фергане, Мерву и другим керамическим центрам. Распространение их продукции делает понятным восторженные отклики арабских путешественников X в. о шашской посуде, как не имевшей себе равных¹³².

ИЗ ИСТОРИИ ИРРИГАЦИОННОГО ОСВОЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ ТАШКЕНТА

Возникновение и развитие орошаемого земледелия—одна из важных страниц в истории Узбекистана.

Как известно, в Средней Азии наиболее крупные оазисы поливного земледелия в основном сосредоточены в предгорной и равнин-

¹³¹ Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель. История искусств Узбекистана, М., 1965, рис. 243.

¹³² В. В. Бартольд. Туркестан..., стр. 295.

ной полосе, куда выходят горные реки и речки, создающие благоприятные условия для самотечного орошения.

Среди земледельческих оазисов, расположенных в предгорной и равнинной полосе, особое место занимает Ташкентский земледельческий район.

Территория «Большого Ташкента», охватывающая площадь 220 км², расположена в бассейне левого берега р. Чирчик и орошается на базе больших протоков: Салар, Калькауз, Анхор, Кукча, Джарарык, Шахар, Танишахар, Чиланзар, Ак-тепе и др. Несомненно, эти оросительные сети возникли не одновременно, что позволяет изучать историю развития города в динамике. Столица Узбекистана расположена на одном из крупных отводов (Анхор) Бозсуйской водной системы, орошающей большую часть территории правобережья Чирчикской долины.

Магистральный канал Бозсу длиной более 40 км был основным источником для многочисленных отводов, при помощи которых бозсуйская вода, поступавшая из Чирчика, транспортировалась в ниже лежащие селения и урочища в разное время истории оазиса.

Для того, чтобы показать последовательность развития орошаемого земледелия в зоне канала Бозсу, эта водная система территориально была разбита нами на две части: Анхорскую систему отводов (арыки Анхор, Калькауз и др.) и Саларскую систему отводов (арыки Салар, Джун, Курукульдук, Ниязбаш и др.).

Все эти отводы — большие и малые, появившиеся на определенных этапах истории развития искусственного орошения, продолжают функционировать и поныне. Время создания отводов определяется по сохранившимся в их зоне археологическим памятникам — остаткам былых городищ и сельских поселений.

Исследуемый нами оазис, как и другие древнеземледельческие районы Средней Азии, в частности Хорезм и Согд, богат памятниками материальной культуры, относящимися к разным этапам в истории жизни населяющих его народов.

Период орошаемого земледелия представлен наиболее крупным памятником Каунчи-тепе, расположенным вдоль левого берега Курукульдука в Янгиюльском районе и давшим название каунчинской культуре. Собранный на Каунчи-тепе археологический материал — зернотерки, кости крупных домашних животных, многочисленная керамика — имеет близкие аналогии с земледельческой культурой Ферганы, что позволяет датировать материалы III—II вв. до н. э.

Таким образом, на основании комплекса материальной культуры, обнаруженного в нижних слоях Каунчи-тепе, можно отнести начало искусственного орошения на базе естественного протока к III—II вв. до н. э. Видимо, природные условия, характерные для основной час-

ти Янгиюльского района, были использованы каунчинцами для ведения своего хозяйства. Район представляет собой холмистую равнину с довольно отчетливо намечающимися линейно вытянутыми грядами-цепочками — пологими холмами, вытянутыми с северо-востока на северо-запад, между которыми располагаются небольшие плоскодонные долины древнего Курукульдука и нижнего Бозсу. До появления городища Каунчи в районе существовали два небольших естественных протока — древние русла современных каналов Изза и Курукульдук, у последнего даже до недавнего времени сохранился естественный тальвег. Это древнее русло незначительно, на 2—3 м. врезано в грунт, образуя бесконечный узор меандров и островов, на одном из которых и возникло поселение Каунчи.

Небольшой, но постоянный водный режим гарантировал устойчивое оседлое земледелие небольшому селению. Его жители наряду с земледелием, видимо, занимались и скотоводством, используя прилегающие к городищу бескрайние степные пространства.

Как известно, на Востоке все оросительные системы или крупные ирригационные сооружения, а также другие общественные постройки возводились при непосредственном участии сильной государственной власти. Изучая историю развития ирригации в Хорезме, Я. Г. Гулямов пришел к выводу, что расцвет античного орошаемого земледелия в Хорезмском оазисе произошел в период существования Кушанской рабовладельческой империи¹³³. На этот же период приходится и сравнительно широкое развитие орошаемого земледелия в Ташкентском оазисе.

Добытые из верхнего культурного слоя Каунчи-тепе материалы и продублированная стратиграфия на Чанг-тепе, Чаш-тепе, в крепости Ниязбек и других памятниках позволяют датировать время постройки древнего центрального канала Бозсу I в. н. э.¹³⁴ Канал способствовал коренному преобразованию ирригационного дела и привел в конечном счете к освоению огромных площадей под сельское хозяйство в районе предгорной равнинной части Чирчикской долины в I—IV вв. н. э. Четко наметившаяся схема водоснабжения древних и раннесредневековых поселений и замков из магистрали Бозсу лишний раз подтверждает универсальный характер схемы развития ирригационной техники в эпоху раннего средневековья, разработанной Б. В. Андриановым¹³⁵ и другими исследователями. По схеме каналы становятся узкими, но глубокими и снабжаются водозаборными конструкциями разной вели-

¹³³ Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма, 1957, стр. 98.

¹³⁴ Я. Г. Гулямов. Кушанское царство и древняя ирригация Средней Азии, «Общественные науки в Узбекистане», 1968, № 8, стр. 11.

¹³⁵ Б. В. Андрианов. Древние оросительные системы Приаралья, М., 1969, стр. 139.

чины и типов. А ирригационная сеть к этому времени приобретает сложноветвистую конфигурацию, в результате чего сокращается заилённость сечений каналов¹³⁶.

В итоге переустройства ирригационного хозяйства резко увеличилась пропускная способность канала и его отводов, что способствовало дальнейшему расширению поливной площади в данной зоне. Таким образом, накануне арабского нашествия на Среднюю Азию Ташкентский древнеземледельческий оазис достиг в своем социально-экономическом развитии определенного подъема, выразившегося в создании обширных боковых оросительных систем и их отводов (Анхор, Калькауз и их отводы, Ивиш, Дарбазакент, Кынграк и т. д.). Ирригационное строительство способствовало орошению большей части приташкентского района и подготовке к заселению обширных массивов пустующих земель.

Благодаря развитию ирригации Ташкентская область в VI—VIII вв. становится одним из цветущих районов Средней Азии, привлекающих взоры жадных и алчных завоевателей, которые устремились через степи в богатые области Средней Азии через Ташкентский земледельческий район. Так к концу VI в. этот древний земледельческий район с центром Чач попал под власть Западно-тюркского каганата.

Арабское нашествие и его глубокие последствия на несколько десятилетий задержали дальнейшее экономическое и культурное развитие. Особенно большой удар был нанесен по сельскохозяйственному производству, по ирригации—были выведены из строя целые оросительные системы. Политические перемены, происходившие в этот период, отрицательно отразились на судьбе оседлоземледельческих поселений, приведя их к почти полному разорению и уничтожению.

Археологическими раскопками установлено, что в большинстве памятников—Ниязбаш-тепе, городище Чиназ, Минг-Урюк, Чанг-тепе, Кугаит-тепе,—расположенных по водной системе Салара, отсутствуют остатки вещественных материалов в стратиграфических колонках слоя, относящегося ко времени установления арабского господства в Шахе вплоть до конца X в. н. э. Начиная со второй половины VII в. Ташкентский оазис вновь становится ареной борьбы за политическое господство.

Дальнейшая судьба Ташкентского земледельческого района была решена в ходе битвы под Таласом в 751 г.; немного позднее здесь устанавливается политическое господство арабов¹³⁷. Несмотря на по-

---

¹³⁶ Б. В. Андрианов. Древние оросительные системы Приаралья, стр. 139.

¹³⁷ В. В. Бартольд. Сочинения, т. III, М., 1965, стр. 222.

беду, завоевателям долгое время приходилось отражать набеги тюрков-кочевников, которые в большинстве случаев находили полную поддержку у земледельческого населения.

В результате гибели Минг-Урюка оросительная сеть, питавшаяся крупным магистральным арыком (шириной 4 м)—одним из боковых рукавов Салара, обнаруженных археологами в северной части памятника, пришла в упадок. Орошение прилегавшей к Минг-Урюку территории в XI—XII вв. производилось, возможно, другим вновь построенным каналом, который питался тоже из Салара. В этот период жизнь временно угасает и в других сельских поселениях и замках, расположенных вдоль каналов Захской оросительной системы,—на Паргостепе (у современной одноименной железнодорожной станции в Орджоникидзевском районе), Кулакчин-тепе (на севере центральной усадьбы СоюзНИХИ) и на Ак-тепе (около современного абразивного завода); выходит из строя оросительная сеть, приходит в упадок орошаемое земледелие.

По данным последних археологических исследований, прекратилась жизнь на поселениях и сократилась площадь поливного земледелия почти во всех селениях и пунктах, расположенных по системе Салара.

Разрушительные события, социально-экономические потрясения и экономическое разорение страны, длившиеся несколько десятилетий, привели местное население в состояние крайней нужды. В результате иноземного нашествия был нанесен тяжелый и непоправимый удар по экономике и производительным силам, значительно сократилась, особенно в земледельческих районах, численность населения, усилиями которого во все периоды истории развития страны оросительные системы содержались в надлежащем порядке.

Очевидно, поэтому арабы после прочного установления своей власти в области начали оказывать некоторую помощь местному населению в деле восстановления народного хозяйства. Для восстановления хозяйственной жизни следовало в первую очередь привести в надлежащий порядок оросительную сеть и водозахватывающие конструкции, так как земледелие в изучаемом районе базировалось на искусственном орошении.

В первой половине IX в. при правлении халифа Мутасима (833—842 гг.) по просьбе жителей Шаша была восстановлена и удлинена, а не построена, как утверждает В. В. Бартольд¹³⁸, оросительная система Бозсу, на что правительством халифата было отпущено 2 млн. дирхемов.

Эти меры, предпринятые, конечно, и в интересах обогащения ха-

---

¹³⁸ В. В. Бартольд. Сочинения, т. III., стр. 107.

лифата, были недостаточными для восстановления разрушенного хозяйства. С середины IX в. в Шаше намечается некоторое возрождение экономики. Оно стимулировалось, видимо, установлением прочного политического единства, созданием благоприятных условий для развития внутренней торговли и вовлечением Шаша в сферу международной торговли. К этому времени относятся и небольшие ирригационные мероприятия, способствовавшие ускорению темпов экономического развития.

Культурно-политическая жизнь постепенно сосредоточивается в северо-западной части — приташкентском земледельческом районе. Исследованиями, проведенными Ташкентским археологическим отрядом, установлено, что возникновение и первоначальное формирование средневекового Ташкента (Бинкета) относятся примерно к первой половине IX в. Видимо, уже к этому времени территория, орошаемая каналом Калькауз, была заселена отдельными хозяйствами, которые позднее и составили ядро будущего города.

Перемещение центра городской жизни в северо-западную часть района происходило, во-первых, из-за ограниченности на востоке земельных площадей, пригодных для обработки. Во-вторых, русла Анхорской системы каналов и его отводов в силу своего геологического происхождения проведены в более возвышенной части приташкентского района (а Салар проходит по низине и дренирует северо-восточную и восточную части Ташкента). И этот гидрогеологический перевес водной системы Анхора способствовал более широкому развитию орошаемого земледелия западной части района, где имелись огромные неорошенные, но пригодные для сельскохозяйственного оборота массивы, к которым легко можно было подвести воду из Калькауза, подключив к нему любую оросительную сеть без каких-либо больших оросительных работ; здесь сама местность имела наклонную поверхность, способствующую самотечному орошению, что являлось преимуществом по сравнению с Саларской системой орошения.

Наконец, в целях создания центра области новые правители, видимо, предприняли дополнительные гидротехнические и организационные переустройства головных сооружений основного магистрального канала Бозсу и Анхорской системы, для дополнительного переключения живого водного тока на более высокой базе. Учитывая, что во все периоды исторического развития оросительные системы играли исключительно важную роль в деле поднятия экономики страны, правители уделяли первостепенное внимание поддержанию ее в надлежащем виде. Благодаря принятым мерам функционировавшие и вновь построенные оросители были обеспечены достаточным количеством воды для освоения новых неорошенных земель в черте вновь образованного центра средневекового Бинкета.

Так, к концу IX— началу X в. Калькауз становится более полным мощным оросителем, из которого выводят, кроме известных нам, еще несколько боковых отводов, расположенных в черте города и зафиксированных археологическими исследованиями. Один из отводов шириной около 5 м был обнаружен на Выставочной улице (на местности Хиабан-тепе), второй—около бывшей мечети Махкама (в районе старого города), третий и четвертый—в северной части Бинкета (у современного медресе Барак-хана). Все они шли параллельно в южном направлении. В ложе обнаруженных каналов были зафиксированы керамические материалы, датированные X—XII вв. н. э.

Таким образом, средневековый Бинкет и его округа (рабады) с самого начала их образования были подключены к водной системе Калькауза и благодаря постоянной водообеспеченности этого района стало возможным образование, а в дальнейшем развитие нового центра средневекового Шаша.

Произведенные в последние годы на большой территории Ташкентского земледельческого оазиса археологические работы показывают, что в X в. н. э. вновь начинает возрождаться жизнь в большинстве сельских поселений и «замков». Орошаются пустующие земли и заселяются большие по сравнению с предыдущим периодом территории, что находит свое подтверждение в сообщениях арабских географов этого времени: «Население было так густо, что ни один клочок земли не пропадал даром»¹³⁹.

В этот период были восстановлены все оросительные системы при-ташкентского земледельческого района—Ак-тепе-арык, Чиланзар-арык по системе Анхора, Кукча-арык, Джар-арык по системе Калькауз и т. д.

Ирригационные работы, проведенные правителями из династии Саманидов (874—999 гг.), рост производительных сил, интенсивное развитие феодальных отношений привели к дальнейшему развитию в Ташкентском древнеземледельческом районе земледельческой культуры, положили начало быстрому росту городов, ремесленных центров и т. д.

Интенсивное развитие средневекового Бинкета и его округа в X в. объясняется удобным расположением города—с древнейших времен через него проходили караванные пути.

В начале XI — первой половине XII в. осваиваются под орошаемое земледелие все новые и новые пустующие территории, включая и близлежащие земельные массивы вокруг древнего Ташкента. Именно в этот период нескончаемые сады и обработанные земельные массивы связывали Шаш с Илаком¹⁴⁰.

¹³⁹ В. В. Бартольд. Сочинения, т. IV, М., 1966, стр. 98.

¹⁴⁰ Абул Касым ибн Хаукаль. Указ. соч., стр. 23—24.

Так, к указанному периоду относится возрождение жизни на городище Минг-Урюк—в бывшем центре раннефеодального Ташкентского государства; теперь оно существует уже как поселение. Видимо, в это время было осуществлено орошение ранее заброшенных земель вокруг бывшего городища, в результате чего стало возможным второе обживание этого памятника и близлежащих к нему территорий. Аналогичная картина повторного обживания после длительного запустения отмечается в зоне обслуживания оросителей Ак-тепе-арык и Чиланзар-арык, где вновь обретают жизнь огромные пустовавшие земельные участки, тяготеющие к Фазыл-тепе и Ак-тепе Чиланзарское.

Но начиная с первой четверти XII в., в результате новой волны захватнических войн (каракитаи, хорезмшах и др.), происходят изменения в социально-экономической и политической жизни Ташкентского оазиса. Чирчикская долина опять переживает тяжелые времена, что пагубно отразилось на ее экономической и культурной жизни. В результате начинается постепенное снижение темпов экономического развития и определенное сокращение горнорудной промышленности, что повлекло за собой упадок ремесленного производства в городах и даже сокращение городской территории. Со второй половины XII в. н. э. наблюдается упадок сельского хозяйства и связанного с ним поливного земледелия в сельских поселениях и рабадах Бинкета.

С конца XII—начала XIII в. н. э. в большинстве исследованных сельских поселений, окружавших некогда Бинкет, наблюдается прекращение жизни, а сам древний Ташкент—Бинкет—даже уступает свое первенствующее положение Бинакету¹⁴¹.

---

¹⁴¹ М. Е. М а с с о н. Прошлое Ташкента, Известия АН УзССР, 1954, № 2, стр. III.

Глава III

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПАМЯТНИКИ НА ТЕРРИТОРИИ ТАШКЕНТА

В городскую черту вошла часть компактной группы бугров-тепе, вытянутых цепочкой по долине Чирчика и давших, видимо, наравне с многочисленными селениями основание арабским географам X в. называть Шаш страной тысячи городов. Обтекаемые городской застройкой или срезанные ею, тепе возвышаются сейчас среди домиков и огородов окраин или ступеньчатые, затерянные среди новых кварталов. Все они связаны руслами старых каналов, питавших прилегавшие земли, а многие расположены близ головного сооружения вододеливателя для контроля за распределением воды. Все ташкентские тепе расположены по водным системам Салара, Бозсу, Анхора, Калькауза, Карасу и др. Еще дореволюционные исследователи обратили внимание на то, что в названиях некоторых ташкентских каналов сохранились имена исторических лиц или персонажей раннесредневекового среднеазиатского эпоса: Кейкауса, Салара, Заха (Заля)¹. В этом они справедливо усматривали древность каналов. Видимо, Шаш был одной из областей, где не только разворачивалось действие эпической поэмы «Шахнаме», но и складывались сказания о витязях Зале и Рустаме, Кейкаусе и Афрасиабе.

Тепе Ташкента и его ближайших окрестностей делятся по предварительному рекогносцировочному обследованию на три категории: I—небольшие городища с ярко выраженной цитаделью, отделенной от холма поселения ложбиной; II—равномерно приподнятые обширные по площади бугры без следов цитадели; III—небольших размеров крутосклонные бугры с пониженным шлейфом, скрывающие, видимо, руины отдельно стоявших архитектурных сооружений. Следует оговориться, что современная городская застройка затрудняет определение ка-

---

¹ Е. Т. Смирнов. Древности в окрестностях города Ташкента, ПТКЛА, I, 1896, стр. 5.

тегории тепе. Однако, как можно было заметить, памятники всех трех категорий встречены вместе по всем основным ирригационным системам.

Большая группа памятников возникла в системе канала Салар. Кроме городища Минг-Урюк, самым крупным объектом первой категории здесь можно назвать Кугаит-тепе (у 54-го железнодорожного разъезда). В начале XX в., когда городская застройка еще не успела поглотить его, Кугаит-тепе (иначе Ногай-курган) с двумя бугровидными возвышенностями и цитаделью высотой до 12—13 м, нависшей над Саларом, занимало обширную территорию. В настоящее время сохранились часть цитадели и два бугра шахристана, сильно срезанные тароремонтным заводом № 1. Сбор археологического материала с городища был начат членами Туркестанского кружка любителей археологии. В советское время городище обследовали Г. В. Григорьев и кафедра археологии ТашГУ, а затем небольшое археологическое вскрытие провел Институт археологии АН УзССР². Ташкентский отряд предпринял зачистки огромного среза, обнажившего свиты культурных слоев на шахристане. Нижний культурный горизонт состоит из многих слоев золы и угля, перемеженных прослойками леса и сгнивших органических остатков. Подобная структура слоев нижнего горизонта весьма характерна для саларской группы памятников. В качестве аналогий можно привести Минг-Урюк, Чан-тепе. На зольниках возникло новое поселение, которое, возможно, носило городской характер. Мощные стены домов из сырца и пахсы прослежены по всей длине разреза. Извлечено большое количество керамики, целые хумы из попавшей в разрез хумханы. По облику керамического материала, среди которого большая доля приходится на лепные сосуды, новый культурный горизонт можно отнести к VI—VIII вв. н. э. Тогда же возникла цитадель.

В юго-западных предместьях Ташкента по той же водной системе выделяются такие крупные тепе, как Чаш-тепе, Чан-тепе, Кафтар-тепе. По характеру наслоений к этой группе примыкает возникшее в долине Изза-сая Фазыл-тепе (близ 26 квартала Чиланзара), известное также под названием Канглы-курган; в памяти местных стариков оно ассоциируется с наблюдательным пунктом казахов—канглы.

В современном состоянии это бугор с очень крутыми подрытыми со всех сторон склонами высотой около 20 м. К северо-востоку тянутся остатки шлейфа поселения, фиксируемые на расстоянии 250 м. Площадь самого бугра по верху 41×35 м. Тепе исследовано двумя шурфами: траншеей шириной 2 м на западном склоне бугра и шурфом

---

² Проведший раскопки Г. Дадабаев извлек керамический материал первых веков нашей эры.

на шлейфе. Верхний горизонт бугра, занятый слоем X—XII вв., тщательно не исследован. Разрез захватил свиту слоев, начиная с X яруса, который оказался занятым рыхловатым оплывом со смешанной керамикой.

Далее XI—XV ярусы заняты мощной стеной из сырцового кирпича размером $48—49 \times 25—25,5 \times 8—10$ см, со слегка наклонной внешней поверхностью. Направление стены грубо—С—Ю. Граница шурфа скользнула по ее поверхности, лишь слегка обнажив кладку. Стена проходит в 5,5 м от обрыва и стоит на пахсовом основании—платформе толщиной 0,8 м.

Эта платформа прослеживается до обрыва бугра: видимо, она создавала площадку перед стеной, либо пол помещения, если за обрывом была параллельная, не сохранившаяся сейчас стена. Подобные параллельные стены из того же сырца скрыты в толще бугра, на склоны выходят их торцы, четко читаемые сейчас на одинаковом уровне со всех сторон. Они, без сомнения, принадлежали какому-то крупному зданию, главному компоненту, сложившему столь крутой бугор. Размер кирпича и незначительный керамический материал позволяют датировать здание временем не позже VII—VIII вв. н. э.

Как выяснилось, в траншее платформа здания покоится на разровненном культурном слое без строительных остатков, залегающем непосредственно на материке. Мощность слоя около 2 м.

Характерна структура слоя, чередование прослоев зеленовато-серого цвета с углями, костями, золой т. е. прослоев хозяйственного мусора. Керамика из слоя неполивная, характерные формы: хумы, кувшины с бурыми потеками со сливом на плечике и ручкой, лепленный от руки кувшинчик или кружка с квадратного сечения ручкой, корчага со смятым сливом на плечике. По аналогиям с другими памятниками Ташкентской области и Ферганы керамика относится к VI—VII вв.

При обследовании обрывов Фазыл-тепе с северного склона в том же горизонте хозяйственного мусора обнаружены остатки пахсовых стен.

Таким образом, стратиграфически фиксируется два периода обживания памятника в пределах раннего средневековья: I—время накопления слоя хозяйственных отбросов и существования пахсовых стен; II—время существования мощного здания на пахсовой платформе. Предварительно можно датировать I (ранний) период концом V—началом VII в., II период — второй половиной VII—VIII в. н. э.

Сходство стратиграфии с саларскими памятниками не нарушается и отсутствием зооморфных налепов на ручках сосудов из Фазыл-тепе. Без сомнения, его ранние насельники принадлежали к носителям позднекаунчинской культуры.

Шурф, заложенный на отроге шлейфа Фазыл-тепе, должен был определить время возникновения поселения вокруг бугра. Выяснилось,

что поселение возникло на относительно ровной территории (ибо уровень материка в обоих пунктах исследования разнится на 0,3 м). Шурф выявил на материке культурный слой раннего средневековья мощностью 1,4 м. Слой серого цвета с обильным включением толстых прослоев золы, углей и сгнивших органических остатков. При невыразительном керамическом материале только структура слоя может указывать на сложение его одновременно со слоем I периода, выявленным на центральном бугре. Таким образом, поселение конца V—первой половины VII в. н. э. не ограничивалось площадью будущего центрального бугра Фазыл-тепе, а занимало гораздо большую территорию. Во второй половине VI в. н. э. на одном участке его руин возникло здание замкового или цитадельного характера.

Остатки сырцового монументального здания с поселением вокруг скрывает и бугор Тешик-купрюк-тепе (ул. Дружбы народов). Неоднократный сбор материала на нем проводил Д. Д. Букинич, а наблюдения — кафедра археологии ТашГУ. Сейчас из-за новой застройки и проведения трассы метро тепе сильно уменьшилось в размерах. Между трехэтажными корпусами жилых домов сохранилась только сама вышка 6 м высотой, с которой срезан сегментовидный ломоть. В обнаженном срезе четко видны слагающие памятники архитектурные элементы — пахсовые и кирпичные стены помещений, слои заполнения. Бросается в глаза деталь — здание не имело стилобата, столь обычного для раннесредневековых кешков и замков, а выстроено непосредственно на уровне земной поверхности. По совокупности археологического материала (в том числе сборов кафедры археологии ТашГУ) существование здания можно датировать VI—VIII вв. н. э. Крупное поселение здесь выросло в X—XII вв., когда на нем работали железных дел мастера. Причем в отличие от других объектов жилая застройка X—XII вв. поглотила руины самого замка, что четко читается по бадрабам и мусорным ямам на тепе.

Значительная группа памятников расположена по Карасу и на правом берегу Чирчика. Территория по Карасу попала под особо пристальное внимание дореволюционных исследователей в связи с обнаружением здесь большого числа могильников и оссуариев. В 1886 г. здесь у села Никольское (ныне Луначарское) было найдено и разрушено целое кладбище оссуариев³. Как следует из описания, гробики лежали группой более сотни, плотно один к другому у самой поверхности земли. Трудно сказать, осуществлено ли было захоронение в наусе. Кости в урнах обгрызаны, видимо, погребальными собаками. Оссуарии украшены процарапанными рисунками, изображавшими челове-

---

³ Е. Т. Смирнов. Указ. соч., стр. 10.

ские фигуры под деревом. На крышках навершие в виде птиц с распростертыми крыльями. Судя по описанию, оссуарии относятся к VII—VIII вв. н. э. В 1887 г. в местности Карасу (на Никифоровских землях) Н. П. Остроумновым было раскопано 16 курганных насыпей могильника с катакомбными или склепными захоронениями⁴ в четырехугольных камерах. Скелеты лежали головой на юго-восток и сопровождались керамикой и инвентарем (саблями, удилами, серебряными и костяными пластинками, ножами и кинжалами).

В районе этих могильных остатков, кроме памятников эпохи бронзы Алтын-тепе и Чильдухтаран-тепе, есть несколько бугров, относящихся к периоду раннего средневековья. Еще Н. П. Остроумов, видимо, в связи с нахождением оссуариев решил раскопать близ расположенный бугор Караул-тюбе или Шор-тепе⁵. Крестообразный разрез бугра убедил его в том, что холм насыпной. На глубине 4 сажень встречены были пустоты и большое количество костей животных, а также наконечник стрелы. Как показало стратиграфическое исследование Шор-тепе Ташкентским отрядом, бугор не был могильным, а представлял собой вышку — цитадель несохранившегося поселения. Холм высотой 7 м занят сейчас русским кладбищем. В шурфе встречен керамический материал VII—VIII вв. н. э. При более тщательном исследовании, возможно, будет открыт и более ранний материал в незатронутых шурфовками нижних слоях.

Другое тепе в этом районе высотой 5—6 м — Буг-тепе — скрывает, видимо, остатки незначительного сооружения.

К наиболее крупным тепе, вытянутым в северо-восточном направлении до берега Чирчика, относятся бугры I категории — Тугай-тепе, Таукат-тепе, Карабаш-тепе, Бузгон-тепе и др.⁶

В северной группе бугров, находящейся в зоне орошения Каракамышем и Калькаузом, выделяется городище Кулак-тепе. Бугор цитадели четкой пирамидальной формы возвышается на 12×13 м. Небольшая ложбинка отделяет его от равномерно приподнятой возвышенности шахристана. Общая площадь памятника 700×200 м².

Такого же типа Ак-тепе Сагбанское (на массиве Каракамыш II). Большая часть городища ныне утрачена, скрыта жилой застройкой и занята мусульманским кладбищем. Останцы с культурным слоем фиксируются на расстоянии 500 м от цитадели. Цитадель в форме

⁴ А. А. Спицын. Древности Средней Азии, 1930, стр. 47. Рукопись из архива В. А. Шишкина.

⁵ Н. С. Лыкошин. Очерки археологических изысканий в Туркестанском крае до учреждения Туркестанского кружка любителей археологии, ПТКЛА, I, 1896, стр. 48.

⁶ Тепе обследовались кафедрой археологии ТашГУ.

усеченной пирамиды высотой около 11 м существовала в VII—VIII вв. н. э., о чем свидетельствует обнажение культурного слоя на восточном фесе с проступающей кладкой из крупных прямоугольных кирпичей и лепной керамикой типа Каунчи. Городище обживалось и, видимо, территориально расширялось в X—XII вв., а вблизи него в это же время возникло неукрепленное селение (по современной дороге на Келес).

Ак-тепе Чигатайское принадлежало к той же категории бугров с цитаделями, но в настоящее время среди густой городской застройки возвышается только обрывистая цитадель высотой 6—8 м, диаметром 30 м по верху. Останцы поселения спорадически ощущаются в современном рельефе к юго-западу и северо-востоку.

Того же типа миниатюрное Ак-тепе Кукчинское (на арыке Кукча) в восточной части города. Цитадель высотой около 5 м, небольшой шлейф задернован.

В северной группе объектов I категории более тщательному обследованию подверглась гряда бугров Ак-ата (в Юнусабаде), зафиксированная в 1940 г. М. Э. Воронцом. При разведочном посещении нами было отмечено само городище, занятое пашней, виноградником и мусульманским кладбищем площадью примерно 600×300 м² с приподнятым над ним плоским бугром высотой 4—5 м. Несколько высоких бугров было разбросано вокруг. Впрочем, раннесредневековые слои зафиксированы только на цитадельном бугре. Окружающие холмы состояли из культурных слоев X—XII и XV вв. Здесь отмечен факт, что средневековое поселение разрослось у подножия раннего сооружения, а на руинах последнего возникло кладбище.

Значительная группа ташкентских тепе вытянута вдоль водной системы Бозсу—Анхор. Самый крупный памятник здесь Ак-тепе у абразивного завода (на арыке Ак-тепе) высотой 21 м, раскопки которого были начаты А. И. Тереножкиным в 1940 г. Как известно, был контурен укрепленный замок-кешк, выстроенный из пахсы и сырцового кирпича, расчищены галерея нижнего этажа и комнаты второго. Выявлен примыкавший к замку двор со службами и жильем работников. Замок был окружен рвом с водой⁷.

Еще один примечательный бугор расположен на Зах-арыке (ответвление Анхора) близ площади Ак-тепе—Ак-тепе Чиланзарское. Сохранность бугра⁸, расположение в низовьях Бозсу-Анхорской водной

---

⁷ А. И. Тереножкин. Замок Ак-тепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.), ТИИА АН УзССР, т. I, Ташкент, 1948, стр. 71.

⁸ Как на одном из перспективных объектов раскопок на тепе обратил внимание А. И. Тереножкин. (А. И. Тереножкин, Г. Савельев. К археологическим раскопкам под г. Ташкентом, Известия Уз ФАН, Ташкент, 1940, № 8, стр. 84).

системы и вытекающая отсюда возможность провести стратиграфические параллели с поселениями Саларской группы побудили Ташкентский отряд поставить на нем стационарные раскопки (рис. 29). —

В результате раскопок выявлена сложная картина нарастания архитектурных сооружений различного назначения, возведенных из пахсы и сырцового кирпича.

При раскопках бугра выделено шесть крупных строительных горизонтов, отражающих возникновение и существование шести самостоятельных зданий или сооружений. Следует, однако, отметить, что под полом самого нижнего из них в XXVI и XXVII ярусах зафиксированы еще строительные остатки из пахсы, в частности, уходящий в глубь бугра узкий коридор. Он был забит мокрой глиной и вошел в тело невысокого стилобата, сооруженного под нижним зданием. От этого здания сохранилась овальная угловая башня из пахсы с прямоугольным помещением размером $1,7 \times 1,65 \text{ м}^2$, к которому изнутри вел коридор длиной 3,5 и шириной 1 м. Коридор выводил в длинное помещение (ширина 2,1 м, длина не устанавливается), перпендикулярно к которому расположено еще одно помещение шириной 1,8 м. Удалось очертить также стену толщиной 1,5 м и кирпичный устой $1,7 \times 1,4 \text{ м}^2$. Пол этого периода на грани XXIV и XXV ярусов. Все эти остатки сохранились на высоту 1,5 м и были включены в цоколь более позднего здания, планировку, облик и высоту которого можно представить с достаточной полнотой, поскольку оно сохранилось до половины сводов перекрытия первого этажа, т. е. на 4,5 м.

Здание второго строительного периода расположено в юго-западном углу бугра (рис. 30, 1) и диагонально срезано резким обрывом, образовавшимся в результате выборки глины на кирпич. Однако сохранившейся части, по нашему мнению, достаточно для более или менее достоверной реконструкции плана. Здание представляло собой почти квадрат $12,5 \times 12 \text{ м}$ по верху с четырьмя угловыми оборонительными башнями. До наших дней сохранились остатки трех башен овальной формы 5,6 м в малом диаметре с шестью плоско перекрытыми бойницами-прорезями шириной 15 см. Башни, как и внешняя стена замка, сложены из пахсовых блоков, верхушки и перекрытия выведены из сырцового кирпича размером $47 \times 26 \times 8-9 \text{ см}^3$. Выяснено, что внешний контур здания унаследован от более раннего периода. Это особенно четко видно в башнях. В северо-западной башне первоначальная квадратная комната заполнена на уровне пола лессовым навалом, перекрытым 25-сантиметровой прослойкой крупных древесных углей в лессе. Выше отмечен вновь лессовый завал и вторая прослойка угля. Все это на высоте 1,5 м перекрыто глиняной забивкой, давшей уровень пола башенному помещению второго периода. Пол находился в конце XXI яруса. Сгоревшие остатки дерева в нижней комнате позволяют

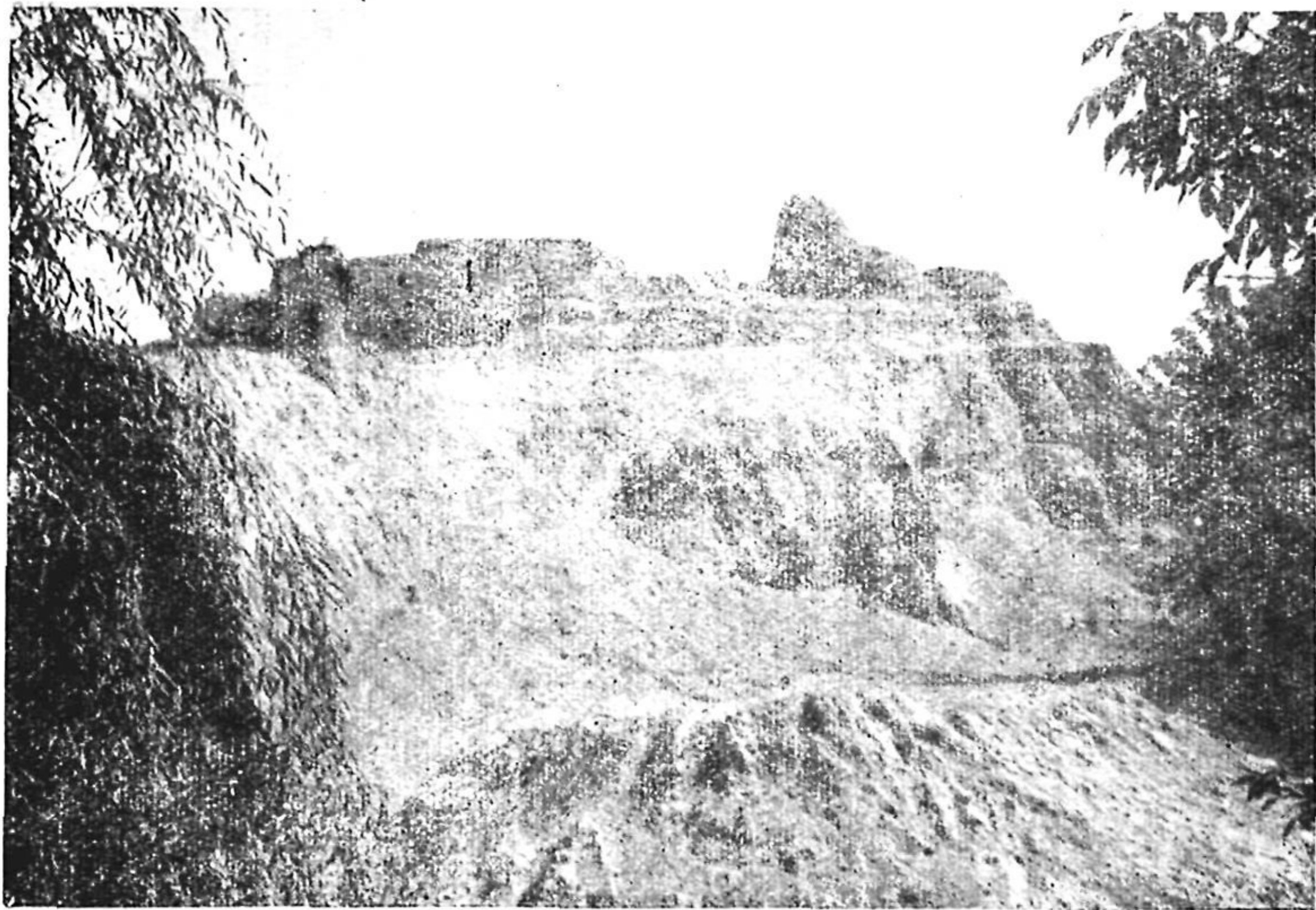

Рис. 29. Общий вид Ак-тепе Чиланзарского после раскопок.

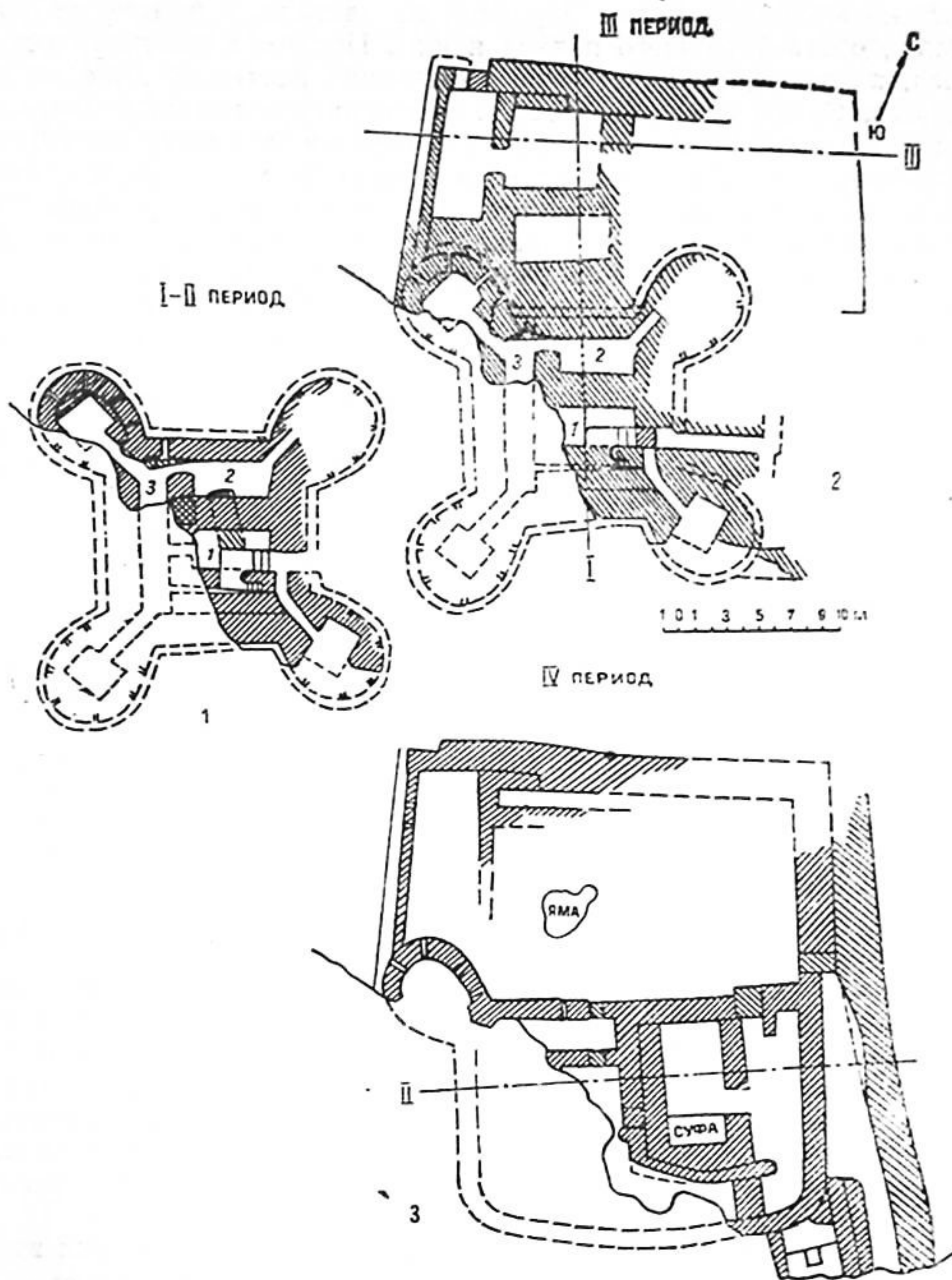

Рис. 30. Планы замка и усадьбы Ак-тепе Чиданзарского по строительным периодам.

предположить существование деревянного настила в башне на уровне бойниц, обеспечивавшего подход к ним. Подъем к настилу осуществлялся, вероятно, по приставной деревянной лестнице, либо со второго этажа. Следы огня обнаружены и в коридоре первого периода, причем сильно обгорела поверхность стены-устоя. Характер слоя объясняет причину гибели первоначального здания. Это был пожар, нанесший настолько большой урон постройке, что всю ее внутреннюю часть пришлось выводить заново. Возникла новая комната в северо-западной башне несколько меньших размеров, чем предыдущая (3×2,3 м). Заново были выведены две башни — северо-восточная и юго-восточная, также с внутренними помещениями, причем помещения юго-восточной башни и северо-западной одинаковы по площади. Внутрибашенные комнаты перекрывались сводом, выложенным наклонными отрезками. Из всех сохранившихся башен коридоры вели внутрь в три помещения здания. Коленчатый коридор шириной 0,8 м, выводивший из юго-восточной башни в помещение 1, был самым длинным, поскольку он проходил в толще трех прижатых друг к другу стен, составляющих южный фасад здания. Толщина всех трех стен 4,5 м, что необычно даже для очень мощных раннефеодалных замков. Объяснялось это, в частности, наличием в стене хода на второй этаж. Помещение 1 представляло собой, как и два других, вытянутую комнату площадью 4,8×2,4—2,5 м. С высоты 5 м на северной стене и 5,7 м на южной начинался свод, выложенный наклонными отрезками из кирпича специального размера—42×42×8 см. Пята свода покоилась на выступающем внутрь помещения одном ряде кирпича. На одной половине помещения с уровня пола выстроен куб кирпичной кладки высотой 1,5 м с площадкой наверху. Вторая половина помещения свободна, пол на ней сделан в виде пандуса с перепадом 0,65 м, повышающегося к восточной стене, в которой устроен проем шириной 1,3 м. Проем был входом в здание, непосредственно от него поднимались ступени на описанную выше кладку, которая выполняла роль лестничной площадки. С нее вел ход на второй этаж здания, причем проход шириной 0,7 м со ступенями был устроен в толще южной фасадной стены между внутренней стеной помещения 1 и внешней пахсовой стеной здания. От планировки верхнего этажа не сохранилось никаких следов, только в северной фасадной стене здания по этому уровню есть проем окна шириной 0,3 м, который, вероятно, освещал комнату, расположенную над помещением 3 нижнего этажа.

Что касается самого входа в здание, то пока, до расчистки восточного фасада, скрытого под поздними постройками, невозможно судить о наличии предвратного укрепления, свойственного многим замковым сооружениям Средней Азии. Сейчас только можно назвать толщину восточной фасадной стены, не превышавшей в средней части 2 м.

Помещение 2 размером $4,7 \times 2,2—2,5$ м, расположенное параллельно первому, также крыто сводом, опирающимся на выступающий ряд пяточных кирпичей. Причем начало свода на обеих стенах на разных уровнях. Подобный прием, примененный в обоих помещениях замка, был отмечен В. Л. Ворониной ранее в выкладке свода галереи нижнего этажа замка Ак-тепе у абразивного завода⁹. Определенный как ползучий свод, он, по словам Ворониной, обеспечивал наилучшим образом поддержку конструкций второго этажа и частично выполнял роль неизвестных зодчим Средней Азии аркбутанов. Отмечалось, что такой характер сводов составлял особенность замка Ак-тепе у абразивного завода, нигде более не встреченную. Теперь, когда во втором вскрытом памятнике Ташкента мы встречаемся с этим приемом, думается, его можно считать характерным для Шаха раннего средневековья.

В помещение 2 выводил коридорчик шириной 0,75 м из северо-восточной башни, устроенный в углу комнаты. По обе стороны прохода в стенах комнаты, а также в юго-восточном углу устроены нишкисцели высотой 0,45 м и шириной 10 см. Они, видимо, предназначались для установки светильников. Особенность прохода из башни составляет стрельчатый свод, мало распространенный в раннесредневековой архитектуре. В какое-то время коридор из башни был перегороден стенкой со стороны внутрибашенного помещения на высоту 0,8 м, а наверху осталась своеобразная форточка-продух, которой придали стрельчатый абрис путем выцарапывания канавки в перегородивающей стенке. Видимо, сообщение с башней осуществлялось только со второго этажа, а форточка была оставлена для переговоров и подслушивания. Примечательно нарочитое стремление придать форточке стрельчатую форму, видимо, передающую обычный для этого времени силуэт окна. Широко известен он как прорезь на объектах мелкой пластики культового назначения: оссуариях и особенно башнеобразных терракотовых курильницах.

Помещение 2 сообщалось с помещением 3 сводчатым проходом шириной 0,5—0,8 м, высотой 1,95 м. Свод — обычный, овальный, со стороны помещения 2 заклинен положенными плашмя кирпичами. Помещение 3, куда вел проход из северо-западной и, видимо, юго-западной несохранившейся башни, располагалось перпендикулярно к первым двум помещениям и имело облик коридора шириной 1,8 м. Длина реконструируется как 6,5 м.

Как уже отмечалось, помещения здания, кроме третьего, сохранились до половины свода, в одном верхняя часть свода все еще продолжает служить перекрытием. Заполнение верхних предпотолочных

---

⁹ В. Л. Воронина. Архитектура замка Ак-тепе близ Ташкента по данным работ 1940 г., ТИИА АН УзССР, т. I, Ташкент, 1948, стр. 140.

частей помещений составляет рухнувшее сырцовое перекрытие, а в помещении 2 его пробивают мусорная яма и колодец, которые отношения к нижнему зданию не имеют и потому содержимое их будет рассмотрено ниже. Все же пространство комнат и коридорчиков до полов заполнено серой золой с небольшой примесью песка и лесса. Подобный характер заполнения неясен, поскольку ни в самом здании, ни наверху, ни рядом не обнаружено очага или алтаря, которые могли бы служить источником их скопления. А между тем такое количество золы говорит о ее длительном собирании и хранении; это позволяет предполагать, что золостое заполнение возникло не в связи с первоначальным основным назначением здания, а гораздо позже, когда оно пустовало. Тогда источник заполнения, возможно, будет обнаружен в нескрытой части архитектуры бугра.

Примечательно, что в помещениях и на полах не встречено никакого материала, проливающего свет на непосредственное назначение здания. Фрагменты керамики и керамические кружки с отверстием извлечены из зольного завала. Правда, имеется незначительный материал из-под полов с уровня первоначального здания, погибшего в огне. В помещении северо-западной башни обнаружены те же пояса, или нашивки из керамики и фрагмент хума с обуглившимся зерном проса. Последнее, возможно, указывает на хранилище, устроенное в башне.

Таким образом, здание второго строительного периода Ак-тепе Чиланзарского представляло собой квадратную двухэтажную башню типа донжона с угловыми овальными башенками и тремя комнатами на первом этаже. Ни размером, ни планировкой оно не похоже на кешк Ак-тепе у абразивного завода. Если тот представлял собой жилое здание с множеством комнат, куда входили хозяйственные, культовые, парадные, просто жилые (сравним в этом плане с жилищами дехкан—кешками Согда, Уструшаны, Чаганиана, Ферганы), то наше здание исключается из этого круга. К нему скорее применимо определение донжон в одном из назначений, которое имела эта башня в Хорезме, а именно убежища на случай военных осад и хранилища в мирное время¹⁰. С донжонами усадеб VII—VIII вв. н. э. Беркуткалинского мертвого оазиса наша башня сходна и по размерам. Беркуткалинские донжоны колеблются в размерах от 8×10 до 13×13 м² по площади. Главная и существенная разница лишь в наличии угловых башен на Ак-тепе. Хорезмские постройки имеют четкий квадратный или прямоугольный план, а угловые башни отмечены лишь на стенах, окружавших усадьбу в целом. Примечательно, что башни эти, как и актепинские, преимущественно овальной формы¹¹. Однако, как

¹⁰ С. П. Толстов. Древний Хорезм, М., 1948, стр. 132; Е. Е. Неразник. Сельские поселения афригидского Хорезма, М., 1966, стр. 68.

¹¹ Е. Е. Неразник. Указ. соч., рис. 6, 35.

отмечают исследователи хорезмских усадеб, оборонительные башни там—довольно редкое явление, они были включены в оборонительную систему лишь крупных замков. Кроме наличия башен, можно отметить много общего; например, как и хорезмийские, наша башня стоит на цоколе, в пахсовое тело которого вмурованы остатки более ранних помещений. В донжонах два этажа, в каждом от одной до четырех комнат. В замке № 36 в нижнем этаже, как в Ак-тепе в помещении 1, был устроен пандус для подъема на второй этаж. В этом донжоне не было характерного для Хорезма перекидного мостика¹². Башни по углам актепинского здания можно считать особенностью строительной техники Шаша, подобно прослеженному на двух вскрытых памятниках Ташкента ползучему своду.

Таким образом, в здании с четырьмя угловыми башенками Ак-тепе Чиланзарского не выявлено признаков жилого дома ни в материале, ни в планировке. Наоборот, расположение комнат нижнего этажа напоминает казарменную планировку замка Муг, цитаделей Варахши и Пенджикента¹³. Оборонительная система перенасыщена защитными средствами: мощными стенами, башнями, бойницами. Возможно, над входом был устроен машикул и подобное навесное приспособление существовало на уровне второго этажа в месте окна тридцатисантиметровой ширины (на дошедших до нас изображениях раннесредневековых замков навесная оборона осуществлялась именно с уровня второго этажа). Ярко выраженные защитные функции здания позволяют предположить его оборонительное назначение (миниатюрный сторожевой замок, военное убежище). Уже отмечалось наличие вокруг бугра остатков шлейфа, возможно, хранившего остатки поселения. На зачищенном срезе шлейфа обнажены культурные слои характера лессовых завалов, перемежающих отложения золы, углей и сгнивших органических остатков с керамикой и костями животных. Весь этот массив залегал ниже уровня подножья замка, однако накопился одновременно с существованием его стен. Структура слоя аналогична нижнему горизонту Фазыл-тепе и памятникам саларской группы.

В слое отмечены остатки пахсовых стен и заполнения помещений примыкавшего к замку поселения. Однако вследствие утраты значительной части поселения невозможно установить, было ли оно также укреплено оборонительной стеной.

В замке Ак-тепе налицо все архитектурно-строительные приемы, известные среднеазиатским зодчим поры раннего средневековья. Он сложен из пахсы и сырцового кирпича стандартных размеров 48—47×

¹² Е. Е. Неразик. Указ. соч., рис. 34.

¹³ В. А. Нильсен. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (V—VIII вв.), Ташкент, 1966, стр. 10, 13.

×26×8—9 см, использовавшегося в Шаше, Согде, Уструшане, Фергане, Сурхандарье в VI—VIII вв. н. э. Башни и стены построены таким образом, что они утолщаются к подножью. Бойницы (по шести в каждой башне, внутри до 30 см высотой, наружу расходятся до 80 см) обеспечивали обстрел у подошвы, хотя там должно было оставаться небольшое мертвое пространство. Видимо, наверху башен и стен был зубчатый парапет, создавший второй ярус обороны. Подъем на верхний этаж осуществлялся по системе пандусов, что характерно для строительства того времени¹⁴. То же можно сказать о выведении сводчатых потолков наклонными отрезками. Своды проходов относятся к типу клинчатых. Свод коридорчика из юго-восточной башни заклинен в замке елочкой. В ближайших к Шашу областях такой прием отмечается в замке Калаи Калкаха I в Уструшане¹⁵. Пример стрельчатого свода есть в одном из замков Беркуткалинского оазиса¹⁶.

Третий строительный горизонт бугра соответствует зданию на уровне конца XIX—середины XX ярусов. Судя по части вскрытого здания, оно охватывало старую башню с севера и востока таким образом, что три башни первоначальной постройки оказались вмурованными в новую архитектуру и потеряли свою функциональную нагрузку (рис. 30, 2). Только, видимо, их верхушки возвышались над крышей новой постройки. Помещения ее группировались неправильным прямоугольником размером 27×15 м² в северной части бугра. Наружная стена—крепостная—оформлена была соответствующим образом. О ее облике позволяет судить полностью вскрытый северо-западный угол и западный фасад. По верху западная стена очень узкая—0,5 м, к подошве расширяется до 2,2—2,5 м. В верхней узкой части расчищены две щелевидные плоскоперекрытые бойницы с внутренней стороны высотой 0,2 м с внешней до 0,8 м, шириной 15 см. Под бойницами виден ряд гнезд балок (20×20 см в сечении), которые, очевидно, поддерживали деревянный помост для стрелков, обслуживавших бойницы. Сразу же от линии бойниц стена с внешней стороны резко скошена, за счет чего она и утолщается к подошве. Скошенность достигнута посредством наложения дополнительной пахсовой кладки. Здесь мы видим широко распространенный с глубокой древности прием защиты цокольной части, уменьшивший также «мертвое» пространство под стеной. В раннее средневековье этот прием применялся повсеместно¹⁷. Особенно сильно ук-

¹⁴ В. Л. Воронина. Архитектура древнего Пенджикента, МИА, 1964, № 124, стр. 52, 57.

¹⁵ Н. Н. Негматов, С. Г. Хмельницкий. Средневековый Шахристан, Душанбе, 1966, табл. I, рис. 15.

¹⁶ Е. Е. Неразник. Указ. соч., рис. 30.

¹⁷ В. Л. Воронина. Раннесредневековый город Средней Азии, СА, 1959, № 1, стр. 94.

реплена нижняя часть угла, где цоколь оформлен выступом. Рядом с углом в северном фасае здания устроен вход 1,3 м ширины, с порогом высотой 0,5 м.

Северная крепостная стена в отличие от западной очень толстая вверху (1,7 м) и не имеет никаких признаков бойниц. Поскольку дошедшая до нас высота этой стены меньше западной (ниже ряда бойниц), можно предположить существование на массиве северной стены уступа для стрелков, на уровне которого она и сохранилась. Тонкая же часть ее с бойницами утрачена. В раскопанной северо-западной части бугра оказалось три помещения. Первое, в котором был выход наружу, — размером $8 \times 3,3$ м². Из него проход шириной 1,3 м выводил во второе размером $6 \times 5,5$ м², которое вероятнее всего было двориком. К югу в толще пахсы, забившей пространство между угловыми башнями раннего замка, располагалось третье помещение размером 6×3 м². Оно скорее всего было перекрыто сводом, в то время как первое, видимо, имело плоское деревянное перекрытие, которое одновременно служило настилом для подхода к бойницам. Внутренние перегородки между комнатами различной ширины — 1,1, 1,6, 2 м — выстроены в сохранившейся части целиком из пахсы. Сохранная высота перегородок — 1,7—2,7 м.

Строительные остатки этого же третьего периода обнаружены в юго-восточной части бугра в виде сводчатого коридора длиной 6 м и шириной 1 м, шедшего в восточном направлении от входа в ранний замок. Коридор упирался в другой такой же коридор, который, видимо, подводил к северному комплексу помещений третьего периода. Коридор явно был построен для связи нового здания с древним замком. В третьем периоде древний замок функционировал вместе с новыми помещениями, прилепившимися к нему под одной кровлей. Старый замок защищал новое здание. Оборона обеспечивалась юго-западной угловой башней старого замка и внешней крепостной стеной с бойницами нового здания — массива. В таком виде комплекс особенно живо напоминает усадьбы Хорезма VII—VIII вв. н. э., осененные донжоном¹⁸, не говоря уже о таких строительных деталях, как нарочитое утончение верхушек стен с бойницами и скошенный цоколь.

Однако башня функционировала недолго, комнаты ее начали заполняться золой с фрагментами керамики. Когда же она была забита почти до свода нижнего этажа, вход в башню заложили кирпичной кладкой, уложенной на ряд камыша. Постепенно золой заполнился и подводящий к входу коридор. Здание третьего периода еще некоторое время функционировало, затем во дворике и в помещении с дощатой крышей стал скапливаться мусорный завал зеленоватого цвета с кос-

¹⁸ Е. Е. Неразник. Указ. соч., стр. 15.

тями животных и черепками битой посуды. Поверх него затем устроили уровень пола и соответственно повысили проем нового входа в здание (на грани XVI и XVII ярусов). В таком состоянии здание пришло в запустение. Описанное здание, судя по всему, было жилой усадьбой, однако сопровождающий раскопки материал мало выразителен, это главным образом керамика в незначительном количестве. В комнатах не обнаружено ни очагов, ни хумов, ни жерновов, что определяло бы жилой характер постройки. Причина, видимо, в забивке всех помещений плотной гливной, осуществленной в четвертый период (рис. 31).

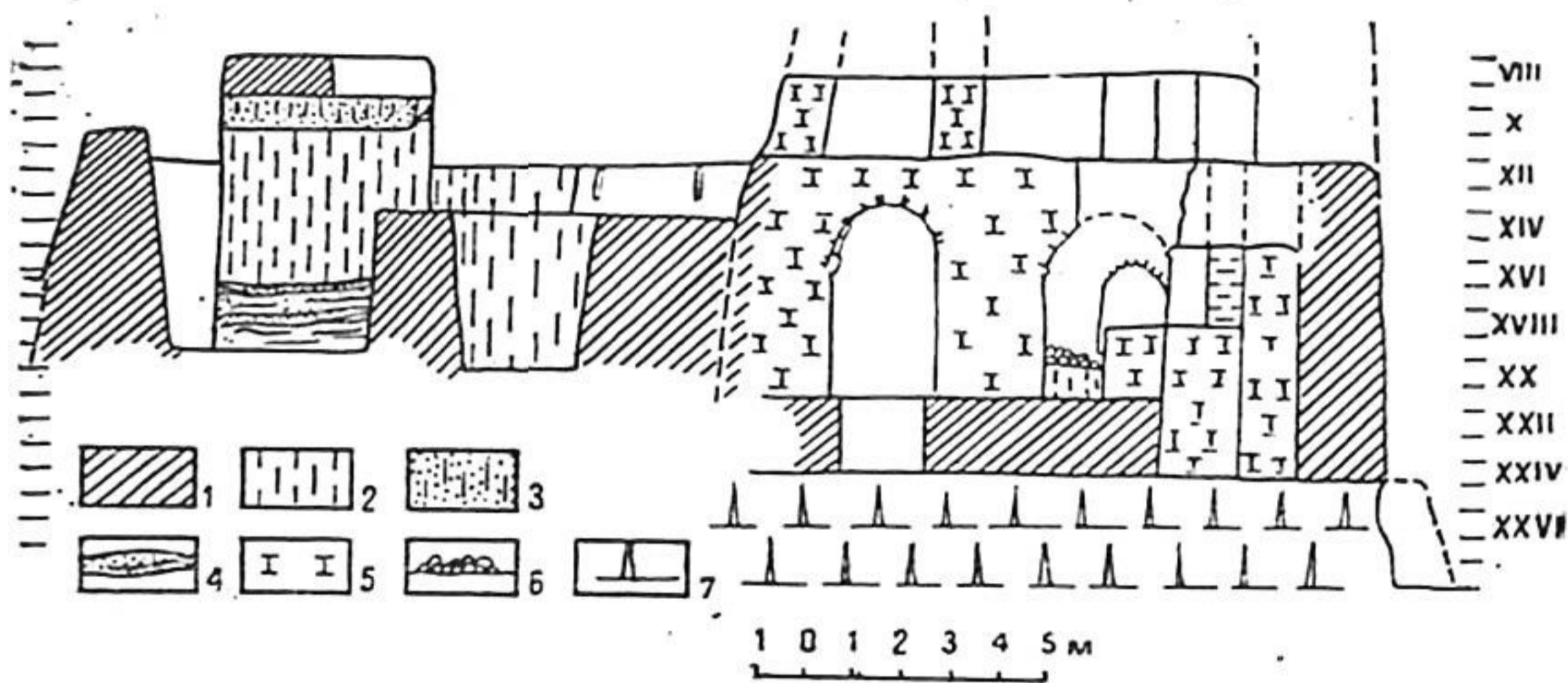

Рис. 31. Разрез I Ак-тепе Чиланзарского:

1—пахсовая стена; 2—плотная глиняная забивка; 3—глиняная забивка с примесью золы; 4—зольно-угольная прослойка; 5—сырцовая кирпичная кладка; 6—скопление крупных камней; 7—платформа.

Забивка настолько плотная и однородная, что с большим трудом удавалось нащупать поверхность стен забутованных помещений. В четвертый строительный период забита и снивелирована на уровне середины XII яруса вся внутренность крепостных стен в северной части. Крепостные стены и северо-западная башня раннего замка продолжали возвышаться над гладью образованной террасы. Заложен был лишь проход в северной стене. С внешней стороны крепостных стен был создан уровень в начале XVII яруса. На южной площади бугра, частично на первом этаже раннего замка (второй был срезан), а также на здании третьего периода было воздвигнуто новое сооружение (рис. 32). Причем юго-восточный угол здания третьего периода был взят им как бы в футляр. Внешний уровень за восточной стеной нового здания находился выше, чем на севере (на границе XIV и XV ярусов). Примечателен планировочный облик постройки (рис. 30, 3). Южный фасад

ее был дугообразного очертания. Судя по сохранившейся части, постройка состояла по меньшей мере из пяти помещений, расположенных таким образом, что можно было совершать круговой обход с выходом на северную террасу, куда выводили два дверных проема. Главный вход во двор-террасу был с востока. Центральное помещение здания с южной абсидально изогнутой стеной первоначально было проходным,

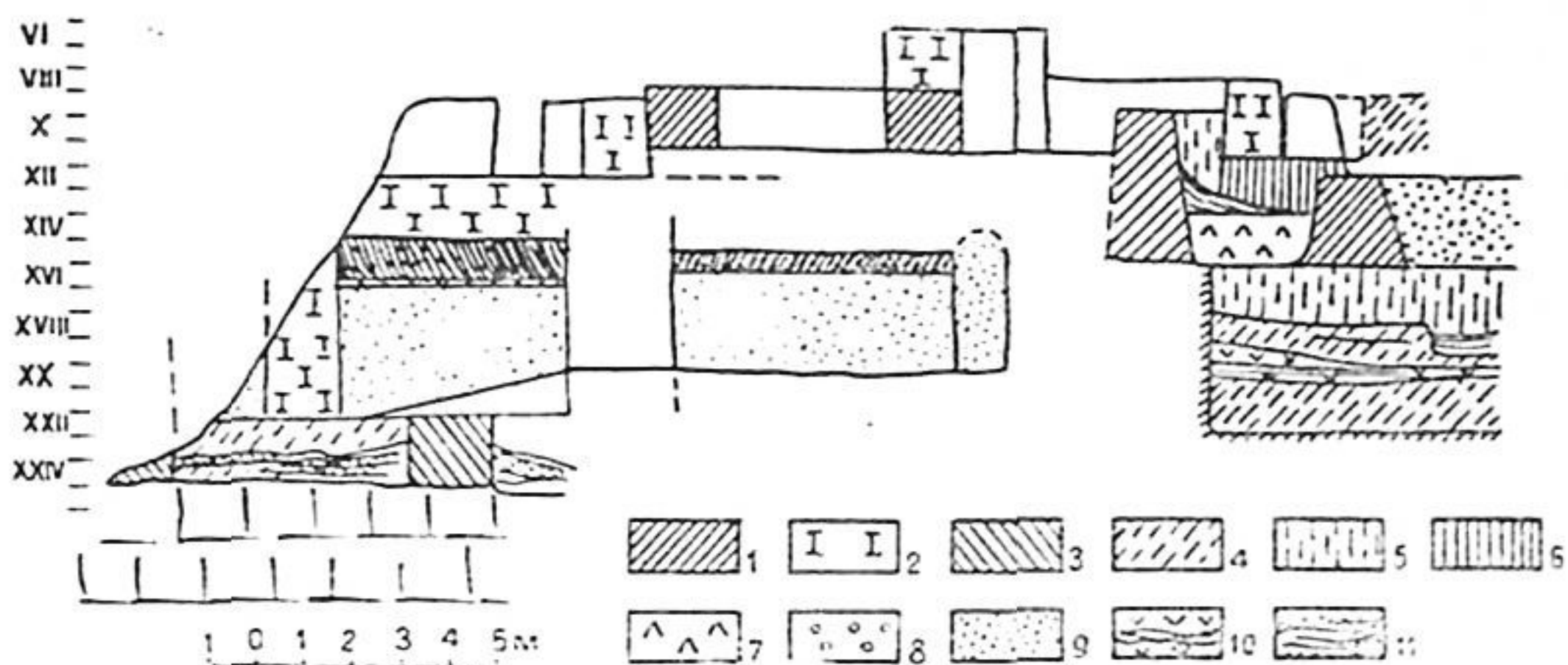

Рис. 32. Разрез II Ак-тепе Чиланзарского:

1—пахсовая стена IV строительного периода; 2—сырцовая кирпичная кладка; 3—пахсовая стена I строительного периода; 4—рыхлый строительный завал; 5—плотная глиняная забивка; 6—платформа V строительного периода; 7—комковатое заполнение коридора; 8—слой разрушения стен и оплыв; 9—зола; 10—гумусный слой с вкраплением углей; 11—зольно-угольная прослойка.

размером $9 \times 5 \text{ м}^2$. Проходы шириной 1,5 и 1,1 м располагались анфиладно. Потом внутри комнаты были выстроены две стены, придавшие помещению интимный замкнутый характер. Теперь единственный дверной проем выводил из него в восточный коридор неправильного очертания размером $11,7 \times 3,3 \text{ м}^2$. Вдоль южной стены центрального помещения, которая изнутри перестала быть абсидальной, устроена суфа или возвышение высотой 0,8 м.

Вначале из восточного коридора можно было попасть в южный, изогнутый по дуге, а затем в два, расположенные анфиладно помещения западного фасада. Ширина помещений 3,8 и 2 м. Из них дверной проем 0,9 м выводил во двор-террасу. Постройка выведена из пахсы (низ стен) и сырцового кирпича размером $47 \times 26 \times 8-9 \text{ см}$ и сохранилась максимально на высоту 2,5 м. Внешняя стена овала сохранила высоту 4,5 м, поверху она шириной 1 м, к подошве расширяется до 1,75 м. От оборонной системы нового здания сохранилось немного, здание не имело башен и трудно сказать, были ли бойницы. В стене комнаты, примыкавшей к террасе, устроена щелевидная прорезь у пола, ко-

торая, безусловно, была не бойницей, а продухом. Примеры таких про-резей известны в раннесредневековых постройках Согда¹⁹.

Юго-восточный заоваленный угол укреплен несколько странным контрфорсом, состоявшим из двух прижатых друг к другу стенок общей толщиной 2,3 м. С юга к нему примыкает торцом еще одна стенка шириной 0,9 м. Между ними небольшая суфа с выступом. Было ли это пристроенное к фасаду здания помещение или только укрепляющие контрфорсы, трудно сказать. Около суфы было обнаружено скопление крупных, специально подобранных по размеру булыжных камней (до 15 см в поперечнике), возможно, служивших для метания. Такое же скопление зафиксировано во дворе-террасе у входа.

К защитным средствам здания принадлежит и пахсовая стена, шедшая вдоль его восточного фасада, в результате чего между ними был образован коридор шириной 1,5—3,5 м. Перед нами, несомненно, выносная стена, протейхизма или фосебрея, которая, как правило, была ниже внешней стены укрепления и сооружалась как первая линия обороны, вал, защищавший подошву основной стены. Возведение протейхизм получило особенно широкое распространение на Востоке с V в. н. э. Наиболее сохранный пример ее в фортификации VII—VIII вв. дают усадьбы Беркуткалинского оазиса Хорезма.

Во дворе-таррасе в период существования описанного здания вдоль крепостных стен был устроен коридор для стрелков открытого характера. Это был своеобразный валганг, не поднятый на крепостную стену, а выведенный на уровне двора, поскольку сам двор был поднят до уровня стрелковых бойниц.

Таким образом, здание четвертого строительного периода имело неплохую крепостную защиту и отличалось несколько необычным планом. Расположение комнат могло отвечать его жилому назначению, но замкнутость центрального помещения с неестественно высокой суфой, коридоры, явно приспособленные для кругового обхода, удерживают от слишком прямого вывода. Напрашивается аналогия планировки в храмовых зданиях Средней Азии²⁰ и прежде всего в храмах огня Ирана²¹.

Здание четвертого строительного периода на каком-то этапе пришло в запустение. Если от времени его функционирования осталось несколько мусорных ям с гумусным заполнением и керамикой, впущенных в нижний строительный горизонт, то от времени запустения сохранилось захоронение, оказавшееся в слое мусора. Погребение осуще-

¹⁹ Г. В. Шишкина. Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом, ИМКУ, вып. 2, Ташкент, 1961, стр. 196.

²⁰ Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма, М., 1958, стр. 100.

²¹ R. Chirshman. Iran des origines a l'Islam, Paris, 1951, стр. 293.

ствлено в подбое ямы, ориентированном Ю-З—С-В. Глубина ямы 1 м, диаметр 1,7 м. Яма спущена до границы XIV и XV ярусов. Положение костей беспорядочное, но сохранность всего скелета очень хорошая. По определению В. Я. Зезенковой, скелет принадлежит мужчине возмужалого возраста, тип долихокранный европеоидный, в основном средиземноморский с некоторыми переходными чертами к типу среднеазиатского междуречья. Примесь небольшой монголоидности возможна за счет проникновений из кочевой степи. Как указывалось, использование здания четвертого периода сопровождалось накоплением мусорных ям. Извлеченный из них керамический материал будет рассмотрен ниже в связи с заметным единообразием керамики из всех строительных периодов.

С границы X и XI ярусов Ак-тепе начинается верхний культурный горизонт, включающий пятый и шестой строительные периоды и соответственно два сооружения, отличавшихся по планировке как от нижних ранних зданий, так и друг от друга. Однако по назначению оба они, несомненно, одинаковы, оригинальны и, как кажется, относятся к разряду языческих капищ, примеры сохранности и обнаружения которых редки в Средней Азии. Благодаря планомерному вскрытию по всей площади удалось целиком расчистить остатки этих сооружений и реконструировать план.

Безусловно, использование руин прежнего здания под новое сооружение диктовалось необходимостью вознести его над поверхностью земли. Старое здание сыграло роль цоколя, на котором новая постройка возвышалась над окружающей территорией на 9—10 м. Кроме того, стены здания четвертого периода были использованы конструктивно. Срезанные, за исключением восточной фасадной стены, до высоты 1,5 м, они вошли в тело пахсовой платформы, а гребешки их в месте старого входа создали постамент площадью $3,5 \times 3$ м, высотой 1,3 м (рис. 33, 1). К северу от этой платформы на месте двора-террасы пристроена по принципу ступеней лестницы еще одна платформа-суфа высотой 0,5 м. Все сооружение обнесено стеной из пахсы, на расстоянии от края суфы 4,1 м. Четко восстанавливается северный фасад здания. В середине суфы прослежена кирпичная кладка (размер сырца $48 \times 27 \times 8-9$ см³), которая возвышалась над ее поверхностью, но четкого края не имела. В западной части суфы накопился значительный слой мусорного завала зеленого цвета с костями животных, часто обгоревшими, золой, фрагментами зернотерок и курантов, черепками глиняной посуды. Встречены фрагменты жаровен с дресвой и «очажной подставки» в виде стилизованной головы, видимо, быка, а также железная крица полусферической формы. Здание с разновысокими платформами и постаментом, огороженными стеной, просуществовало, видимо, недолго. За это время некоторые перестройки были проведены

на восточном фасаде. Утолщается стена второго этажа замка, нависавшая над платформой. На уровень суфы к ней с внешней стороны пристроены две стены, причем последняя выведена выступами-пилонами. Затем мусорные остатки на суфе были залиты мокрой глиной, уровень снивелирован первоначальной возвышенной платформой. В таком виде сооружение стояло некоторое время, на верху его копился завал органических остатков. Затем слой был ровно срезан со всех четырех сторон и к платформе с постаментом пристроена на уровне начала X яруса другая обводная стена с нишами, обращенными внутрь. Стены ниш, торцом прижатые к платформе, имеют шероховатую поверхность. Своими концами они легли на край первоначальной суфы, а ее поверхность стала полом стены с нишами. Глубина ниш — 2—2,5 м при ширине 2—2,3 м. Обводная стена и ниши выложены из пахсы, ширина торцовых стен 1,1—1,4 м.

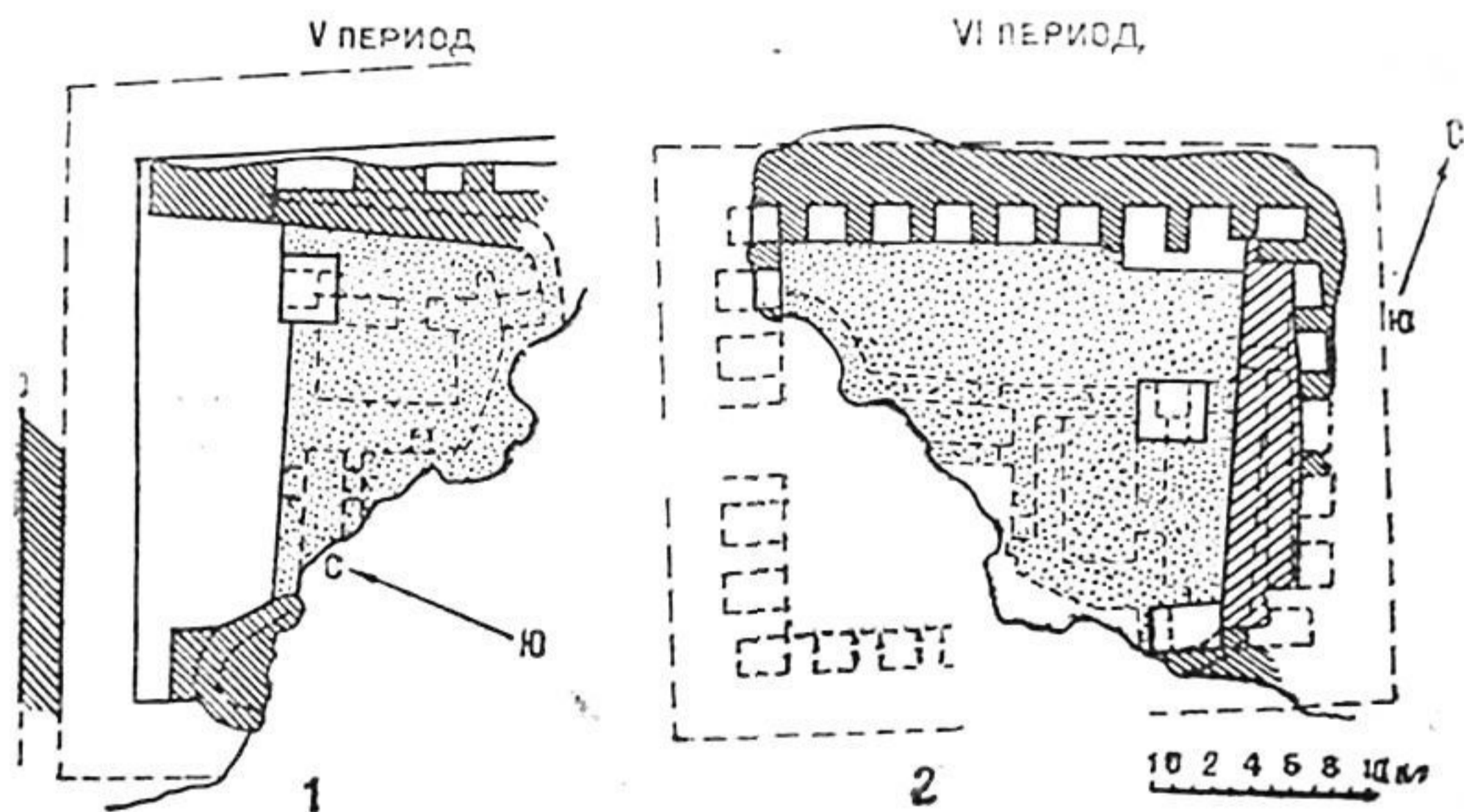

Рис. 33. Планы храмового сооружения Ак-тепе Чиланзарского по строительным периодам.

Полностью сохранился северный фасад здания с семью нишами и угловыми помещениями размером $2,7 \times 1,9$ м и восточный с пятью нишами. На обрывах бугра расчищены также остатки двух ниш западного фасада и одной ниши южного. Благодаря этому реконструируется общий план нового сооружения и размеры его (рис. 33, 2). Остается неясным лишь место входа, который можно предполагать на западном или южном фасаде. Размеры всего здания порядка $38-37 \times 26-27$ м, размеры самой платформы с постаментом 26×21 м².

В таком виде сооружение функционировало долго, пережив, однако, пять перестроек, в результате каждой из них оно сохраняло первоначальную планировку. Лишь при четвертой перестройке ниши стали более широкими айванами шириной до 5,5 м. Столь частые перестройки можно объяснить тем, что на платформе вокруг постаментов нарастал слой органических остатков с костями, кусками зернотерок и керамикой, его заливали глиной, поверхность поднималась и возникала необходимость поднять уровень пола в нишах. Накопив-

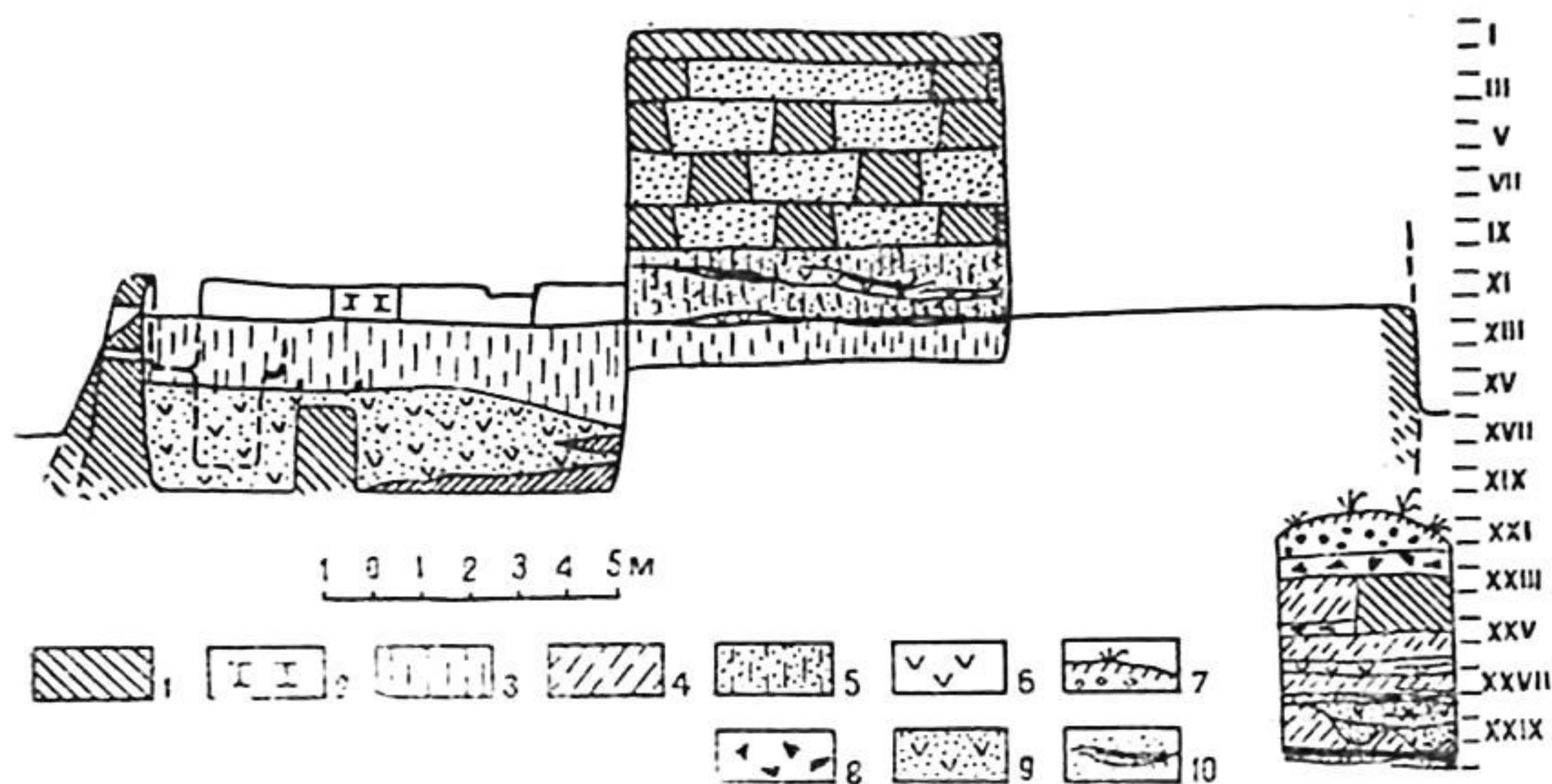

Рис. 34. Разрез III Ак-тепе Чиланзарского:

1—пахсовая стена; 2—сырцовая кирпичная кладка; 3—плотная глиняная забивка; 4—рыхлый завал; 5—глиняная забивка с примесью золы; 6—слой сгнившего органического мусора; 7—слой разрушения стен и оплыва; 8—культурный слой с большим включением керамики; 9—гумусный слой с примесью золы; 10—зольно-угольная прослойка.

шиеся завалы не выбрасывались, а срезались по краям и превращались в новую платформу, к которой пристраивалась новая стена с нишами, расположенными по отношению к предыдущим в шахматном порядке (рис. 34). Причем под новую стену подкладывался ряд камыша.

Характер органического завала всегда одинаков, как и материалы. Лишь в VII ярусе найдены два крупных налета в виде головок баранов с круто завернутыми рогами и фрагмент перламутровой раковины океанского происхождения. В IV ярусе из этого завала извлечена медная монета с квадратным отверстием, отнесенная М. Е. Массоном к чекану тюргешей. На одной стороне изображена их тамга в виде лука без тетевы и стрела, на обратной—согдийская надпись гласит:

«государя тюргеш кагана деньга»²². Подобные китаевидные монеты, но с надписью по-согдийски начали чеканиться у тюргешей с 709 г. и ходили на протяжении всего VIII в. вплоть до подчинения арабам. Эти монеты, обычно меньших размеров, часто находились на территории Южного Казахстана и Северной Киргизии, встречены в Пенджикенте. В Шаше наша находка — пока первый случай обнаружения монет подобного типа.

Как уже отмечалось, керамический материал верхнего культурного горизонта идентичен посуде, извлеченной из нижних культурных слоев, связанных с функционированием раннего замка. Это обстоятель-

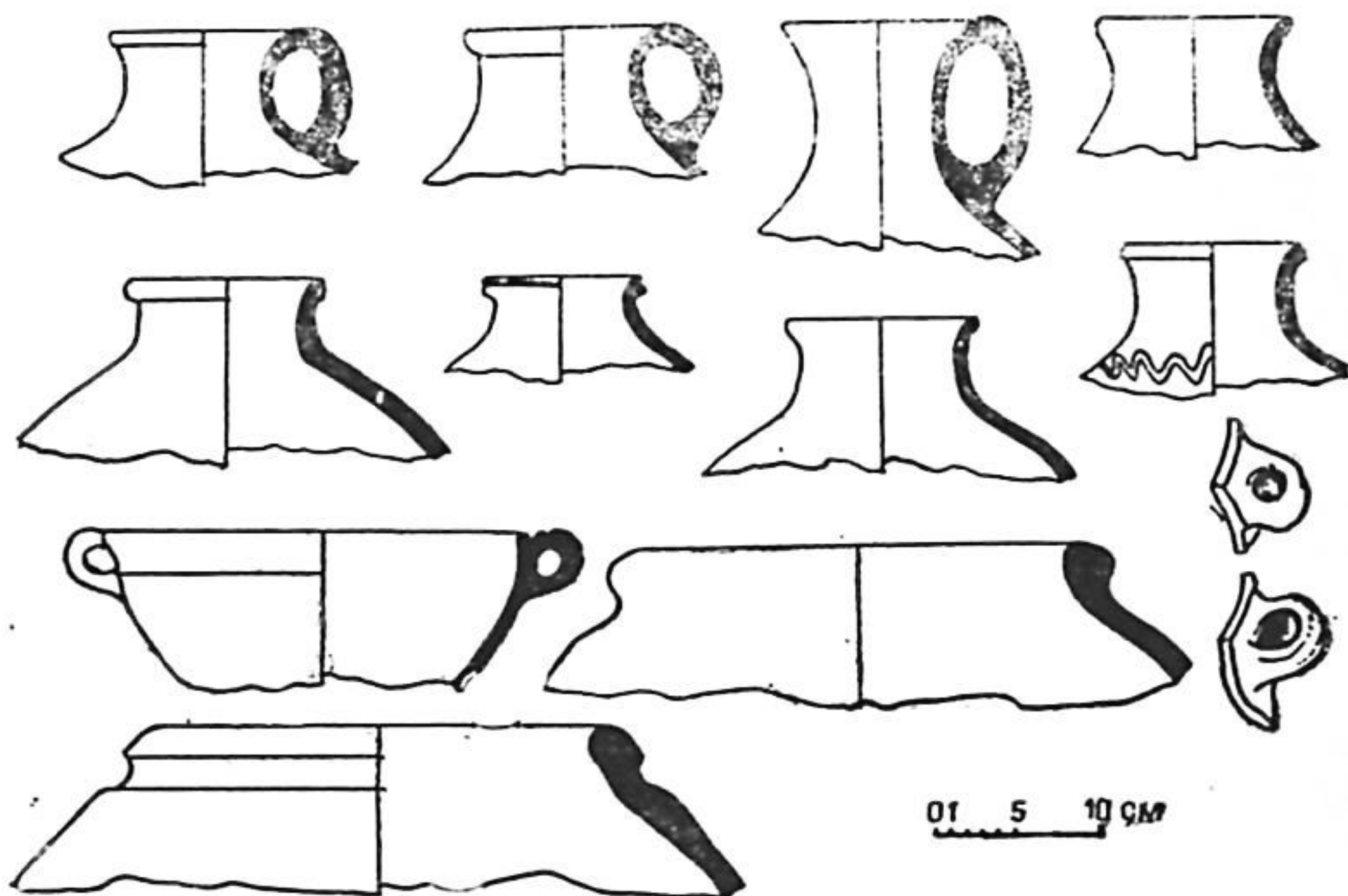

Рис. 35. Керамика V—первой половины VIII в. н. э. с Ак-тепе Чиланзарского.

ство не позволяет проследить эволюцию форм и вместе с тем помещать смену архитектурных сооружений Ак-тепе в слишком растянутый временной период. Встреченная на раскопе посуда делится на сосуды ручной лепки и сосуды с гончарного круга. К сосудам ручной лепки, которых большинство, относятся кувшины, горшки, грушевидные кружки, котлы, жаровни. Самый многочисленный материал — кувшины — делится по форме на три группы: 1) с ярко выраженной широкой горло-

²² По определению нумизмата Т. Ерназаровой, это монета тюргешей VIII в.

виной, 2) с горловиной раструбом вверх, 3) грушевидные с плавно расширяющейся вниз горловиной (рис. 35). Венчик обычно простой, слегка отогнутый или с одной бороздкой по краю. Все кувшины этого типа с раздутым туловом, широким поддоном, со следами песочной подсыпки и одной ручкой овальной формы. Другой тип кувшинов—узкогорлые, менее распространенные в комплексе. Закраина их иногда загнута внутрь и несет три бороздки. В тесте кувшинов, обычно розового или сероватого цвета, отмечаются крупинки слюды, снаружи светлое или красное покрытие, есть бурые потеки. Кружки плавной грушевидной формы с овальной ручкой часто несут налест в виде фигурки барашка. В раскопе из разных ярусов встречены налесты в виде барашков, выполненные с разной степенью стилизации. Есть фигурки с рогами в форме улиток, восьмерки, иногда рожки лишь угадываются в рельефе или головка вообще передана бугорком. Тем не менее не удалось уловить стратиграфической последовательности залегания налестов, ибо во всех горизонтах они встречены вместе. Благодаря находке монеты в верхнем горизонте можно лишь отметить, что посуда с зооморфными налестами была в ходу у насельников Ак-тепе вплоть до второй половины VIII в. н. э., что позволяет датировать этим временем последний этап Каунчинской культуры.

Найденные в раскопе котлы сформированы из пористого теста с большой примесью дресвы. Они отличаются округлой формой и имеют по две вертикальные овальные ручки. Есть и сосуды с горизонтальными ручками, на плечиках и тулове часто нанесен лепной валик с насечками. Крышки к ним плоские, дисковидные, со сквозной или выступающей бугорком ручкой (рис. 36). Поверхность крышек обычно украшена пунсонами и насечками. Есть и массивные крышки, видимо, для хумов, с вдавленным орнаментом типа елки или стилизованного дерева. Сами хумы овального очертания формировались обычно на подсыпке или ткани простого переплетения.

Керамика с круга: кувшины, миски, чаши, корчаги, хумчи, курильницы, вазы, тазы. Кувшины с круга отличаются большей тонкостью. Цвет черепка в основном розовый и желтовато-серый, но есть и красный. Поверхность ангобирована, иногда имеет следы лощения. Кувшины и кружки с круга грушевидной формы с двумя ребрами по краю, ручка овальная, ленточного сечения. Миски в основном глубокие с простым прямым краем или двумя ребрами по краю, между которыми процарапан волнистый орнамент, есть фрагменты мисок с загнутым внутрь бортиком. Чаши большие варьируют в типах. Наряду с чашами с перегибом стенки посередине или ближе к краю, известные в комплексе керамики Каунчи, есть чаши с фигурно загнутым внутрь краем или, наоборот, отогнутым наружу с варьирующим профилем (рис. 37).

Очень интересна группа сосудов, которые мы отнесли в разряд ваз с двумя вертикальными ручками, верхней частью своей напоминающие кратер.

Большую группу керамики составляют корчаги обычной округлой формы со слегка отогнутым краем. Плечики сосудов украшены процарапанным волнистым орнаментом и налепами кружочков (рис. 38). Встречен фрагмент корчаги со сливом на стенке в форме стилизованной морды барана с глазами и огромными закругленными рогами.

Отдельную группу посуды составляют тазы большого диаметра (до 47 см) с двумя вертикальными или горизонтальными ручками, украшенными иногда по краю волнистым налепом и вмятинами над ручкой.

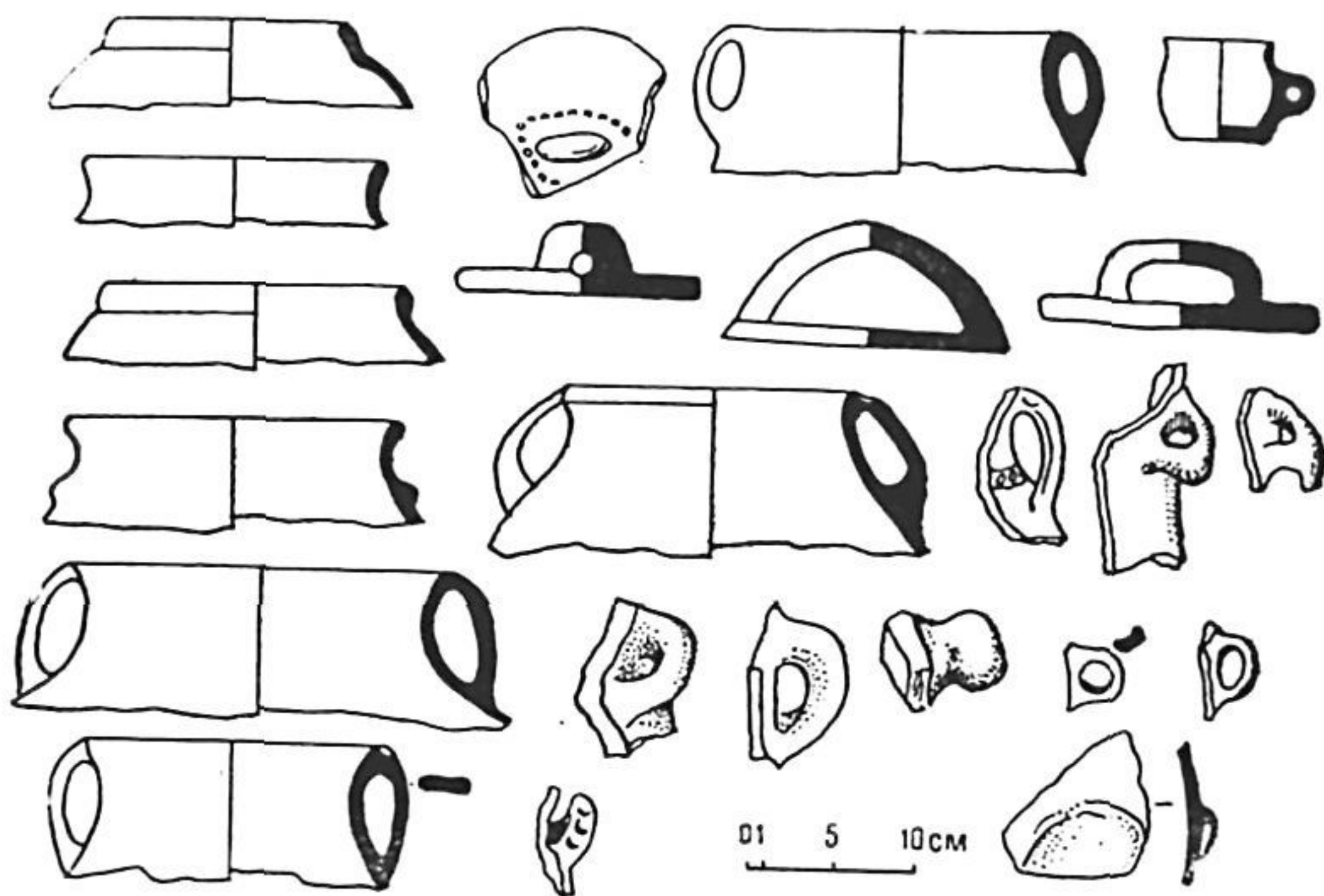

Рис. 36. Керамика V—первой половины VIII в. н. э. с Ак-тепе Чиланзарского.

Примечательны курильницы, извлеченные из верхнего культурного слоя. Сделанные на круге, они имеют форму башни со стрельчатыми прорезями. Эти культовые предметы, довольно широко распространенные в Средней Азии в период раннего средневековья, использовались и в Шаше.

Как видно из описания, керамика Ак-тепе принадлежит к культуре Каунчи. Лепные кувшины, чаши близки посуде верхнего горизонта

городища Шаушукум-тобе на Чардаре, датированной VI—VIII вв. н. э.²³, а также инвентарю Бурджарских могильников и курганов близ станции Вревской²⁴. Однако следует отметить, что самый массовый материал

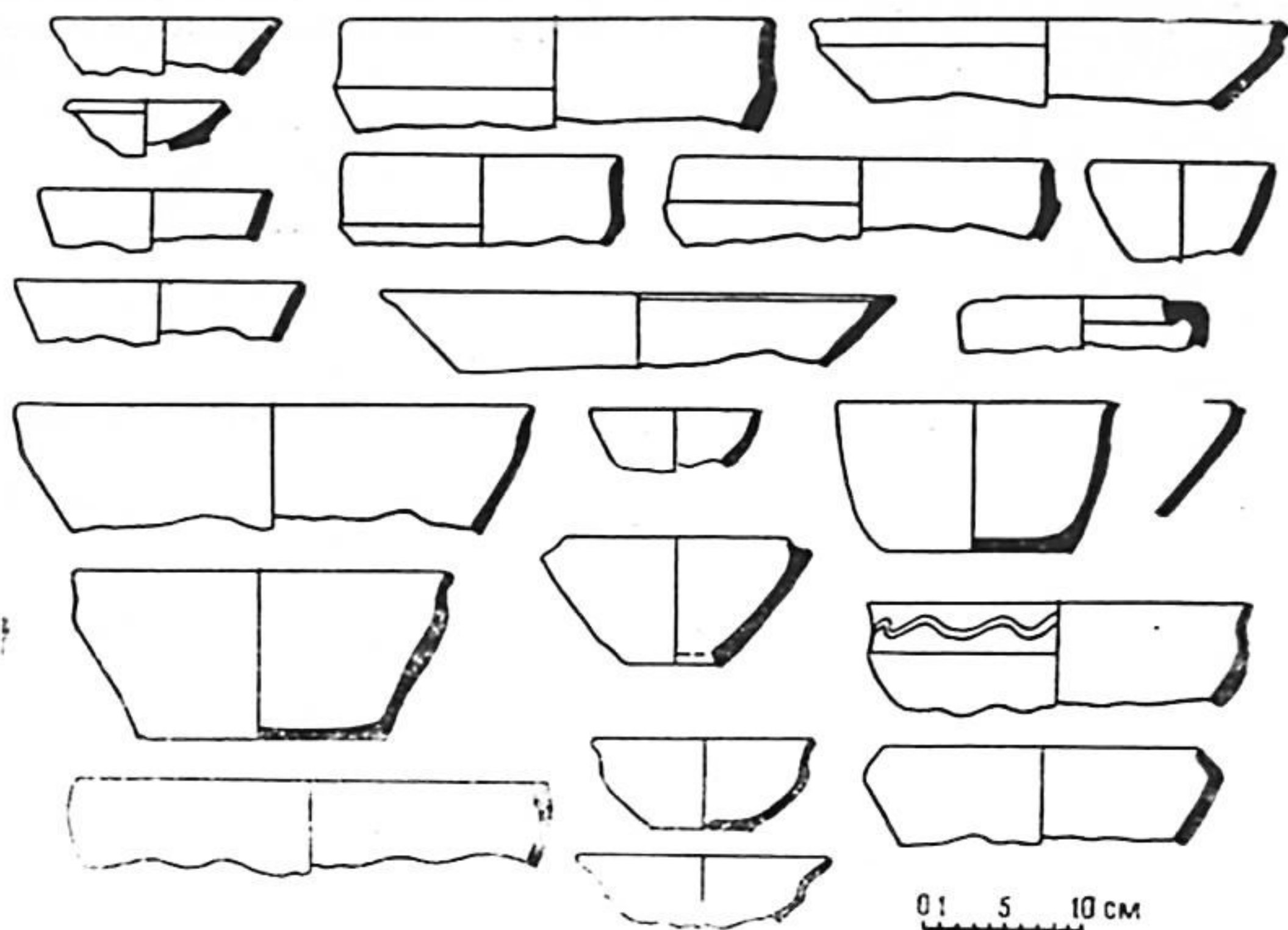

Рис. 37. Керамика V—первой половины VIII в. н. э. с Ак-тепе Чиланзарского.

Ак-тепе — кувшины с широким горлом — отсутствует в верхнем горизонте Шаушукум-тобе и, наоборот, внесен в таблицу как отличительный признак керамики IV—V вв. н. э.

Среди керамического материала Ак-тепе особняком стоит фрагмент глазурованного сосуда. Это фрагмент тулова небольшого кувшинчика без горловины и дна, цвет черепка в изломе красноватый, видны ребра — следы гончарного круга. Изнутри сосуд покрыт безангобной глазурью, которая на черепке приобрела цвет темной охры. Снаружи ирризованное глазурное покрытие. Залегание сосуда в яме с керамикой типа позднего Каунчи (лепными кувшинами с широким поддоном, гру-

²³ А. Г. Максимова, М. С. Мерщнев, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Древности Чардары. Алма-Ата, 1968, стр. 116.

²⁴ Т. Агзамходжаев. Раскопки погребальных курганов близ станции Вревской, ИМКУ, вып. 2, Ташкент, 1961, стр. 235.

бой чашей с простым венчиком), перекрытой полом здания четвертого периода, исключает его случайное позднее попадание в слой. Остается отнести его к VII—VIII вв. н. э. Сосуд с Ак-тепе—второй пример находки в Ташкенте столь раннего поливного изделия. Первым был ритон с рельефным изображением быка, обнаруженный в раннесредневековом слое Ханабада.

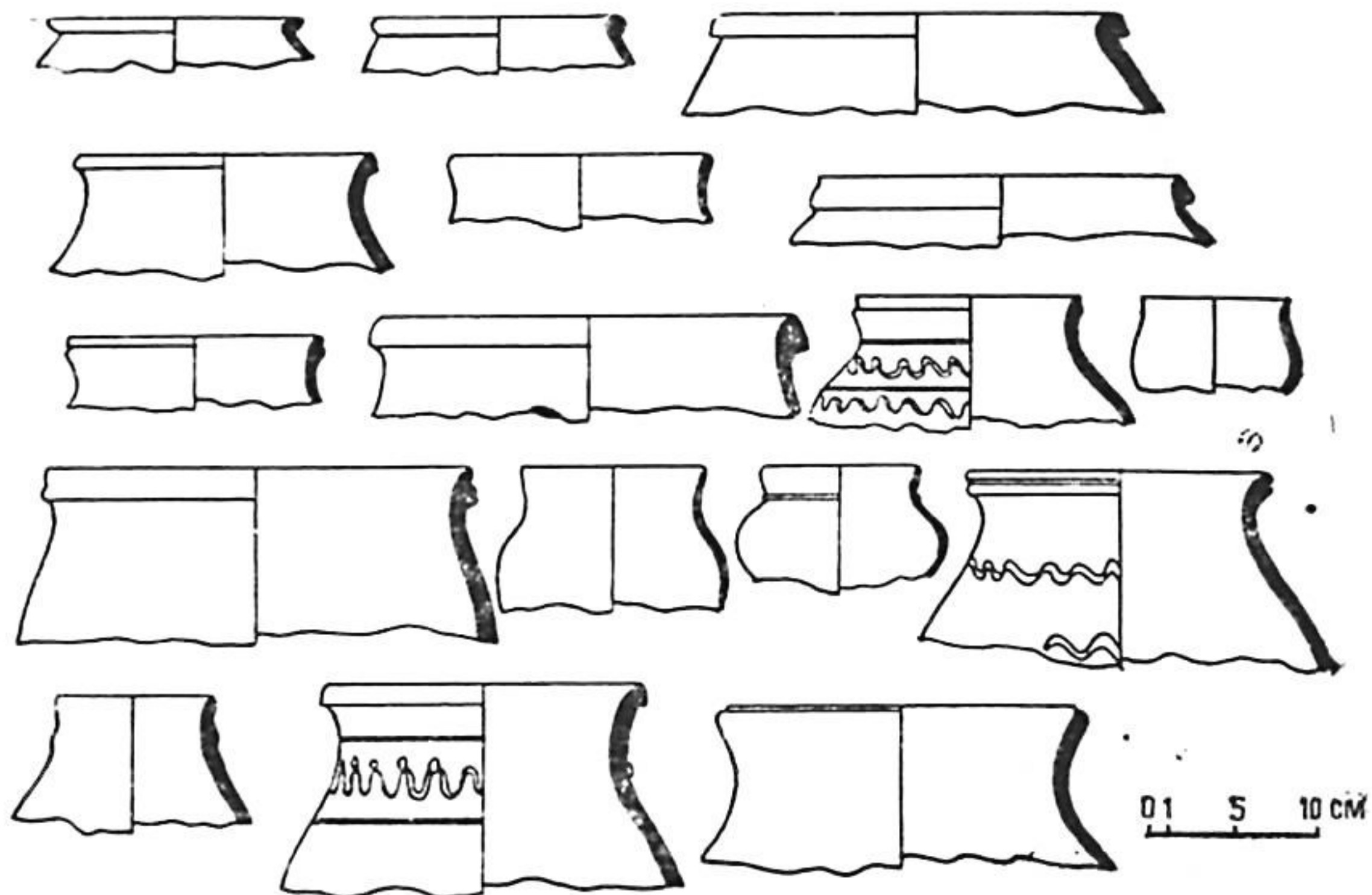

Рис. 38. Керамика V—первой половины VIII в. н. э. с Ак-тепе Чиланзарского.

Обнаружена некоторая близость керамики Ак-тепе материалу Беркуткалинского оазиса. Это касается сосудов с зооморфными налпами и особенно оригинальной формы—тазов с двумя ручками и волнистым налипным валиком, которые датированы там VII—VIII вв. н. э.²⁵ Наряду с несомненным сходством актепинской посуды с керамикой средних слоев Минг-Урюка следует отметить полное отсутствие в ней кружек с петельной ручкой типа пенджикентских, типичных в самом Ташкенте для посудного набора кешка Ак-тепе у абразивного завода. В этом плане наша керамика проявляет больше сходных черт с материалом

²⁵ Е. Е. Неразик. Указ. соч., рис. 20.

саларской группы памятников, представляясь нам комплексом, полнее всего воплотившим в себе черты позднего Каунчи в ташкентском варианте, и укладывается в период V—VIII вв. н. э.

✓ В этот отрезок времени укладываются и все шесть строительных периодов Ак-тепе Чиланзарского. Принимая во внимание стратиграфию залегания строительных остатков, кажется возможным замки и усадьбу нижнего горизонта, I—IV строительные периоды, датировать V—началом VII в. н. э., а верхний горизонт, V—VI периоды, VII—серединой VIII в. н. э.

Как указывалось выше, в верхнем горизонте расчищены два последовательно сменявших друг друга сооружения: первое — состоящее из двух разновысоких платформ с постаментом, окруженное простой пахсовой стеной; второе — состоящее из одной платформы с постаментом, окруженной стеной с нишами. Исходя из характера керамического материала, можно считать их чисто местными, принадлежавшими каунчинцам.

Судя по одинаковому характеру культурного накопления на платформах, оба сооружения имели одинаковое специфичное назначение. Если в смене одного здания другим можно видеть отражение поисков планировки, лучшим способом отвечавшей назначению сооружения, то в пяти строительных периодах второго, возможно, отразилось утверждение подходящего типа и известная стандартизация планировки общественного сооружения подобного целевого назначения. Здесь мы имеем дело с такой же, видимо, стандартизацией плана, какая имела место в последующее время при выработке планировки мечети, медресе, караван-сарая. В аспекте истории сложения этих типов культовых и светских сооружений планировка нашего здания выглядит весьма симптоматично. Не вдаваясь в подробности этого вопроса, отметим, однако, прием возведения замкнутой стены с нишами, галереей, айванами, отгораживающей от внешних взглядов происходящее внутри действие, характерный для культовых построек различных религий, будь то буддизм или ислам, за исключением зороастризма. В последнем храмы огня отличались большей замкнутостью. Здание же на Ак-тепе, судя по его размерам, не имело сплошного перекрытия, перекрыты были лишь ниши и угловые комнаты. Платформы и постамент находились на открытом воздухе. Назначение здания имело общественный характер. Возвышаясь над окружающей поверхностью на 9—10 м, здание стояло одиноко, вдали от города и крупных селений. Размеры же здания значительны, оно предназначалось для церемоний с участием большого числа народа, который собирался сюда специально, видимо, по большим праздникам. Обнаруженный на платформах археологический материал состоит из большого количества костей крупных и мелких животных, разбитой посуды каунчинского облика, каменных зерноте-

рок и курантов. Все это найдено в зеленоватых гумусных слоях и золе.

Культовое назначение здания на Ак-тепе представляется наиболее вероятным. Как было отмечено, планировка здания уникальна, что не дает возможности сравнить его с вскрытыми храмовыми постройками периода раннего средневековья на территории Средней Азии и в сопредельных странах. Тем не менее имеются некоторые признаки, проливающие свет на назначение храма. До нас дошло весьма лаконичное описание храма и церемонии поклонения. «Во владении Ши по юго-восточную сторону резиденции есть здание, посреди которого поставлен престол. В 6-е число первой луны поставляют на этом престоле золотую урну с пеплом сожженных костей покойных родителей владетеля, потом обходят кругом престола, рассыпая пахучие цветы и разные плоды. Владетель с вельможами поставляет жертвенное мясо. Вельможи и прочие садятся... и по окончании стола расходятся»²⁶. Из приведенного текста явствует, что обязательной принадлежностью храма предков был постамент, вокруг которого можно было обходить, а составной частью обряда — жертвоприношения духам и ритуальная трапеза. В описании постамент служит для установки золотой урны с прахом почитаемых предков. Есть сведения, что на постамент или трон ставились также глиняные оссуарии с костями и им поклонялись. Причем над оссуариями укреплялся балдахин. Поклонение оссуариям в Согде и Хорезме могло сливаться с ритуалом годовых празднеств, посвященных духам предков²⁷.

По сведениям Беруни, в Хорезме десятидневный праздничный цикл в честь духов предков сливался с другим праздником — науруза, праздником весны, воскресающей природы. Таким образом, есть пример того, как праздники в честь духов предков сливались с древним аграрным праздником умирающей и воскресающей природы, прославлявшим в Средней Азии Сиявуша, так же как на Древнем Востоке Озириса и Таммуза²⁸.

По данным археологических раскопок и письменных сведений можно установить основные элементы ритуала этого праздника для различных областей Средней Азии—выставление урны, приношение жертвенной пищи духу умершего, ритуальную трапезу и плач с самоистязанием. С культом умерших связано поклонение Солнцу. Этот древний культ, прошедший длительную эволюцию, оказался связанным со среднеазиатским божеством Сиявушем. Такая связь должна была придать некоторым ритуалам праздника в честь духов умерших

²⁶ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, М.—Л., 1950, стр. 272.

²⁷ Ю. А. Раппопорт. Из истории религии древнего Хорезма, М., 1971, стр. 121.

²⁸ М. М. Дьяконов. Образ Сиявуша в среднеазиатской мифологии, КСИИМК, вып. XI, М., 1951, стр. 51.

и Сиявуша астральный характер. Раннесредневековые источники подчеркивают, что церемонии поклонения Сиявушу, «духам предков» проходили под открытым небом. В Бухаре, согласно Наршахи, они совершались у могилы Сиявуша²⁹. Видимо, в связи с широким распространением культа, в Средней Азии было несколько могил Сиявуша. По замечанию В. Н. Ягодина в Средней Азии, очевидно, существовала устойчивая традиция строительных культовых сооружений, посвященных Сиявушу³⁰.

Приведенные сведения позволяют предположить, что в Шаше, где, несомненно, был широко распространен культ духов предков и который мог оказаться той областью, где согласно мифологии, был убит Сиявуш, должно было существовать культовое место, очаг его поклонения. Если письменные сведения прямо указывают на существование храма предков при резиденции правителя, то, возможно, было и более крупное святилище, куда ежегодно стекались на поклонение дикане и простой народ для того, чтобы почтить священного «отрока» и своих умерших. Не был ли таким центром «храм» Ак-тепе? Не с остатками ли грандиозных жертвенных трапез столкнулись археологи на платформе, остатками, которые нельзя было выбрасывать и потому, когда уровень поднимался и нельзя было опуститься на пол в нишах, шли на то, что возводили стену с новыми нишами на утрамбованных остатках прежней. Не был ли открытый постамент местом поставки почитаемых оссуариев или урн, не хранились ли в нишах приношения или эти самые урны? И, наконец, не потому ли храм был открытым, что на церемониях должно было присутствовать солнечное божество? И еще один примечательный факт—многочисленные находки среди органических остатков зернотерок, курантов и их фрагментов. Не предназначались ли они для растирания ритуального проросшего зерна (ячменя), которым причащались участники церемоний? Подобный обряд проращивания зерна, связанный с поклонением Озирису, вошел и в пасхальный ритуал христианства. В далеком прошлом у киргизов духам умерших приносили ячменный напиток³¹. Все эти вопросы встают перед исследователем оригинального здания на Ак-тепе и, возможно, будут разрешены с новыми открытиями среднеазиатской археологии.

Когда же был заброшен «храм» и в силу каких причин? Раскоп дает некоторые ответы на эти вопросы. На южном фасае платформы обнаружены вырубленные в кирпичной кладке ямы и ниши с захоронениями человеческих костей. В одной наиболее сохранной нише расчищено

²⁹ Мухаммед Наршахи. История Бухары, Ташкент, 1897, стр. 33.

³⁰ В. Н. Ягодин, Т. К. Ходжайов. Некрополь древнего Миздахкана, Ташкент, 1970, стр. 142.

³¹ Б. А. Литвинский. Погребальный обряд древних ферганцев в свете этнографии, Известия АН ТаджССР, Серия обществ. наук, 3, Душанбе, 1968, стр. 43.

захоронение костей трех скелетов, крупные кости сложены внизу и прикрыты тремя черепами. В одном найден железный трехлопастной черешковый наконечник стрелы. При плохой сохранности черепов (один определен В. Я. Зезенковой как принадлежавший женщине возмужалого возраста) трудно сказать, был ли наконечник причиной гибели погребенной или положен в качестве оберега. Такой обряд известен в Хорезме в зороастрийских погребениях некрополя Миздахкана³². Там же зафиксировано погребение костей в грунтовых ямах без оссуария. Однако такой тип погребения зороастрийцев в Средней Азии очень редок. В Ташкенте это первый случай.

Погребение в кладке платформы, безусловно, свидетельствует о забросе храма, который произошел, видимо, во второй половине VIII в. н. э. Когда после ряда походов арабов в Шаше утвердилась их власть, языческие храмы были закрыты. Однако на примере нашего храма видно, что это произошло не сразу, прежняя религия еще была сильна и «храм» выжил. Лишь после окончательного заброса поклонники прежней религии использовали его как наус для безоссуарного погребения. Использование заброшенных поселений, городских стен, отдельных зданий под некрополь для оссуариев широко известно в Средней Азии³³. В Шаше мы столкнулись с тем же обычаем, но без оссуариев.

В X—XII вв. вокруг бугра с руинами древнего «храма» раскинулось поселение. Керамика этого времени встречена рядом с холмом, особенно в обрыве каньона арыка Зах. На самом же бугре обнаружены ее единичные фрагменты и не встречено вверху никакого культурного слоя этого времени, за исключением признаков случайного пребывания человека (небольшого очажка из жженных кирпичей).

Этим подтверждается наблюдение, сделанное при рекогносцировочном обследовании тепе Ташкента: средневековые, поселения разрастаются у подножия раннесредневековых руин, не захватывая их или используя их под кладбище.

В процессе раскопок Ак-тепе Чиланзарского выявлен ряд стратиграфических и историко-топографических моментов, подкрепляющих некоторые результаты разведочного обследования тепе Ташкента. Прежде всего зафиксирован тот факт, что возникновению фундаментального архитектурного сооружения предшествовало поселение, от которого, кроме пахсовых стен домов, остался характерный слой золы и углей, перемеженный мусорными прослоями. Подобное явление, отмеченное и на Кугаит-тепе, Кафтар-тепе, Фазыл-тепе, видимо, отражает особен-

³² В. Н. Ягодин, Т. К. Ходжайов. Указ. соч., стр. 153.

³³ С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., ТХАЭЭ, т. II, 1958, стр. 161; Г. В. Шишкина. Указ. соч., стр. 218.

ности экономики поселений каунчинцев и в какой-то мере бурную политическую обстановку столкновений различных кочевых племенных образований в IV—V вв. н. э., предшествовавшую созданию в середине VI в. н. э. Тюркского каганата.

Тревожное время отчасти было причиной стремления укрыться за мощными стенами замков, но сами они, подобно нижнему зданию Ак-тепе, часто погибали в огне.

Относительная стабилизация могла наступить не раньше создания крупного племенного объединения, каким был Тюркский каганат, который в VI в. нанес решительное поражение эфталтам³⁴ и распространил, видимо, свою политическую гегемонию на область Шаша.

Когда после распада каганата возник Западнотюркский каганат, объединивший обширные территории степей Казахстана и некоторые земледельческие области Средней Азии и достигший в начале VII в. н. э. наивысшего могущества, в Шаше сложились наиболее благоприятные условия для подъема экономики и строительства.

Большое количество тепе, скрывающих под собой руины укрепленных усадеб или отдельных замков, зафиксированных в Ташкенте, свидетельствует о том, что в долине Чирчика подобно другим областям Средней Азии шел процесс становления раннефеодальных отношений с характерным классовым расслоением и явственным выделением дикханской верхушки.

На примере раскопок Ак-тепе Чиланзарского видно, что уже V в. н. э. был для Шаша временем строительства усадеб и замков. Примерно в это же время на золистых слоях Кугаит-тепе вырастает шахристан, тесно застроенный сырцовыми домами с толстыми стенами, а также цитадель на берегу Салара. Возникает укрепленный дом — массив на Фазыл-тепе.

Подчинение сильной власти обеспечивало безопасность мирного земледельческого и ремесленного труда и караванной торговли, условия для которой были особенно благоприятны в Шаше благодаря соседству с кочевой степью — постоянным рынком сбыта продукции земледельцев и ремесленников. В этом, видимо, одна из причин, благоприятствовавших возникновению городов. Кроме Кугаит-тепе к разряду зарождавшихся феодальных городов относятся Минг-Урюк, Кулак-тепе.

С VI в. н. э. отмечается экономический подъем также Согда, Уст-рушаны, Тохаристана и других областей Средней Азии. В рамках Тюркского каганата сложилась относительно безопасная обстановка для передвижения купцов, ремесленников, для установления всякого рода связей — торговых, культурных, технических и дипломатических. Видимо, как отражение общей ситуации того времени возникло явле-

³⁴ Л. Н. Гумилев. Древние тюрки, М., 1967, стр. 41.

ние, получившее в научной литературе название «согдийская колонизация» — создание торгово-ремесленных согдийских факторий на пути в Семиречье. Шаш был областью, через которую эти пути пролегали и, безусловно, здесь должно было ощущаться некоторое влияние согдийской культуры. Возможно было даже создание здесь и самих факторий в пунктах на главном торговом пути и у переправ через главные реки Сырдарью и Чирчик. Безусловно, воспринимать влияние согдийской культуры как механическое перенесение ее элементов было бы примитивно. Это — скорее процесс инфильтрации и ассимилирования, возможно, ощутимый и на территории самого Согда. Некоторым доказательством того, что Шаш был своеобразным узлом торговых связей, по нашему мнению, могут служить находки глазурованной керамики в комплексе посуды позднего Каунчи.

На примере рассмотрения архитектурных и строительных приемов зданий Ак-тепе Чиланзарского и Ак-тепе у абразивного завода видно, что в Шаше зодчие владели ими в той же степени, что и в других областях Средней Азии. Защитные средства замков Шаша стояли на уровне зданий своего времени, вместе с тем здесь мы наблюдаем повышенную заботу об обороне, что больше всего роднит шашскую фортификацию с Хорезмом. Обе эти области были в равном положении в смысле пограничного расположения с кочевой степью, потенциальным источником набегов и разрушений.

Большинство замков и укрепленных усадеб приходят в упадок к концу VIII в. н. э. Актепинский «храм» также перестает функционировать и используется в качестве науса. Во многом этому способствовали политические события: вторжение арабов в Среднюю Азию и усилившаяся межплеменная борьба у степных скотоводов, в ходе которой складывались новые союзы кочевых племен, сменившие Тюркский каганат.

Владелец Шаша с «его тюрками» участвовал в борьбе с арабскими завоевателями, которую вели жители Согда и Уструшаны. В 712 г. объединенные силы из шашских, ферганских и тюркских воинов были разбиты Кутейбой. Затем последовали походы арабов в Шаш, принесшие области большое разорение. По мнению многих историков, Шаш не был присоединен к халифату, хотя и понес большой урон в результате набегов.

Возрождение жизни и экономики в долине Чирчика в IX в. связано с другими по характеру поселениями, которые хоть и складывались иногда около раннесредневековых руин, но не затрагивали их. Новые формы социально-экономических отношений поднимающегося феодализма породили новый тип поселения, не защищенного стенами, что характерно и для других областей Средней Азии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Древний культурный субстрат, который лежит в основе городской и сельской культуры Шаша, или уже — части долины Чирчика, вошедший в состав «Большого Ташкента», составляет каунчинская культура.

Исследуемый нами район расположен на стыке земледельческой ойкумены и кочевой степи. Такое расположение влияло на хозяйственный уклад и обмен культуры, господствовавшей не только в рассматриваемые, но и в последующие времена. Археологические исследования объектов Минг-Урюк, Ак-тепе, Ханабад и рекогносцировочные обследования памятников названного района позволяют определить, что древнейшим этапом являлась культура Каунчи-2 (IV—V вв.).

По характеру материальной культуры насельниками поселений IV—V вв. на территории Ташкента были земледельцы, в хозяйстве которых значительную роль играло скотоводство. Поселения группировались по естественным протокам — Салару, Карасу и по саям, питавшимся подпочвенными водами (Иззасай, Зах), и были сосредоточены преимущественно в восточной и южной частях современного города.

В развитии поселений намечаются некоторые урбанистические тенденции, о чем свидетельствует выделенная в нижних слоях культура Минг-Урюка, культура поселения городского типа, общим обликом и более высоким уровнем техники несколько отличающаяся от Каунчи-2.

Окраинное положение области Шаш и наличие горнодобывающих промыслов во многом определило развитие ее экономики. Благоприятные для торговли условия, осложненные, однако, напряженной политической обстановкой, видимо, в значительной степени ускорили рост укрепленных поселений и главным образом — рождение городов.

Есть основания считать, что в VI в. на месте старых поселений вырастают укрепленные стенами поселения общин, крупные усадьбы с кешками, что свидетельствует о быстром становлении феодальных отношений с характерным классовым расслоением и выделением диккан-

ской верхушки. Этому способствовала и относительная стабилизация политической обстановки, создавшаяся в результате возникновения большого союза кочевых племен Тюркского каганата, объединившего под своей эгидой области Средней Азии, контролируемые ставленниками кагана. Создание сильной политической власти благоприятствовало развитию экономических связей и взаимопроникновению культуры. Именно для этого времени в научной литературе отмечено возникновение торгово-ремесленных факторий, созданных выходцами из центральных районов Средней Азии. Долина Чирчика, видимо, не была в стороне от этого процесса, который больше всего проявился в пунктах, возникших на торговом пути из Согда в Семиречье.

В VI — начале VIII в. отмечается уже расцвет городской культуры на территории Ташкента, о чем свидетельствует создание на Минг-Урюке мощных фортификационных сооружений, дворцового и культового комплексов и интенсивная застройка шахристана.

Несмотря на исчезновение древнего микрорельефа, удалось установить отсутствие ремесленного пригорода. Видимо, окрестности города были использованы под полевые и огородные угодья горожан. В округе города были разбросаны замки-кешки дихкан, из которых по облику материальной культуры только Ак-тепе у абразивного завода более сходно с Минг-Урюком, а другие — Ак-тепе Чиланзарское и Фазыл-тепе — с культурой позднего Каунчи. Каунчинцами же был сооружен культовый комплекс на Ак-тепе Чиланзарском, к которому тяготело окрестное население.

Все строительно-архитектурные приемы исследованных сооружений — городская фортификация, планировка и конструкции, декоративная обработка интерьеров, характер ремесленной продукции — позволяют говорить о высоком уровне культурной и материальной жизни Шаша, о взаимовлиянии и взаимодействии оседло-земледельческой и кочевническо-скотоводческой культур. Вместе с тем здесь ощущается большая культурная общность с такими областями, как Хорезм, Фергана, Уструшана, Согд.

Судя по археологическим исследованиям, в VIII в. раннесредневековые поселения и замки приходят в упадок. Опустел храм на Ак-тепе, в огне пожарищ погибли город и дворцовый комплекс Минг-Урюка. Эти изменения, несомненно, результат крупных экономических и политических событий в жизни области. К этому времени фиксируется уничтожение власти Тюркского каганата, усиление межплеменной борьбы степных скотоводов, возникновение новых межплеменных союзов кочевых племен, создавших реальную угрозу оседлой жизни оазиса с севера. Внутри оазиса идет процесс усиленной феодализации, сопровождающийся ростом и укрупнением городов, уменьшением числа феодальной аристократии и усилением могущества отдельных ее представителей,

под властью которых оказываются мелкие феодалы и масса крестьянского населения. Эти «магнаты» становятся некоронованными правителями, резидирующими в городах, под властью которых оказывались огромные области. Видимо, таким феодалом был правитель Шаша со своими тюрками; он отправляет посольства в Согд, участвует в политических коалициях с правителями других областей.

Раздробленность Средней Азии на отдельные области способствовала легкому продвижению арабских завоевателей. Шаш в союзе с Согдом, Уструшаной и Ферганой пытается противостоять арабам, но после разгрома объединенных сил в 712 г. становится ареной многолетних походов арабов, принесших разорение его городам и поселениям.

Эти события и отразились в стратиграфии раннесредневековых памятников Ташкента.

Номинально войдя в халифат, Шаш стал играть роль буферной области, где постоянно возникали очаги антиарабских выступлений. В результате приходит в упадок экономика, и в течение VIII — начале IX в. окончательно пустеют раннесредневековые поселения, усадьбы и города.

Новый экономический подъем области начинается со второй половины IX в. Возобновляется жизнь старых городов (Нуджкет) и возникают новые (Бинкет). В IX—X вв. появляется также большое количество поселений и феодальных усадеб. Происходит бурный рост экономики и торговли, углубление специализации и дробление ремесел, развитие технологии ремесленного производства, чему особенно способствовало последующее вхождение Шаша в единую империю Саманидов.

Археологические материалы отмечают не только развитие и насыщенность ремесленным производством рабадов самого Бинкета, но и возникновение вокруг него своеобразных ремесленных факторий—спутников на основных торговых путях. Став крупным центром межобластной торговли, город Бинкет оставался таковым и на протяжении XI—первой половины XII в.

Во второй половине XII в. отмечается спад городской жизни и ремесленного производства Шаша, характерный и для сопредельного Илака, что во многом способствовало политическому и экономическому ослаблению этих областей, ставших легкой добычей монголов в начале XIII в.

Однако этот эпизод был временным в жизни города и в дальнейшем Ташкент продолжает развиваться, оставаясь центральным городом Шашского оазиса.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГАИМК—Государственная академия истории материальной культуры
ГУОПМК—Главное управление охраны памятников материальной культуры Министерства культуры УзССР
ТИИАЭ АН КазССР—труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР
ИМКУ—История материальной культуры Узбекистана
ИРКИСВА—Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии
КСИИМК—Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
МИА—Материалы и исследования по археологии СССР
МИУТТ—Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР
ПТКЛА—Протоколы и сообщения Туркестанского кружка любителей археологии
СА—Советская археология
СКСО—Справочная книжка Самаркандской области
СОНАТ—Социалистическая наука и техника, журнал Комитета наук УзССР
ТВ—Туркестанские ведомости
ТГЭ—Труды Государственного Эрмитажа
ТИИА АН УзССР—Труды Института истории и археологии АН УзССР
ТОВЭ—Труды отдела Востока Эрмитажа
ТХАЭЭ—Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
УЗКОМСТАРИС—Узбекистанский комитет по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы
ЭВ—Эпиграфика Востока
ЮТАКЭ—Южно-Туркменская археологическая комплексная экспедиция

Цена—93 к.